A Confession

LEO TOLSTOY

1828–1910

A Confession

Исповедь

Translated from the Russian with AI (Claude) and edited

FORAGE
forage.com

A Confession · Leo Tolstoy (1828–1910)

Translated from the Russian with AI (Claude) and edited. Parallel-text edition, Forage, October 2026. forage.com/tolstoy/confession

Russian text: Tolstoy's *Исповедь* (written 1879–82, first published Geneva 1884) as printed in his *Полное собрание сочинений* (Jubilee edition), vol. 23 (Moscow, 1957), pp. 1–59, a volume marked "reprinting permitted free of charge," via the transcription on Russian Wikisource (ru.wikisource.org/wiki/%D0%98%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D1%8C_(%D0%A2%D0%BE%D0%BB%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B9)) (public domain; transcription CC BY-SA 4.0), checked against the page images. The wording is Tolstoy's; the spelling is the modern spelling of that edition, and its editors' notes are omitted. English: translated from the Russian with AI (Claude), then edited for accuracy and consistency. Not reviewed by a human specialist. Free to reuse under CC BY-SA 4.0. Margin numbers are chapter and paragraph ("4.9" is Chapter IV, paragraph 9).

The original text is in the public domain. This translation is free to share and adapt under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (CC BY-SA 4.0): creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0

Set in Source Serif 4, with Gentium Book Plus.

CONTENTS

Introduction vii

Chapter I 1

Chapter II 5

Among the writers 6

Chapter III 11

The execution in Paris 11

Schools, journal, marriage 12

"Why? And then what?" 14

Chapter IV 17

The traveler in the well 19

Lost in the forest 21

Chapter V 23

Two kinds of knowledge 24

Chapter VI 31

The answer of the wise 33

The legend of Shakyamuni 37

Chapter VII 39

Four ways out 39

A doubt about reason 42

Chapter VIII 45

The billions who live 45

Chapter IX 49

Faith is the force of life 51

Chapter X 55

The faith of working people 57

Chapter XI 59

The beggar at the pump 61

Chapter XII 63

In the forest in early spring 65

The boat and the current 66

Chapter XIII 69

The infallible Church 71

Chapter XIV 73

Communion 74

Chapter XV 77
War and executions 81
Chapter XVI 83
Postscript: the dream 84

INTRODUCTION

In the late 1870s Leo Tolstoy (1828–1910) had everything a writer could want. *War and Peace* and *Anna Karenina* were behind him; he was healthy, rich, happily married and famous across Europe. And he found that he could not see why he should go on living. *A Confession*, written between 1879 and 1882, is his account of that crisis. Russian censors would not allow it to be printed, and it first appeared in Geneva in 1884, then circulated in copies at home.

He tells the story plainly: the boy who lost his faith, the young officer and gambler, the writer who taught others without knowing what to teach, the head of a family who hid a rope from himself so as not to hang himself. He asks the sciences and the philosophers what his life means, and gets the answer of Solomon and Schopenhauer: it means nothing. He looks at the people of his own class and sees four ways of living with that answer, none of which he can accept.

What turns him is the faith of ordinary working people, who live as if life had a meaning. Faith, he concludes, is "the force of life." He tries the Orthodox Church, keeps its fasts and takes communion, and in the end breaks with it over its hatred of other faiths and its blessing of war and executions. The book closes with a dream of hanging over an abyss, held up by a single strap. It opened the last thirty years of Tolstoy's life, spent on his own version of Christianity.

Chapter I

Baptized in the Orthodox faith, he has lost it by eighteen; what remains is a faith in self-perfection that turns into ambition.

	RUSSIAN	ENGLISH
1	*(Вступление к ненапечатанному сочинению)*	*(Introduction to an unpublished work)*[1]
1.1	Я был крещен и воспитан в православной христианской вере. Меня учили ей и с детства и во всё время моего отрочества и юности. Но когда я 18-ти лет вышел со второго курса университета, я не верил уже ни во что из того, чему меня учили.	I was baptized and brought up in the Orthodox Christian faith. I was taught it in childhood and all through my boyhood and youth. But when, at eighteen, I left the university in my second year, I no longer believed in anything I had been taught.
1.2	Судя по некоторым воспоминаниям, я никогда и не верил серьезно, а имел только доверие к тому, чему меня учили, и к тому, что исповедовали передо мной большие; но доверие это было очень шатко.	Judging by certain memories, I never really believed seriously. I only had trust in what I had been taught and in what the grown-ups around me professed; and that trust was very shaky.
1.3	Помню, что, когда мне было лет одиннадцать, один мальчик, давно умерший, Володинька М., учившийся в гимназии, придя к нам на воскресенье, как последнюю новинку объявил нам открытие, сделанное в гимназии. Открытие состояло в том, что бога нет и что всё, чему нас учат, одни выдумки (это было в 1838 году). Помню, как старшие братья заинтересовались этою новостью, позвали и меня на совет. Мы все, помню, очень оживились и приняли это известие как что-то очень занимательное и весьма возможное.	I remember that when I was about eleven, a boy named Vladimir M., a gymnasium pupil long since dead, came to see us one Sunday and announced to us, as the latest news, a discovery that had been made at the gymnasium. The discovery was that there is no God and that everything we are taught is nothing but made-up stories (this was in 1838). I remember how interested my older brothers were in this news, and how they called me too into their council. We all, I remember, grew very excited and took the news as something very entertaining and quite possible.[2]
1.4	Помню еще, что, когда старший мой брат Дмитрий, будучи в университете, вдруг, с свойственною его натуре страстностью, предался вере и стал ходить ко всем службам, поститься, вести чистую и нравственную жизнь, то мы все, и даже старшие, не переставая поднимали его на смех и прозвали почему-то Ноем. Помню, Мусин-Пушкин, бывший тогда попечителем Казанского университета, звавший нас к себе танцовать, насмешливо уговаривал отказывавшегося брата тем, что и Давид плясал пред ковчегом. Я сочувствовал тогда этим шуткам старших и выводил из них заключение о том, что учить катехизис надо, ходить в церковь надо, но	I remember too that when my older brother Dmitry, while at the university, suddenly gave himself up to faith with the passion that was in his nature, and began going to all the services, fasting, and leading a pure and moral life, all of us, even the grown-ups, never stopped laughing at him, and for some reason nicknamed him Noah. I remember that Musin-Pushkin, who was then the curator of Kazan University, invited us to dances at his house, and when my brother declined, he mockingly tried to persuade him by saying that even David danced before the Ark. At the time I sympathized with these jokes of my elders, and I

1 Tolstoy meant *A Confession* as the preface to his critique of dogmatic theology, which could not then be published in Russia.
2 A gymnasium was a classical secondary school.

	RUSSIAN	ENGLISH
	слишком серьезно всего этого принимать не следует. Помню еще, что я очень молодым читал Вольтера, и насмешки его не только не возмущали, но очень веселили меня.	drew from them the conclusion that one must learn the catechism and one must go to church, but one should not take any of it too seriously. I remember too that I read Voltaire when I was very young, and his mockery not only did not shock me, it amused me very much.[3]
1.5	Отпадение мое от веры произошло во мне так же, как оно происходило и происходит теперь в людях нашего склада образования. Оно, как мне кажется, происходит в большинстве случаев так: люди живут так, как все живут, а живут все на основании начал, не только не имеющих ничего общего с вероучением, но большею частью противоположных ему; вероучение не участвует в жизни, и в сношениях с другими людьми никогда не приходится сталкиваться и в собственной жизни самому никогда не приходится справляться с ним; вероучение это исповедуется где-то там, вдали от жизни и независимо от нее. Если сталкиваешься с ним, то только как с внешним, не связанным с жизнью, явлением.	My falling away from faith happened in me just as it happened then, and happens now, in people of our kind of education. In most cases, it seems to me, it happens like this. People live as everyone lives, and everyone lives by principles that not only have nothing in common with the doctrine of faith but are for the most part opposed to it. The doctrine plays no part in life; one never has to run up against it in dealings with other people, and one never has to consult it in one's own life. This doctrine is professed somewhere over there, far from life and independent of it. If one does run up against it, it is only as an external phenomenon, unconnected with life.
1.6	По жизни человека, по делам его, как теперь, так и тогда, никак нельзя узнать, верующий он или нет. Если и есть различие между явно исповедующими православие и отрицающими его, то не в пользу первых. Как теперь, так и тогда явное признание и исповедание православия большею частию встречалось в людях тупых, жестоких и безнравственных и считающих себя очень важными. Ум же, честность, прямота, добродушие и нравственность большею частью встречались в людях, признающих себя неверующими.	From a man's life, from his deeds, it was impossible then, as it is impossible now, to tell whether he is a believer or not. If there is any difference between those who openly profess Orthodoxy and those who reject it, it is not in favor of the former. Then as now, open acknowledgment and profession of Orthodoxy was found for the most part in people who were dull, cruel and immoral, and who thought themselves very important. Intelligence, honesty, straightforwardness, good nature and morality were for the most part found in people who considered themselves unbelievers.
1.7	В школах учат катехизису и посылают учеников в церковь; от чиновников требуют свидетельств в бытии у причастия. Но человек нашего круга, который не учится больше и не находится на государственной службе, и теперь, а в старину еще больше, мог прожить десятки лет, не вспомнив ни разу о том, что он живет среди христиан и сам считается исповедующим христианскую православную веру.	In the schools they teach the catechism and send the pupils to church; government officials are required to produce certificates that they have taken communion. But a man of our circle who is no longer studying and is not in government service could, and can even now—and in the old days even more so—live for decades without once remembering that he lives among Christians and is himself considered to profess the Orthodox Christian faith.
1.8	Так что как теперь, так и прежде вероучение, принятое по доверию и поддерживаемое внешним	So, now as before, the doctrine of faith, accepted on trust and kept up by outside pressure, gradu-

RUSSIAN

давлением, понемногу тает под влиянием знаний и опытов жизни, противоположных вероучению, и человек очень часто долго живет, воображая, что в нем цело то вероучение, которое сообщено было ему с детства, тогда как его давно уже нет и следа.

1.9 Мне рассказывал С., умный и правдивый человек, как он перестал верить. Лет двадцати шести уже, он раз на ночлеге во время охоты, по старой, с детства принятой привычке, стал вечером на молитву. Старший брат, бывший с ним на охоте, лежал на сене и смотрел на него. Когда С. кончил и стал ложиться, брат его сказал ему: «А ты еще всё делаешь это?» И больше ничего они не сказали друг другу. И С. перестал с этого дня становиться на молитву и ходить в церковь. И вот тридцать лет не молится, не причащается и не ходит в церковь.

И не потому, чтобы он знал убеждения своего брата и присоединился бы к ним, не потому, чтоб он решил что-нибудь в своей душе, а только потому, что слово это, сказанное братом, было как толчок пальцем в стену, которая готова была упасть от собственной тяжести; слово это было указанием на то, что там, где он думал, что есть вера, давно уже пустое место, и что потому слова, которые он говорит, и кресты, и поклоны, которые он кладет во время стояния на молитве, суть вполне бессмысленные действия. Сознав их бессмысленность, он не мог продолжать их.

1.10 Так было и бывает, я думаю, с огромным большинством людей. Я говорю о людях нашего образования, говорю о людях, правдивых с самими собою, а не о тех, которые самый предмет веры делают средством для достижения каких бы то ни было временных целей. (Эти люди — самые коренные неверующие, потому что если вера для них — средство для достижения каких-нибудь житейских целей, то это уж наверно не вера.) Эти люди нашего образования находятся в том положении, что свет знания и жизни растопил искусственное здание, и они или уже заметили это и освободили место, или еще не заметили этого.

ENGLISH

ally melts away under the influence of knowledge and of the experience of life, which are opposed to it. And very often a man goes on living for a long time imagining that the doctrine imparted to him in childhood is still whole in him, when in fact not a trace of it has been left for a long time.

S., an intelligent and truthful man, told me how he stopped believing. When he was already about twenty-six, he was once spending the night somewhere on a hunting trip, and in the evening, out of an old habit he had kept since childhood, he knelt down to pray. His older brother, who was with him on the hunt, lay on the hay watching him. When S. had finished and was lying down, his brother said to him: “So you still do that?” And they said nothing more to each other. And from that day on S. stopped kneeling to pray and going to church. And now for thirty years he has not prayed, not taken communion, and not gone to church.

And not because he knew his brother’s convictions and had come over to them, and not because he had decided anything in his soul, but only because the words his brother spoke were like the push of a finger against a wall that was ready to fall from its own weight. Those words showed him that where he thought there was faith there had long been only an empty space, and that the words he said, and the signs of the cross and the bows he made as he stood at prayer, were therefore completely meaningless actions. Once he had recognized that they were meaningless, he could not go on with them.

So it has been, and so it is, I think, with the great majority of people. I am speaking of people of our education, of people who are truthful with themselves, not of those who make the very object of faith a means of reaching some temporal end or other. (These people are the most thoroughgoing unbelievers of all, because if faith is for them a means of reaching some worldly end, then it is certainly not faith.) These people of our education are in this position: the light of knowledge and of life has melted the artificial structure, and either

3 Count Mikhail Musin-Pushkin (1795–1862) was curator (superintendent) of the Kazan educational district, where Tolstoy and his brothers studied. King David danced before the Ark of the Covenant (2 Samuel 6).

	RUSSIAN	ENGLISH
		they have already noticed it and cleared the space, or they have not noticed it yet.
1.11	Сообщенное мне с детства вероучение исчезло во мне так же, как и в других, с той только разницей, что так как я очень рано стал много читать и думать, то мое отречение от вероучения очень рано стало сознательным. Я с шестнадцати лет перестал становиться на молитву и перестал по собственному побуждению ходить в церковь и говеть. Я перестал верить в то, что мне было сообщено с детства, но я верил во что-то. Во что я верил, я никак бы не мог сказать. Верил я и в бога или, скорее, я не отрицал бога, но какого бога, я бы не мог сказать; не отрицал я и Христа и его учение, но в чем было его учение, я тоже не мог бы сказать.	The doctrine of faith imparted to me in childhood vanished in me just as it did in others, with only this difference: because I began very early to read a great deal and to think, my renunciation of the doctrine very early became conscious. From the age of sixteen I stopped kneeling to pray, and I stopped going to church and fasting before communion of my own accord. I stopped believing in what had been imparted to me in childhood, but I believed in something. What I believed in, I could not possibly have said. I believed in God too, or rather I did not deny God—but what kind of God, I could not have said. Nor did I deny Christ and his teaching, but what his teaching consisted in, I could not have said either.
1.12	Теперь, вспоминая то время, я вижу ясно, что вера моя — то, что, кроме животных инстинктов, двигало моею жизнью, — единственная истинная вера моя в то время была вера в совершенствование. Но в чем было совершенствование и какая была цель его, я бы не мог сказать. Я старался совершенствовать себя умственно, — я учился всему, чему мог и на что наталкивала меня жизнь; я старался совершенствовать свою волю — составлял себе правила, которым старался следовать; совершенствовал себя физически, всякими упражнениями изощряя силу и ловкость и всякими лишениями приучая себя к выносливости и терпению. И всё это я считал совершенствованием. Началом всего было, разумеется, нравственное совершенствование, но скоро оно подменилось совершенствованием вообще, т. е.	Now, remembering that time, I see clearly that my faith—the thing that, apart from animal instincts, moved my life—my one true faith at that time was faith in perfection. But what perfection consisted in and what its aim was, I could not have said. I tried to perfect myself mentally—I studied everything I could, everything life pushed me toward. I tried to perfect my will—I drew up rules for myself and tried to follow them. I perfected myself physically, sharpening my strength and agility with all kinds of exercises and training myself in endurance and patience with all kinds of privations. And all this I considered perfection. The starting point of it all was, of course, moral perfection, but this was soon replaced by perfection in general, that is,
	желанием быть лучше не перед самим собою или перед богом, а желанием быть лучше перед другими людьми. И очень скоро это стремление быть лучше перед людьми подменилось желанием быть сильнее других людей, т. е. славнее, важнее, богаче других.	by the desire to be better not in my own eyes or in God's, but by the desire to be better in the eyes of other people. And very soon this striving to be better in the eyes of people was replaced by the desire to be stronger than other people, that is, more famous, more important, richer than others.

Chapter II

War, vice and literary fame: Tolstoy joins the writers who believe they are teaching humanity without knowing what to teach.

	RUSSIAN	ENGLISH
2.1	Когда-нибудь я расскажу историю моей жизни — и трогательную и поучительную в эти десять лет моей молодости. Думаю, что многие и многие испытали то же. Я всею душой желал быть хорошим; но я был молод, у меня были страсти, а я был один, совершенно один, когда искал хорошего. Всякий раз, когда я пытался выказывать то, что составляло самые задушевные мои желания: то, что я хочу быть нравственно хорошим, я встречал презрение и насмешки; а как только я предавался гадким страстям, меня хвалили и поощряли. Честолюбие, властолюбие, корыстолюбие, любострастие, гордость, гнев, месть — всё это уважалось. Отдаваясь этим страстям, я становился похож на большого, и я чувствовал, что мною довольны.	Someday I will tell the story of my life—both touching and instructive—in those ten years of my youth. I think that very many people have gone through the same thing. With all my soul I wanted to be good; but I was young, I had passions, and I was alone, completely alone, when I sought the good. Every time I tried to show what made up my most heartfelt desires—that I wanted to be morally good—I met with contempt and ridicule; and as soon as I gave myself up to vile passions, I was praised and encouraged. Ambition, love of power, greed, lust, pride, anger, revenge—all this was respected. Giving myself up to these passions, I became like a grown-up, and I felt that people were pleased with me.
	Добрая тетушка моя, чистейшее существо, с которой я жил, всегда говорила мне, что она ничего не желала бы так для меня, как того, чтоб я имел связь с замужнею женщиной: «rien ne forme un jeune homme comme une liaison avec une femme comme il faut»; еще другого счастия она желала мне, — того, чтоб я был адъютантом, и	My kind aunt, the purest of beings, with whom I lived, always told me that there was nothing she would like so much for me as that I should have an affair with a married woman: “rien ne forme un jeune homme comme une liaison avec une femme comme il faut” [nothing forms a young man like an affair with a woman of good society]. She wished me another happiness too—that I should become an adjutant, and[1]
2.2	лучше всего у государя; и самого большого счастья — того, чтоб я женился на очень богатой девушке и чтоб у меня, вследствие этой женитьбы, было как можно больше рабов.	best of all to the Emperor; and the greatest happiness of all—that I should marry a very rich girl and that, as a result of this marriage, I should have as many slaves as possible.[2]
2.3	Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспомнить об этих годах. Я убивал людей на войне, вызывал на дуэли, чтоб убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков, казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодеяния всех родов, пьянство, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершал, и за всё это	I cannot recall those years without horror, loathing and heartache. I killed people in war, I challenged men to duels in order to kill them, I lost at cards, I squandered the labor of peasants, I punished them, I fornicated, I deceived. Lying, stealing, adultery of every kind, drunkenness, violence, murder... There was no crime I did not commit, and for all this I was praised, and my contem-

1 Tatyana Ergolskaya (1792–1874), a distant relative who helped raise the orphaned Tolstoy children.
2 That is, serfs, whom Tolstoy pointedly calls slaves; serfdom was abolished in 1861.

	RUSSIAN	ENGLISH
	меня хвалили, считали и считают мои сверстники сравнительно нравственным человеком.	poraries considered, and still consider, me a comparatively moral man.[3]
2.4	Так я жил десять лет.	So I lived for ten years.
2.5	В это время я стал писать из тщеславия, корыстолюбия и гордости. В писаниях своих я делал то же самое, что и в жизни. Для того чтобы иметь славу и деньги, для которых я писал, надо было скрывать хорошее и выказывать дурное. Я так и делал. Сколько раз я ухитрялся скрывать в писаниях своих, под видом равнодушия и даже легкой насмешливости, те мои стремления к добру, которые составляли смысл моей жизни. И я достигал этого: меня хвалили.	During this time I began to write, out of vanity, greed and pride. In my writing I did the same thing as in my life. To have the fame and the money for which I wrote, I had to hide what was good and display what was bad. And that is what I did. How many times I contrived to hide in my writings, under a show of indifference and even of light mockery, those strivings of mine toward the good which made up the meaning of my life. And I succeeded: I was praised.

AMONG THE WRITERS

In Petersburg he joins the writers, whose faith is that poets teach humanity without knowing what.

	RUSSIAN	ENGLISH
2.6	Двадцати шести лет я приехал после войны в Петербург и сошелся с писателями. Меня приняли как своего, льстили мне. И не успел я оглянуться, как сословные писательские взгляды на жизнь тех людей, с которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мне все мои прежние попытки сделаться лучше. Взгляды эти под распущенность моей жизни подставили теорию, которая ее оправдывала.	At twenty-six I came to Petersburg after the war and got to know the writers. They received me as one of their own and flattered me. And before I knew it, the views on life held by the writers I had got to know, the views of their class, had become my own, and they had completely wiped out in me all my former attempts to become better. Under the dissoluteness of my life these views put a theory that justified it.
2.7	Взгляд на жизнь этих людей, моих сотоварищей по писанию, состоял в том, что жизнь вообще идет развиваясь и что в этом развитии главное участие принимаем мы, люди мысли, а из людей мысли главное влияние имеем мы — художники, поэты. Наше призвание — учить людей. Для того же, чтобы не представился тот естественный вопрос самому себе: что я знаю и чему мне учить, — в теории этой было выяснено, что этого и не нужно знать, а что художник и поэт бессознательно учит. Я считался чудесным художником и поэтом, и потому мне очень естественно было усвоить эту теорию. Я — художник, поэт — писал, учил, сам не зная чему. Мне за это платили деньги, у меня было прекрасное кушанье, помещение, женщины, общество, у меня была слава.	The view of life held by these people, my fellow writers, was that life in general develops, and that in this development the chief part is played by us, the people of thought; and among the people of thought the chief influence is ours—the artists, the poets. Our calling is to teach people. And so that the natural question should not occur to us—what do I know, and what am I to teach?—it was made clear in this theory that there is no need to know this, that the artist and the poet teach unconsciously. I was considered a wonderful artist and poet, and so it was very natural for me to adopt this theory. I, an artist, a poet, wrote and taught, without myself knowing what. For this I was paid money; I had excellent food, lodgings, women, society; I had fame.
2.8	Стало быть, то, чему я учил, было очень хорошо.	It followed that what I taught was very good.

3 Tolstoy served as an artillery officer in the Caucasus and in the Crimean War (1853–56), including the siege of Sevastopol.

	RUSSIAN	ENGLISH
	Вера эта в значение поэзии и в развитие жизни была вера, и я был одним из жрецов ее. Быть жрецом ее было очень выгодно и приятно. И я довольно долго жил в этой вере, не сомневаясь в ее истинности. Но на второй и в особенности на третий год такой жизни я стал сомневаться в непогрешимости этой веры и стал ее исследовать. Первым поводом к сомнению было то, что я стал замечать, что жрецы этой веры не все были согласны между собою. Одни говорили: мы — самые хорошие и полезные учители, мы учим тому, что нужно, а другие учат неправильно. А другие говорили: нет, мы — настоящие, а вы учите неправильно. И они спорили, ссорились, бранились, обманывали, плутовали друг против друга.	This faith in the significance of poetry and in the development of life was a faith, and I was one of its priests. To be one of its priests was very profitable and pleasant. And I lived in this faith for quite a long time without doubting its truth. But in the second and especially in the third year of such a life I began to doubt the infallibility of this faith and began to examine it. The first occasion for doubt was that I began to notice that the priests of this faith did not all agree with one another. Some said: we are the best and most useful teachers, we teach what is needed, and the others teach wrongly. And others said: no, we are the real ones, and you teach wrongly. And they argued, quarreled, swore at each other, deceived and cheated one another.
	Кроме того, было много между нами людей и не заботящихся о том, кто прав, кто не прав, а просто достигающих своих корыстных целей с помощью этой нашей деятельности. Всё это заставило меня усомниться в истинности нашей веры.	Besides, there were many among us who did not care who was right and who was wrong, but simply pursued their own selfish ends by means of this activity of ours. All this made me doubt the truth of our faith.
2.9	Кроме того, усомнившись в истинности самой веры писательской, я стал внимательнее наблюдать жрецов ее и убедился, что почти все жрецы этой веры, писатели, были люди безнравственные и, в большинстве, люди плохие, ничтожные по характерам — много ниже тех людей, которых я встречал в моей прежней разгульной и военной жизни — но самоуверенные и довольные собой, как только могут быть довольны люди совсем святые или такие, которые и не знают, что такое святость. Люди мне опротивели, и сам себе я опротивел, и я понял, что вера эта — обман.	Moreover, having come to doubt the truth of the writers' faith itself, I began to watch its priests more closely, and I became convinced that almost all the priests of this faith, the writers, were immoral people, and for the most part bad people, worthless in character—far below the people I had met in my former life of carousing and soldiering —but self-assured and pleased with themselves, as only people who are wholly holy can be pleased with themselves, or people who do not even know what holiness is. People became repulsive to me, and I became repulsive to myself, and I understood that this faith was a fraud.
2.10	Но странно то, что хотя всю эту ложь веры я понял скоро и отрекся от нее, но от чина, данного мне этими людьми, — от чина художника, поэта, учителя, — я не отрекся. Я наивно воображал, что я — поэт, художник, и могу учить всех, сам не зная, чему я учу. Я так и делал.	But the strange thing is that although I soon understood all this lie of a faith and renounced it, I did not renounce the rank these people had given me—the rank of artist, poet, teacher. I naively imagined that I was a poet, an artist, and could teach everyone without myself knowing what I was teaching. And that is what I did.
2.11	Из сближения с этими людьми я вынес новый порок — до болезненности развившуюся гордость и сумасшедшую уверенность в том, что я призван учить людей, сам не зная чему.	From my closeness to these people I carried away a new vice: a pride developed to the point of sickness, and a mad certainty that I was called to teach people without myself knowing what.
2.12	Теперь, вспоминая об этом времени, о своем настроении тогда и настроении тех людей (таких,	Now, remembering that time, my state of mind then and the state of mind of those people (there

	RUSSIAN	ENGLISH
	впрочем, и теперь тысячи), мне и жалко, и страшно, и смешно, — возникает именно то самое чувство, которое испытываешь в доме сумасшедших.	are thousands like them even now, for that matter), I feel pity, and terror, and amusement—there arises precisely the feeling one has in a madhouse.
2.13	Мы все тогда были убеждены, что нам нужно говорить и говорить, писать, печатать — как можно скорее, как можно больше, что всё это нужно для блага человечества. И тысячи нас, отрицая, ругая один другого, все печатали, писали, поучая других. И, не замечая того, что мы ничего не знаем, что на самый простой вопрос жизни: что хорошо, что дурно, — мы не знаем, что ответить, мы все, не слушая друг друга, все враз говорили, иногда потакая друг другу и восхваляя друг друга с тем, чтоб и мне потакали и меня похвалили, иногда же раздражаясь и перекрикивая друг друга, точно так, как в сумасшедшем доме.	We were all convinced then that we had to talk and talk, write, print—as fast as possible, as much as possible—and that all this was needed for the good of humanity. And thousands of us, denying and abusing one another, all printed and wrote, instructing others. And without noticing that we knew nothing, that to the very simplest question of life—what is good and what is bad—we did not know what to answer, we all talked at once without listening to one another, sometimes indulging one another and praising one another so that I too would be indulged and praised, and sometimes losing our tempers and shouting one another down, exactly as in a madhouse.
2.14	Тысячи работников дни и ночи из последних сил работали, набирали, печатали миллионы слов, и почта развозила их по всей России, а мы всё еще больше и больше учили, учили и учили и никак не успевали всему научить, и всё сердились, что нас мало слушают.	Thousands of workers labored day and night to the limit of their strength, setting type and printing millions of words, and the post carried them all over Russia, and we went on teaching more and more, teaching and teaching and teaching, and never managed to teach everything, and we were always angry that people listened to us so little.
2.15	Ужасно странно, но теперь мне понятно. Настоящим, задушевным рассуждением нашим было то, что мы хотим как можно больше получать денег и похвал. Для достижения этой цели мы ничего другого не умели делать, как только писать книжки и газеты. Мы это и делали. Но для того, чтобы нам делать столь бесполезное дело и иметь уверенность, что мы — очень важные люди, нам надо было еще рассуждение, которое бы оправдывало нашу деятельность. И вот у нас было придумано следующее: всё, что существует, то разумно. Всё же, что существует, всё развивается. Развивается же всё посредством просвещения. Просвещение же измеряется распространением книг, газет. А нам платят деньги и нас уважают за то, что мы пишем книги и газеты, и потому мы — самые полезные и хорошие люди.	It is terribly strange, but now I understand it. Our real, heartfelt reasoning was that we wanted to get as much money and praise as possible. To reach this goal we knew how to do nothing else but write books and newspapers. And that is what we did. But in order to do such useless work and to be sure that we were very important people, we needed a further argument that would justify our activity. And so we came up with the following: everything that exists is rational. And everything that exists develops. And everything develops by means of enlightenment. And enlightenment is measured by the spread of books and newspapers. And we are paid money and respected for writing books and newspapers, and therefore we are the most useful and the best of people.[4]
	Рассуждение это было бы очень хорошо, если бы мы все были согласны; но так как на каждую мысль, высказываемую одним, являлась всегда мысль, диаметрально противоположная, высказываемая другим, то это должно бы было заставить нас	This argument would have been very good if we had all agreed; but since every thought expressed by one of us was always met by a diametrically opposite thought expressed by another, this should have made us stop and think. But we did not no-

4 "Everything that exists is rational" is a popular version of Hegel's dictum "What is rational is actual, and what is actual is rational."

	RUSSIAN	ENGLISH
	одуматься. Но мы этого не замечали. Нам платили деньги, и люди нашей партии нас хвалили, — стало быть, мы, каждый из нас, считали себя правыми.	tice it. We were paid money, and the people of our party praised us—so each of us considered himself right.
2.16	Теперь мне ясно, что разницы с сумасшедшим домом никакой не было; тогда же я только смутно подозревал это, и то только, как и все сумасшедшие, — называл всех сумасшедшими, кроме себя.	It is clear to me now that there was no difference at all between this and a madhouse; at the time I only vaguely suspected it, and even then, like all madmen, I called everyone mad except myself.

Chapter III

An execution in Paris, a brother's death, schools, marriage; then the questions begin: "Why? And what then?"

	RUSSIAN	ENGLISH
3.1	Так я жил, предаваясь этому безумию еще шесть лет, до моей женитьбы. В это время я поехал за границу. Жизнь в Европе и сближение мое с передовыми и учеными европейскими людьми утвердило меня еще больше в той вере совершенствования вообще, которой я жил, потому что ту же самую веру я нашел и у них. Вера эта приняла во мне ту обычную форму, которую она имеет у большинства образованных людей нашего времени. Вера эта выражалась словом «прогресс». Тогда мне казалось, что этим словом выражается что-то.	So I lived, giving myself up to this madness for another six years, until my marriage. During this time I went abroad. Life in Europe and my acquaintance with advanced and learned Europeans confirmed me still more in the faith in perfection in general by which I lived, because I found the very same faith in them. This faith took in me the usual form it takes in most educated people of our time. This faith was expressed by the word "progress." At the time it seemed to me that this word expressed something.
	Я не понимал еще того, что, мучимый, как всякий живой человек, вопросами, как мне лучше жить, я, отвечая: жить сообразно с прогрессом, — говорю совершенно то же, что скажет человек, несомый в лодке по волнам и по ветру, на главный и единственный для него вопрос: «куда держаться», — если он, не отвечая на вопрос, скажет: «нас несет куда-то».	I did not yet understand that, tormented like every living man by questions of how I could best live, I was answering: live in accordance with progress—and in saying this I was saying exactly what a man would say who is being carried along in a boat by the waves and the wind, if to the main and only question for him—"Which way should we steer?"—he were to answer, without answering the question: "We are being carried somewhere."

THE EXECUTION IN PARIS

A guillotining in Paris and his brother's death shake his faith in progress.

	RUSSIAN	ENGLISH
3.2	Тогда я не замечал этого. Только изредка — не разум, а чувство возмущалось против этого общего в наше время суеверия, которым люди заслоняют от себя свое непонимание жизни. Так, в бытность мою в Париже, вид смертной казни обличил мне шаткость моего суеверия прогресса.	At the time I did not notice this. Only now and then did something in me—not my reason but my feeling—rebel against this superstition, so common in our time, with which people screen from themselves their failure to understand life. Thus, during my stay in Paris, the sight of an execution exposed to me the shakiness of my superstition of progress.[1]
	Когда я увидал, как голова отделилась от тела, и то, и другое врозь застучало в ящике, я понял — не умом, а всем существом, — что никакие теории разумности	When I saw how the head was severed from the body, and how each of them, separately, thudded into the box, I understood—not with my mind but

1 In April 1857 Tolstoy watched a guillotining in Paris; he wrote to a friend that he would never again serve any government anywhere.

	RUSSIAN	ENGLISH
	существующего и прогресса не могут оправдать этого поступка и что если бы все люди в мире, по каким бы то ни было теориям, с сотворения мира, находили, что это нужно, — я знаю, что это не нужно, что это дурно и что поэтому судья тому, что хорошо и нужно, не то, что говорят и делают люди, и не прогресс, а я с своим сердцем. Другой случай сознания недостаточности для жизни суеверия прогресса была смерть моего брата.	with my whole being—that no theories of the rationality of what exists, or of progress, could justify this act; and that even if all the people in the world, by whatever theories, had found since the creation of the world that this was necessary—I know that it is not necessary, that it is wrong, and that therefore the judge of what is good and necessary is not what people say and do, and not progress, but I with my heart. Another occasion when I became aware that the superstition of progress is not enough to live by was the death of my brother.[2]
	Умный, добрый, серьезный человек, он заболел молодым, страдал более года и мучительно умер, не понимая, зачем он жил, и еще менее понимая, зачем он умирает. Никакие теории ничего не могли ответить на эти вопросы ни мне, ни ему во время его медленного и мучительного умирания.	An intelligent, kind, serious man, he fell ill while still young, suffered for more than a year and died in agony, not understanding why he had lived, and understanding still less why he was dying. No theories could answer these questions in any way, either for me or for him, during his slow and agonizing dying.
3.3	Но это были только редкие случаи сомнения, в сущности же я продолжал жить, исповедуя только веру в прогресс. «Всё развивается, и я развиваюсь; а зачем это я развиваюсь вместе со всеми, это видно будет». Так бы я тогда должен был формулировать свою веру.	But these were only rare moments of doubt; in essence I went on living, professing only faith in progress. “Everything develops, and I develop; and why I am developing along with everyone else —that will become clear.” That is how I would have had to formulate my faith then.

SCHOOLS, JOURNAL, MARRIAGE

He teaches peasant children, edits a journal, falls ill, marries, and gives fifteen years to his family.

	RUSSIAN	ENGLISH
3.4	Вернувшись из-за границы, я поселился в деревне и попал на занятие крестьянскими школами. Занятие это было мне особенно по сердцу, потому что в нем не было той, ставшей для меня очевидною, лжи, которая мне уже резала глаза в деятельности литературного учительства. Здесь я тоже действовал во имя прогресса, но я уже относился критически к самому прогрессу. Я говорил себе, что прогресс в некоторых явлениях своих совершался неправильно и что вот надо отнестись к первобытным людям, крестьянским детям, совершенно свободно, предлагая им избрать тот путь прогресса, который они захотят.	On returning from abroad I settled in the country and took up work with peasant schools. This work was especially dear to my heart, because there was none of that lie in it which had become obvious to me and already stung my eyes in the work of teaching through literature. Here too I acted in the name of progress, but by now I took a critical attitude toward progress itself. I told myself that progress had in some of its manifestations gone wrong, and that one ought to treat people in their original state, peasant children, with complete freedom, offering them the choice of whatever path of progress they wanted.[3]
3.5	В сущности же я вертелся всё около одной и той же неразрешимой задачи, состоящей в том, чтоб учить,	In essence I was still circling around one and the same insoluble problem: how to teach without

2 Nikolai Tolstoy (1823–60), Lev’s eldest brother, died of tuberculosis at Hyères in the south of France.
3 In 1859 Tolstoy opened a school for peasant children at Yasnaya Polyana, his estate south of Moscow.

RUSSIAN

не зная чему. В высших сферах литературной деятельности мне ясно было, что нельзя учить, не зная, чему учить, потому что я видел, что все учат различному и спорами между собой скрывают только сами от себя свое незнание; здесь же, с крестьянскими детьми, я думал, что можно обойти эту трудность тем, чтобы предоставить детям учиться, чему они хотят. Теперь мне смешно вспомнить, как я вилял, чтоб исполнить свою похоть — учить, хотя очень хорошо знал в глубине души, что я не могу ничему учить такому, что́ нужно, потому что сам не знаю, что́ нужно.

После года, проведенного в занятиях школой, я другой раз поехал за границу, чтобы там узнать, как бы это так сделать, чтобы, самому ничего не зная, уметь учить других.

3.6 И мне казалось, что я этому выучился за границей, и, вооруженный всей этой премудростью, я в год освобождения крестьян вернулся в Россию и, заняв место посредника, стал учить и необразованный народ в школах, и образованных людей в журнале, который я начал издавать. Дело, казалось, шло хорошо, но я чувствовал, что я не совсем умственно здоров и долго это не может продолжаться. И я бы тогда же, может быть, пришел к тому отчаянию, к которому я пришел в пятьдесят лет, если б у меня не было еще одной стороны жизни, не изведанной еще мною и обещавшей мне спасение: это была семейная жизнь.

3.7 В продолжение года я занимался посредничеством, школами и журналом и так измучился, от того особенно, что запутался, так мне тяжела стала борьба по посредничеству, так смутно проявлялась деятельность моя в школах, так противно мне стало мое виляние в журнале, состоявшее всё в одном и том же — в желании учить всех и скрыть то, что я не знаю, чему учить, что я заболел более духовно, чем физически, — бросил всё и поехал в степь к башкирам — дышать воздухом, пить кумыс и жить животною жизнью.

ENGLISH

knowing what. In the higher spheres of literary activity it was clear to me that one cannot teach without knowing what to teach, because I saw that everyone taught different things and by their disputes only hid their ignorance from themselves. Here, though, with peasant children, I thought that this difficulty could be got around by letting the children learn whatever they wanted. It is funny to me now to remember how I twisted and turned to satisfy my lust to teach, though in the depths of my soul I knew very well that I could not teach anything that was needed, because I myself did not know what was needed.

After a year spent working on the school, I went abroad a second time, to find out there how one might manage, while knowing nothing oneself, to be able to teach others.

And it seemed to me that I had learned this abroad, and, armed with all this wisdom, I returned to Russia in the year the peasants were emancipated, took up a post as an arbiter of the peace, and began to teach both the uneducated people in the schools and educated people in a journal that I began to publish. Things seemed to be going well, but I felt that I was not quite sound in mind and that this could not go on for long. And perhaps I would have come even then to the despair I came to at fifty, if I had not had one more side of life that I had not yet explored and that promised me salvation: this was family life.[4]

For a year I occupied myself with arbitration, with the schools and with the journal, and I wore myself out so—especially because I had become entangled; so hard did my struggles as an arbiter become for me, so vague were the results of my work in the schools, so repugnant to me did my twisting and turning in the journal become, which consisted always in one and the same thing, the desire to teach everyone and to hide the fact that I did not know what to teach—that I fell ill, more spiritually than physically. I dropped everything and went off to the steppe, to the Bashkirs, to breathe the air, drink kumys and live an animal life.[5]

4 After the emancipation of the serfs in 1861, arbiters of the peace settled disputes between landowners and freed peasants. Tolstoy's journal was the pedagogical magazine *Yasnaya Polyana* (1862).
5 The Bashkirs are a Turkic people of the southern Urals and the Samara steppe; kumys is fermented mare's milk, then prescribed as a cure.

	RUSSIAN	ENGLISH
3.8	Вернувшись оттуда, я женился. Новые условия счастливой семейной жизни совершенно уже отвлекли меня от всякого искания общего смысла жизни. Вся жизнь моя сосредоточилась за это время в семье, в жене, в детях и потому в заботах об увеличении средств жизни. Стремление к усовершенствованию, подмененное уже прежде стремлением к усовершенствованию вообще, к прогрессу, теперь подменилось уже прямо стремлением к тому, чтобы мне с семьей было как можно лучше.	When I returned from there, I married. The new conditions of a happy family life now completely diverted me from any search for the general meaning of life. During this time my whole life was centered on my family, my wife, my children, and therefore on worries about increasing our means of living. The striving for perfection, already replaced earlier by the striving for perfection in general, for progress, was now replaced outright by the striving to make things as good as possible for me and my family.[6]
3.9	Так прошло еще пятнадцать лет.	So another fifteen years went by.
3.10	Несмотря на то, что я считал писательство пустяками в продолжение этих пятнадцати лет, я все-таки продолжал писать. Я вкусил уже соблазна писательства, соблазна огромного денежного вознаграждения и рукоплесканий за ничтожный труд и предавался ему как средству к улучшению своего материального положения и заглушению в душе всяких вопросов о смысле жизни моей и общей.	Although during these fifteen years I considered writing a trifle, I nevertheless went on writing. I had already tasted the temptation of authorship, the temptation of enormous monetary rewards and applause for worthless work, and I gave myself up to it as a means of improving my material position and of stifling in my soul any questions about the meaning of my life and of life in general.
3.11	Я писал, поучая тому, что для меня было единой истиной, что надо жить так, чтобы самому с семьей было как можно лучше.	I wrote, teaching what was for me the one truth: that one must live so that things are as good as possible for oneself and one's family.

"WHY? AND THEN WHAT?"

Moments of bewilderment return more and more often as questions he cannot answer.

	RUSSIAN	ENGLISH
3.12	Так я жил, но пять лет тому назад со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумения, остановки жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, и я терялся и впадал в уныние. Но это проходило, и я продолжал жить попрежнему. Потом эти минуты недоумения стали повторяться чаще и чаще и всё в той же самой форме. Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: Зачем? Ну, а потом?	So I lived; but five years ago something very strange began to happen to me. At first I began to have moments of bewilderment, of the arrest of life, as though I did not know how I was to live or what I was to do, and I would lose my bearings and fall into dejection. But this passed, and I went on living as before. Then these moments of bewilderment began to recur more and more often, and always in the very same form. These arrests of life always expressed themselves in the same questions: Why? Well, and then what?
3.13	Сначала мне казалось, что это так — бесцельные, неуместные вопросы. Мне казалось, что это всё известно и что если я когда и захочу заняться их разрешением, это не будет стоить мне труда, — что теперь только мне некогда этим заниматься, а когда	At first it seemed to me that these were just pointless, irrelevant questions. It seemed to me that all this was well known, and that if I ever wanted to take up the task of solving them, it would cost me no effort—that just now I had no time for it, but

6 Tolstoy married Sofya Andreevna Behrs (1844–1919) in September 1862.

RUSSIAN

вздумаю, тогда и найду ответы. Но чаще и чаще стали повторяться вопросы, настоятельнее и настоятельнее требовались ответы, и как точки, падая всё на одно место, сплотились эти вопросы без ответов в одно черное пятно.

3.14 Случилось то, что случается с каждым заболевающим смертельною внутреннею болезнью. Сначала появляются ничтожные признаки недомогания, на которые больной не обращает внимания, потом признаки эти повторяются чаще и чаще и сливаются в одно нераздельное по времени страдание. Страдание растет, и больной не успеет оглянуться, как уже сознает, что то, что он принимал за недомогание, есть то, что для него значительнее всего в мире, что это — смерть.

3.15 То же случилось и со мной. Я понял, что это — не случайное недомогание, а что-то очень важное, и что если повторяются всё те же вопросы, то надо ответить на них. И я попытался ответить. Вопросы казались такими глупыми, простыми, детскими вопросами. Но только что я тронул их и попытался разрешить, я тотчас же убедился, во-первых, в том, что это не детские и глупые вопросы, а самые важные и глубокие вопросы в жизни, и, во-вторых, в том, что я не могу и не могу, сколько бы я ни думал, разрешить их. Прежде чем заняться самарским имением, воспитанием сына, писанием книги, надо знать, зачем я это буду делать. Пока я не знаю — зачем, я не могу ничего делать.

Среди моих мыслей о хозяйстве, которые очень занимали меня в то время, мне вдруг приходил в голову вопрос: «Ну хорошо, у тебя будет 6000 десятин в Самарской губернии, 300 голов лошадей, а потом?..» И я совершенно опешивал и не знал, что думать дальше. Или, начиная думать о том, как я воспитаю детей, я говорил себе: «Зачем?» Или, рассуждая о том, как народ может достигнуть благосостояния, я вдруг говорил себе: «А мне что за дело?» Или, думая о той славе, которую приобретут мне мои сочинения, я говорил себе: «Ну хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире, — ну и что ж!..»

ENGLISH

that whenever I chose to, I would find the answers. But the questions began to recur more and more often, the answers were demanded more and more insistently, and like dots that all fall on the same spot, these unanswered questions ran together into one black stain.

What happened was what happens to anyone who falls ill with a fatal internal disease. First insignificant signs of indisposition appear, to which the sick man pays no attention; then these signs recur more and more often and merge into one suffering that is unbroken in time. The suffering grows, and before the sick man can look around, he realizes that what he took for an indisposition is the thing that matters more to him than anything else in the world: that it is death.

The same thing happened to me. I understood that this was not a chance indisposition but something very important, and that if the same questions kept recurring, I had to answer them. And I tried to answer them. The questions seemed such stupid, simple, childish questions. But as soon as I touched them and tried to resolve them, I was at once convinced, first, that they were not childish and stupid questions but the most important and profound questions in life, and second, that I could not, could not, however much I thought, resolve them. Before occupying myself with my Samara estate, with my son's education, with writing a book, I had to know why I would be doing it. As long as I do not know why, I cannot do anything.[7]

In the midst of my thoughts about managing the estate, which occupied me a great deal at that time, the question would suddenly come into my head: "Very well, you will have 6,000 desyatinas in Samara province and 300 horses—and then what?..." And I was completely taken aback and did not know what to think next. Or, as I began to think about how I would bring up my children, I would say to myself: "Why?" Or, reasoning about how the people might attain prosperity, I would suddenly say to myself: "But what is that to me?" Or, thinking about the fame my works would bring me, I would say to myself: "Very well, you will be more famous than Gogol, Pushkin,

7 Tolstoy bought land in Samara province, on the Volga steppe, in 1871 and 1878.

	RUSSIAN	ENGLISH
		Shakespeare, Molière, than all the writers in the world—and what of it?…”[8]
3.16	И я ничего и ничего не мог ответить.	And I could find no answer, no answer at all.

8 A desyatina is about 2.7 acres, so some 16,000 acres.

Chapter IV

At fifty, healthy, loved and famous, he hides a rope from himself; the Eastern fable of the traveler, the dragon and the two mice.

	RUSSIAN	ENGLISH
4.1	Жизнь моя остановилась. Я мог дышать, есть, пить, спать, и не мог не дышать, не есть, не пить, не спать; но жизни не было, потому что не было таких желаний, удовлетворение которых я находил бы разумным. Если я желал чего, то я вперед знал, что, удовлетворю или не удовлетворю мое желание, из этого ничего не выйдет.	My life came to a stop. I could breathe, eat, drink, sleep, and I could not help breathing, eating, drinking, sleeping; but there was no life, because there were no desires whose satisfaction I would have found reasonable. If I desired anything, I knew in advance that whether I satisfied my desire or not, nothing would come of it.
4.2	Если бы пришла волшебница и предложила мне исполнить мои желания, я бы не знал, что сказать. Если есть у меня не желания, но привычки желаний прежних, в пьяные минуты, то я в трезвые минуты знаю, что это — обман, что нечего желать. Даже узнать истину я не мог желать, потому что я догадывался, в чем она состояла. Истина была то, что жизнь есть бессмыслица.	If a fairy had come and offered to fulfill my wishes, I would not have known what to say. If in drunken moments I have, not desires, but the habits of former desires, in sober moments I know that this is a deception, that there is nothing to desire. I could not even desire to know the truth, because I guessed what it consisted in. The truth was that life is an absurdity.
4.3	Я как будто жил-жил, шел-шел и пришел к пропасти и ясно увидал, что впереди ничего нет, кроме погибели. И остановиться нельзя, и назад нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобы не видать, что ничего нет впереди, кроме обмана жизни и счастья и настоящих страданий и настоящей смерти — полного уничтожения.	It was as though I had lived and lived, walked and walked, and come to an abyss, and seen clearly that there was nothing ahead but destruction. And it is impossible to stop, and impossible to go back, and impossible to close my eyes so as not to see that there is nothing ahead but the deception of life and happiness, and real suffering and real death—complete annihilation.
4.4	Жизнь мне опостылела — какая-то непреодолимая сила влекла меня к тому, чтобы как-нибудь избавиться от нее. Нельзя сказать, чтоб я хотел убить себя. Сила, которая влекла меня прочь от жизни, была сильнее, полнее, общее хотенья. Это была сила, подобная прежнему стремлению жизни, только в обратном отношении. Я всеми силами стремился прочь от жизни. Мысль о самоубийстве пришла мне так же естественно, как прежде приходили мысли об улучшении жизни. Мысль эта была так соблазнительна, что я должен был употреблять против себя хитрости, чтобы не привести ее слишком поспешно в исполнение. Я не хотел торопиться только потому, что хотелось употребить все усилия,	Life became hateful to me—some irresistible force drew me to get rid of it somehow. I cannot say that I wanted to kill myself. The force that drew me away from life was stronger, fuller, more general than any wanting. It was a force like my former striving toward life, only in the opposite direction. With all my strength I strove away from life. The thought of suicide came to me as naturally as thoughts of improving my life had come before. The thought was so tempting that I had to use cunning against myself so as not to carry it out too hastily. I did not want to be in a hurry only because I wanted to make every effort to untangle things! If I can't untangle them, there will always be time, I told myself.

RUSSIAN

ENGLISH

чтобы распутаться! Если не распутаюсь, то всегда успею, говорил я себе.

И вот тогда я, счастливый человек, вынес из своей комнаты шнурок, где я каждый вечер бывал один, раздеваясь, чтобы не повеситься на перекладине между шкапами, и перестал ходить с ружьем на охоту, чтобы не соблазниться слишком лёгким способом избавления себя от жизни. Я сам не знал, чего я хочу: я боялся жизни, стремился прочь от нее и, между тем, чего-то еще надеялся от нее.

And so it was then that I, a happy man, took the cord out of my room, where I was alone every night as I undressed, so as not to hang myself from the crossbar between the cupboards, and I stopped going hunting with a gun, so as not to be tempted by too easy a way of ridding myself of life. I myself did not know what I wanted: I was afraid of life, I strove to get away from it, and yet I still hoped for something from it.

4.5 И это сделалось со мной в то время, когда со всех сторон было у меня то, что считается совершенным счастьем: это было тогда, когда мне не было пятидесяти лет. У меня была добрая, любящая и любимая жена, хорошие дети, большое имение, которое без труда с моей стороны росло и увеличивалось. Я был уважаем близкими и знакомыми, больше чем когда-нибудь прежде, был восхваляем чужими и мог считать, что я имею известность, без особенного самообольщения.

При этом я не только не был телесно или духовно нездоров, но, напротив, пользовался силой и духовной, и телесной, какую я редко встречал в своих сверстниках: телесно я мог работать на покосах, не отставая от мужиков; умственно я мог работать по восьми — десяти часов подряд, не испытывая от такого напряжения никаких последствий. И в таком положении я пришел к тому, что не мог жить и, боясь смерти, должен был употреблять хитрости против себя, чтобы не лишить себя жизни.

And this happened to me at a time when, on every side, I had what is considered complete happiness: it was when I was not yet fifty. I had a good, loving and beloved wife, good children, a large estate that grew and increased without any effort on my part. I was respected by my family and acquaintances more than ever before, I was praised by strangers, and I could consider that I had renown, without any particular self-deception.

Moreover, I was not only not unwell in body or in spirit; on the contrary, I enjoyed a strength of both spirit and body such as I have rarely met in men of my age. Physically I could work at the haymaking without falling behind the peasants; mentally I could work for eight or ten hours at a stretch without feeling any ill effects from the strain. And in this state I came to the point where I could not live, and, being afraid of death, I had to use cunning against myself so as not to take my own life.

4.6 Душевное состояние это выражалось для меня так: жизнь моя есть какая-то кем-то сыгранная надо мной глупая и злая шутка. Несмотря на то, что я не признавал никакого «кого-то», который бы меня сотворил, эта форма представления, что кто-то надо мной подшутил зло и глупо, произведя меня на свет, была самая естественная мне форма представления.

To me this state of mind took this form: my life is some stupid and spiteful joke that someone has played on me. Although I did not acknowledge any "someone" who might have created me, this way of picturing it, that someone had played a spiteful and stupid joke on me by bringing me into the world, was the way of picturing it that came most naturally to me.

4.7 Невольно мне представлялось, что там где-то есть кто-то, который теперь потешается, глядя на меня, как я целые 30—40 лет жил, жил учась, развиваясь, возрастая телом и духом, и как я теперь, совсем окрепнув умом, дойдя до той вершины жизни, с которой открывается вся она, — как я дурак-дураком стою на этой вершине, ясно понимая, что ничего в жизни и нет, и не было, и не будет. «А ему смешно...»

I could not help imagining that somewhere out there is someone who is now amusing himself as he watches me. He watches how for a whole thirty or forty years I lived, lived learning, developing, growing in body and spirit. And he watches how now, my mind fully matured, having reached that summit of life from which the whole of it lies open, I stand on that summit like a perfect fool,

	RUSSIAN	ENGLISH
		seeing clearly that there is nothing in life, and never was, and never will be. "And he finds it funny..."
4.8	Но есть ли, или нет этот кто-нибудь, который смеется надо мной, мне от этого не легче. Я не мог придать никакого разумного смысла ни одному поступку, ни всей моей жизни. Меня только удивляло то, как мог я не понимать этого в самом начале. Всё это так давно всем известно. Не нынче-завтра придут болезни, смерть (и приходили уже) на любимых людей, на меня, и ничего не останется, кроме смрада и червей. Дела мои, какие бы они ни были, все забудутся — раньше, позднее, да и меня не будет. Так из чего же хлопотать? Как может человек не видеть этого и жить — вот что удивительно!	But whether this someone who laughs at me exists or not, that does not make it any easier for me. I could not give any rational meaning to a single act, or to my whole life. I was only amazed that I could have failed to understand this at the very beginning. All this has been known to everyone for so long. Any day now sickness and death will come (and they had come already) to the people I love, to me, and nothing will remain but stench and worms. My works, whatever they may be, will all be forgotten, sooner or later, and I myself will be no more. So what is there to bustle about for? How can a man not see this and go on living—that is what is astonishing!
	Можно жить только, покуда пьян жизнью; а как протрезвишься, то нельзя не видеть, что все это — только обман, и глупый обман! Вот именно, что ничего даже нет смешного и остроумного, а просто — жестоко и глупо.	One can live only so long as one is drunk with life; but once you sober up, you cannot help seeing that it is all just a deception, and a stupid deception! That is just it: there is nothing even funny or witty about it. It is simply cruel and stupid.

THE TRAVELER IN THE WELL

The Eastern fable of the traveler hanging between a beast and a dragon while two mice gnaw the bush.

	RUSSIAN	ENGLISH
4.9	Давно уже рассказана восточная басня про путника, застигнутого в степи разъяренным зверем. Спасаясь от зверя, путник вскакивает в безводный колодезь, но на дне колодца видит дракона, разинувшего пасть, чтобы пожрать его. И несчастный, не смея вылезть, чтобы не погибнуть от разъяренного зверя, не смея и спрыгнуть на дно колодца, чтобы не быть пожранным драконом, ухватывается за ветви растущего в расщелинах колодца дикого куста и держится на нем. Руки его ослабевают, и он чувствует, что скоро должен будет отдаться погибели, с обеих сторон ждущей его; но он всё держится, и пока он держится, он оглядывается и видит, что две мыши, одна черная, другая белая, равномерно обходя стволину куста, на котором он висит, подтачивают ее.	There is an Eastern fable, told long ago, about a traveler caught in the steppe by a raging beast. Fleeing the beast, the traveler leaps into a dry well, but at the bottom of the well he sees a dragon with its jaws gaping wide to devour him. He dares not climb out, lest he perish from the raging beast, and he dares not jump down to the bottom of the well, lest he be devoured by the dragon. So the unhappy man seizes hold of the branches of a wild bush growing in the cracks of the well and clings to it. His hands grow weak, and he feels that he will soon have to give himself up to the destruction that awaits him on both sides. But he still clings on, and while he clings he looks around and sees two mice, one black, the other white. They are going steadily round and round the stem of the bush he is hanging from, and they are gnawing through it.[1]

1 The parable of the man in the well is told in the legend of Barlaam and Josaphat, which Russians knew from the lives of the saints; it goes back to Indian sources.

	RUSSIAN	ENGLISH
	Вот-вот сам собой обломится и оборвется куст, и он упадет в пасть дракону. Путник видит это и знает, что он неминуемо погибнет; но пока он висит, он ищет вокруг себя и находит на листьях куста капли меда, достает их языком и лижет их. Так и я держусь за ветки жизни, зная, что неминуемо ждет дракон смерти, готовый растерзать меня, и не могу понять, зачем я попал на это мучение. И я пытаюсь сосать тот мед, который прежде утешал меня; но этот мед уже не радует меня, а белая и черная мышь — день и ночь — подтачивают ветку, за которую я держусь. Я ясно вижу дракона, и мед уже не сладок мне.	Any moment now the bush will break off of itself and give way, and he will fall into the dragon's jaws. The traveler sees this and knows that he will inevitably perish. But while he hangs there, he looks about him and finds drops of honey on the leaves of the bush, reaches them with his tongue and licks them. So I too cling to the branches of life, knowing that the dragon of death inevitably awaits me, ready to tear me to pieces, and I cannot understand why I have been brought to this torment. And I try to suck the honey that used to comfort me; but the honey no longer gives me any pleasure, and the white mouse and the black mouse, day and night, are gnawing at the branch I am clinging to. I see the dragon clearly, and the honey is no longer sweet to me.
	Я вижу одно — неизбежного дракона и мышей, — и не могу отвратить от них взор. И это не басня, а это истинная, неоспоримая и всякому понятная правда.	I see one thing only—the inescapable dragon and the mice—and I cannot turn my eyes away from them. And this is not a fable. It is the real, indisputable truth, and anyone can understand it.
4.10	Прежний обман радостей жизни, заглушавший ужас дракона, уже не обманывает меня. Сколько ни говори мне: ты не можешь понять смысла жизни, не думай, живи, — я не могу делать этого, потому что слишком долго делал это прежде. Теперь я не могу не видеть дня и ночи, бегущих и ведущих меня к смерти. Я вижу это одно, потому что это одно — истина. Остальное всё — ложь.	The old deception of life's joys, which drowned out the terror of the dragon, no longer deceives me. Tell me as often as you like: you cannot understand the meaning of life, so do not think, just live —I cannot do it, because I did it for too long before. Now I cannot help seeing the days and nights running on and leading me to death. I see this one thing, because this one thing is the truth. All the rest is a lie.
4.11	Те две капли меда, которые дольше других отводили мне глаза от жестокой истины — любовь к семье и к писательству, которое я называл искусством, — уже не сладки мне.	Those two drops of honey which had kept my eyes from the cruel truth longer than the others, love of my family and love of writing, which I called art, are no longer sweet to me.
4.12	«Семья»... — говорил я себе; — но семья — жена, дети; они тоже люди. Они находятся в тех же самых условиях, в каких и я: они или должны жить во лжи, или видеть ужасную истину. Зачем же им жить? Зачем мне любить их, беречь, растить и блюсти их? Для того же отчаяния, которое во мне, или для тупоумия! Любя их, я не могу скрывать от них истины, — всякий шаг в познании ведет их к этой истине. А истина — смерть.	"Family"... I said to myself. But family means a wife, children, and they are people too. They are in exactly the same conditions as I am: they must either live in a lie or see the terrible truth. Why should they live, then? Why should I love them, care for them, raise them and watch over them? For the same despair that is in me, or for dull stupidity! Because I love them, I cannot hide the truth from them, and every step they take in knowledge leads them to this truth. And the truth is death.
4.13	«Искусство, поэзия?..» Долго под влиянием успеха похвалы людской я уверял себя, что это — дело, которое можно делать, несмотря на то, что придет	"Art, poetry?..." For a long time, under the influence of success and of people's praise, I assured

	RUSSIAN	ENGLISH
	смерть, которая уничтожит всё — и меня, и мои дела, и память о них; но скоро я увидал, что и это — обман. Мне было ясно, что искусство есть украшение жизни, заманка к жизни. Но жизнь потеряла для меня свою заманчивость, как же я могу заманивать других?	myself that this was something one could do even though death would come and destroy everything —me, and my works, and the memory of them. But soon I saw that this too was a deception. It was clear to me that art is an adornment of life, a lure to life. But life had lost its allure for me, so how could I lure others?
	Пока я не жил своею жизнью, а чужая жизнь несла меня на своих волнах, пока я верил, что жизнь имеет смысл, хоть я и не умею выразить его, — отражения жизни всякого рода в поэзии и искусствах доставляли мне радость, мне весело было смотреть на жизнь в это зеркальце искусства; но когда я стал отыскивать смысл жизни, когда я почувствовал необходимость самому жить, — зеркальце это стало мне или ненужно, излишне и смешно, или мучительно. Мне нельзя уже было утешаться тем, что я в зеркальце вижу, что положение мое глупо и отчаянно. Хорошо мне было радоваться этому, когда в глубине души я верил, что жизнь моя имеет смысл. Тогда эта игра светов и теней — комического, трагического, трогательного, прекрасного, ужасного в жизни — потешала меня.	As long as I was not living my own life, while someone else's life carried me along on its waves, as long as I believed that life had a meaning, even though I could not express it, I took joy in reflections of life of every kind in poetry and the arts. I enjoyed looking at life in this little mirror of art. But when I began to search for the meaning of life, when I felt the need to live myself, this little mirror became either unnecessary to me, superfluous and ridiculous, or else painful. I could no longer take comfort in what I saw in the little mirror: that my situation was stupid and desperate. It was fine for me to rejoice in it when, in the depths of my soul, I believed that my life had a meaning. Then this play of lights and shadows, of the comic, the tragic, the touching, the beautiful and the terrible in life, amused me.
	Но когда я знал, что жизнь бессмысленна и ужасна, — игра в зеркальце не могла уже забавлять меня. Никакая сладость меда не могла быть сладка мне, когда я видел дракона и мышей, подтачивающих мою опору.	But when I knew that life was meaningless and terrible, the play in the little mirror could no longer entertain me. No sweetness of honey could be sweet to me when I saw the dragon, and the mice gnawing away at my support.

LOST IN THE FOREST

It is the terror of being lost, not the bare knowledge of meaninglessness, that draws him to suicide.

	RUSSIAN	ENGLISH
4.14	Но и этого мало. Если б я просто понял, что жизнь не имеет смысла, я спокойно бы мог знать это, мог бы знать, что это — мой удел. Но я не мог успокоиться на этом. Если б я был как человек, живущий в лесу, из которого он знает, что нет выхода, я бы мог жить; но я был как человек, заблудившийся в лесу, на которого нашел ужас оттого, что он заблудился, и он мечется, желая выбраться на дорогу, знает, что всякий шаг еще больше путает его, и не может не метаться.	But even that is not all. If I had simply understood that life has no meaning, I could have known it calmly; I could have known that this was my lot. But I could not rest content with that. If I had been like a man living in a forest from which he knows there is no way out, I could have lived. But I was like a man lost in a forest, who is seized with terror because he is lost. He rushes about, wanting to get out onto the road. He knows that every step tangles him up still more, and he cannot help rushing about.
4.15	Вот это было ужасно. И чтоб избавиться от этого ужаса, я хотел убить себя. Я испытывал ужас перед тем, что ожидает меня — знал, что этот ужас ужаснее	That was what was terrible. And to escape this terror I wanted to kill myself. I felt terror at what awaited me. I knew that this terror was more ter-

RUSSIAN

самого положения, но не мог отогнать его и не мог терпеливо ожидать конца. Как ни убедительно было рассуждение о том, что всё равно разорвется сосуд в сердце или лопнет что-нибудь, и всё кончится, я не мог терпеливо ожидать конца. Ужас тьмы был слишком велик, и я хотел поскорее, поскорее избавиться от него петлей или пулей. И вот это-то чувство сильнее всего влекло меня к самоубийству.

ENGLISH

rible than the situation itself, but I could not drive it away, and I could not wait patiently for the end. There was the argument that a blood vessel in my heart would burst all the same, or something would give way, and everything would be over. However convincing it was, I could not wait patiently for the end. The terror of the darkness was too great, and I wanted to be rid of it quickly, as quickly as possible, by a noose or a bullet. And it was this feeling, more than anything, that drew me toward suicide.

Chapter V

He looks for an answer in the experimental and the speculative sciences and finds that they answer every question but his.

	RUSSIAN	ENGLISH
5.1	«Но, может быть, я просмотрел что-нибудь, не понял чего-нибудь? — несколько раз говорил я себе. — Не может же быть, чтобы это состояние отчаяния было свойственно людям». И я искал объяснения на мои вопросы во всех тех знаниях, которые приобрели люди. И я мучительно и долго искал, и не из праздного любопытства, не вяло искал, но искал мучительно, упорно, дни и ночи, — искал, как ищет погибающий человек спасенья, — и ничего не нашел.	"But perhaps I have overlooked something, failed to understand something?" I said to myself several times. "Surely this state of despair cannot be natural to human beings." And I sought an explanation for my questions in all the knowledge that people have acquired. And I searched long and painfully, and not out of idle curiosity, not listlessly. I searched painfully, stubbornly, day and night—I searched as a perishing man searches for salvation—and I found nothing.
5.2	Я искал во всех знаниях и не только не нашел, но убедился, что все те, которые так же, как и я, искали в знании, точно так же ничего не нашли. И не только не нашли, но ясно признали, что то самое, что приводило меня в отчаяние — бессмыслица жизни, — есть единственное несомненное знание, доступное человеку.	I searched in all the branches of knowledge, and not only did I find nothing, I became convinced that all those who had searched in knowledge as I did had likewise found nothing. And not only had they found nothing, they had plainly acknowledged that the very thing that was driving me to despair, the absurdity of life, is the only indisputable knowledge accessible to man.
5.3	Я искал везде и, благодаря жизни, проведенной в учении, а также тому, что, по связям своим с миром ученым, мне были доступны сами ученые всех разнообразных отраслей знания, не отказывавшиеся открывать мне все свои знания не только в книгах, но и в беседах, — я узнал всё то, что на вопрос жизни отвечает знание.	I searched everywhere. I had spent my life in study, and through my connections with the learned world I had access to the scholars themselves in all the various branches of knowledge. They did not refuse to reveal all their knowledge to me, not only in books but in conversation too. Thanks to all this, I learned everything that knowledge has to say in answer to the question of life.
5.4	Долго я никак не мог поверить тому, что знание ничего другого не отвечает на вопросы жизни, как то, что оно отвечает. Долго мне казалось, вглядываясь в важность и серьезность тона науки, утверждавшей свои положения, не имеющие ничего общего с вопросами человеческой жизни, что я чего-нибудь не понимаю. Долго я робел перед знанием, и мне казалось, что несоответственность ответов моим вопросам происходит не по вине знания, а от моего невежества; но дело было для меня не шуточное, не забава, а дело всей моей жизни, и я волей-неволей был приведен к убеждению, что вопросы мои — одни	For a long time I simply could not believe that knowledge had no other answer to the questions of life than the one it gives. For a long time I studied the importance and seriousness of the tone in which science asserted its propositions, which have nothing in common with the questions of human life, and it seemed to me that there was something I was failing to understand. For a long time I was timid before knowledge. It seemed to me that its answers failed to fit my questions not through any fault of knowledge but through my own ignorance. But for me this was no joking matter and no

	RUSSIAN	ENGLISH
	законные вопросы, служащие основой всякого знания, и что виноват не я с моими вопросами, а наука, если она имеет притязательность отвечать на эти вопросы.	amusement; it was the business of my whole life. Willy-nilly, I was led to the conviction that my questions were the only legitimate questions, the ones that serve as the foundation of all knowledge. The fault lay not with me and my questions but with science, if it presumes to answer these questions.
5.5	Вопрос мой — тот, который в пятьдесят лет привел меня к самоубийству, был самый простой вопрос, лежащий в душе каждого человека, от глупого ребенка до мудрейшего старца, — тот вопрос, без которого жизнь невозможна, как я и испытал это на деле. Вопрос состоит в том: «Что выйдет из того, что я делаю нынче, что буду делать завтра, — что выйдет из всей моей жизни?»	My question, the one that at the age of fifty brought me to suicide, was the simplest of questions. It lies in the soul of every human being, from a foolish child to the wisest of old men. It is the question without which life is impossible, as I found out in practice. The question is this: "What will come of what I am doing today or will do tomorrow—what will come of my whole life?"
5.6	Иначе выраженный, вопрос будет такой: «Зачем мне жить, зачем чего-нибудь желать, зачем что-нибудь делать?» Еще иначе выразить вопрос можно так: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?»	Put differently, the question will be this: "Why should I live, why should I wish for anything, why should I do anything?" It can be put yet another way: "Is there any meaning in my life that would not be destroyed by the death that inevitably awaits me?"

TWO KINDS OF KNOWLEDGE

Experimental knowledge ignores his question; speculative knowledge recognizes it but cannot answer it.

	RUSSIAN	ENGLISH
5.7	На этот-то, один и тот же, различно выраженный вопрос я искал ответа в человеческом знании. И я нашел, что по отношению к этому вопросу все человеческие знания разделяются как бы на две противоположные полусферы, на двух противоположных концах которых находятся два полюса: один — отрицательный, другой — положительный; но что ни на том, ни на другом полюсе нет ответов на вопросы жизни.	It was for an answer to this one question, the same question put in different ways, that I searched in human knowledge. And I found that, in relation to this question, all human knowledge falls, as it were, into two opposite hemispheres, at whose two opposite ends stand two poles: one negative, the other positive. But at neither pole are there answers to the questions of life.
5.8	Один ряд знаний как бы и не признает вопроса, но зато ясно и точно отвечает на свои независимо поставленные вопросы: это — ряд знаний опытных, и на крайней точке их стоит математика; другой ряд знаний признает вопрос, но не отвечает на него: это — ряд знаний умозрительных, и на крайней их точке — метафизика.	One kind of knowledge does not, as it were, even recognize the question, but in return it answers clearly and precisely the questions it has independently posed for itself. This is experimental knowledge, and at its extreme point stands mathematics. The other kind of knowledge recognizes the question but does not answer it. This is speculative knowledge, and at its extreme point stands metaphysics.
5.9	С ранней молодости меня занимали умозрительные знания, но потом и математические и естественные науки привлекли меня, и пока я не поставил себе	From early youth I was interested in speculative knowledge, but later mathematics and the natural sciences attracted me too. Until I had put my ques-

RUSSIAN

ясно своего вопроса, пока вопрос этот не вырос сам во мне, требуя настоятельно разрешения, до тех пор я удовлетворялся теми подделками ответов на вопрос, которые дает знание.

5.10 То, в области опытной, я говорил себе: «Всё развивается, дифференцируется, идет к усложнению и усовершенствованию, и есть законы, руководящие этим ходом. Ты — часть целого. Познав, насколько возможно, целое и познав закон развития, ты познаешь и свое место в этом целом, и самого себя». Как ни совестно мне признаться, но было время, когда я как будто удовлетворялся этим. Это было то самое время, когда я сам усложнялся и развивался. Мускулы мои росли и укреплялись, память обогащалась, способность мышления и понимания увеличивалась, я рос и развивался, и, чувствуя в себе этот рост, мне естественно было думать, что это-то и есть закон всего мира, в котором я найду разрешение и вопросов моей жизни.

Но пришло время, когда рост во мне прекратился — я почувствовал, что не развиваюсь, а ссыхаюсь, мускулы мои слабеют, зубы падают, — и я увидал, что этот закон не только ничего мне не объясняет, но что и закона такого никогда не было и не могло быть, а что я принял за закон то, что нашел в себе в известную пору жизни. Я строже отнесся к определению этого закона; и мне ясно стало, что законов бесконечного развития не может быть; ясно стало, что сказать: в бесконечном пространстве и времени всё развивается, совершенствуется, усложняется, дифференцируется, — это значит ничего не сказать. Всё это — слова без значения, ибо в бесконечном нет ни сложного, ни простого, ни переда, ни зада, ни лучше, ни хуже.

5.11 Главное же то, что вопрос мой личный: что я такое с моими желаниями? — оставался уже совсем без ответа. И я понял, что знания эти очень интересны, очень привлекательны, но что точны и ясны эти знания обратно пропорционально их приложимости к вопросам жизни: чем менее они приложимы к вопросам жизни, тем они точнее и яснее, чем более они пытаются давать решения на вопросы жизни, тем

ENGLISH

tion to myself clearly, until this question had grown up within me of itself and was urgently demanding a solution, I was satisfied with the counterfeit answers to the question that knowledge offers.

At times, in the experimental sphere, I would say to myself: “Everything develops, differentiates, moves toward complexity and perfection, and there are laws that govern this course. You are part of the whole. Come to know the whole, so far as you can, and come to know the law of development, and you will come to know your own place in this whole, and yourself.” Ashamed as I am to admit it, there was a time when I seemed to be satisfied with this. That was the very time when I myself was growing more complex and developing. My muscles were growing and getting stronger, my memory was being enriched, my capacity for thought and understanding was increasing. I was growing and developing, and since I felt this growth in myself, it was natural for me to think that this was precisely the law of the whole world, and that in it I would find the solution to the questions of my life as well.

But there came a time when my growth stopped. I felt that I was not developing but drying up, my muscles were weakening, my teeth falling out. And I saw that this law not only explained nothing to me, but that there never had been and never could be any such law. I had taken for a law what I had found in myself at a certain period of life. I looked more strictly at the definition of this law, and it became clear to me that there can be no laws of infinite development. It became clear that to say that in infinite space and time everything develops, perfects itself, grows more complex, differentiates, is to say nothing. These are all words without meaning, for in the infinite there is neither complex nor simple, neither front nor back, neither better nor worse.

The main thing, though, was that my personal question, what am I, with my desires?, was left altogether without an answer. And I understood that these branches of knowledge are very interesting, very attractive, but that their precision and clarity are in inverse proportion to their applicability to the questions of life. The less applicable they are to the questions of life, the more precise and clear

RUSSIAN

более они становятся неясными и непривлекательными. Если обратишься к той отрасли этих знаний, которые пытаются давать решения на вопросы жизни, — к физиологии, психологии, биологии, социологии, — то тут встречаешь поражающую бедность мысли, величайшую неясность, ничем не оправданную притязательность на решение неподлежащих вопросов и беспрестанные противоречия одного мыслителя с другими и даже с самим собою.

Если обратишься к отрасли знаний, не занимающихся разрешением вопросов жизни, но отвечающих на свои научные, специальные вопросы, то восхищаешься силой человеческого ума, но знаешь вперед, что ответов на вопросы жизни нет. Эти знания прямо игнорируют вопрос жизни. Они говорят: «На то, что ты такое и зачем ты живешь, мы не имеем ответов и этим не занимаемся; а вот если тебе нужно знать законы света, химических соединений, законы развития организмов, если тебе нужно знать законы тел, их форм и отношение чисел и величин, если тебе нужно знать законы своего ума, то на всё это у нас есть ясные, точные и несомненные ответы».

5.12 Вообще отношение наук опытных к вопросу жизни может быть выражено так: Вопрос: Зачем я живу? — Ответ: В бесконечно большом пространстве, в бесконечно долгое время, бесконечно малые частицы видоизменяются в бесконечной сложности, и когда ты поймешь законы этих видоизменений, тогда поймешь, зачем ты живешь.

5.13 То, в области умозрительной, я говорил себе: «Всё человечество живет и развивается на основании духовных начал, *идеалов*, руководящих его. Эти идеалы выражаются в религиях, в науках, искусствах, формах государственности. Идеалы эти все становятся выше и выше, и человечество идет к высшему благу. Я — часть человечества, и потому призвание мое состоит в том, чтобы содействовать сознанию и осуществлению идеалов человечества». И я во время слабоумия своего удовлетворялся этим; но как скоро ясно восстал во мне вопрос жизни, вся эта теория мгновенно рушилась.

ENGLISH

they are; the more they try to offer solutions to the questions of life, the more unclear and unattractive they become. Turn to the branch of these sciences that tries to offer solutions to the questions of life, to physiology, psychology, biology, sociology, and you find there a staggering poverty of thought and the greatest obscurity. You find a wholly unjustified pretension to solve questions beyond their competence, and constant contradictions of one thinker by the others, and even by himself.

Turn to the branch of knowledge that does not concern itself with solving the questions of life but answers its own scientific, specialist questions, and you are filled with admiration for the power of the human mind, but you know in advance that there are no answers to the questions of life. These sciences simply ignore the question of life. They say: “What you are and why you live—to that we have no answers, and that is not our business. But if you need to know the laws of light, of chemical compounds, the laws of the development of organisms, if you need to know the laws of bodies, their forms, and the relation of numbers and magnitudes, if you need to know the laws of your own mind, then to all this we have clear, precise and indisputable answers.”

In general, the relation of the experimental sciences to the question of life may be expressed like this. Question: Why do I live?—Answer: In infinitely vast space, in infinitely long time, infinitely small particles undergo modifications of infinite complexity, and when you understand the laws of these modifications, then you will understand why you live.

At other times, in the speculative sphere, I would say to myself: “All humanity lives and develops on the basis of spiritual principles, *ideals*, that guide it. These ideals are expressed in religions, in the sciences, the arts and the forms of the state. These ideals keep rising higher and higher, and humanity is moving toward the highest good. I am part of humanity, and so my calling is to help humanity become conscious of its ideals and realize them.” And in my time of feeble-mindedness I was satisfied with this. But as soon as the question of life rose up clearly within me, this whole theory instantly collapsed.

RUSSIAN

Не говоря о той недобросовестной неточности, при которой знания этого рода выдают выводы, сделанные из изучения малой части человечества, за общие выводы, не говоря о взаимной противоречивости разных сторонников этого воззрения о том, в чем состоят идеалы человечества, — странность, чтобы не сказать — глупость, этого воззрения состоит в том, что для того, чтоб ответить на вопрос, предстоящий каждому человеку: «что я такое» или: «зачем я живу», или: «что мне делать», — человек должен прежде разрешить вопрос: «что такое жизнь всего неизвестного ему человечества, из которой ему известна одна крошечная часть в один крошечный период времени».

Для того чтобы понять, что он такое, человек должен прежде понять, что такое всё это таинственное человечество, состоящее из таких же людей, как и он сам, не понимающих самих себя.

5.14 Должен сознаться, что было время, когда я верил этому. Это было то время, когда у меня были свои излюбленные идеалы, оправдывавшие мои прихоти, и я старался придумать такую теорию, по которой я мог бы смотреть на свои прихоти, как на закон человечества. Но как скоро восстал в моей душе вопрос жизни во всей ясности, ответ этот тотчас же разлетелся прахом. И я понял, что как в науках опытных есть настоящие науки и полунауки, пытающиеся давать ответы на не подлежащие им вопросы, так и в этой области я понял, что есть целый ряд самых распространенных знаний, старающихся отвечать на не подлежащие вопросы. Полунауки этой области — науки юридические, социальные, исторические — пытаются разрешать вопросы человека тем, что они мнимо, каждая по-своему разрешают вопрос жизни всего человечества.

5.15 Но как в области опытных знаний человек, искренно спрашивающий, как мне жить, не может удовлетвориться ответом: изучи в бесконечном пространстве бесконечные по времени и сложности изменения бесконечных частиц, и тогда ты поймешь свою жизнь, точно так же не может искренний человек удовлетвориться ответом: изучи жизнь всего человечества, которого ни начала, ни конца мы не можем знать и малой части которого мы не знаем, и тогда ты поймешь свою жизнь. И точно так же, как в полунауках опытных, и эти полунауки тем более исполнены неясностей, неточностей, глупостей и

ENGLISH

There is the dishonest imprecision with which knowledge of this kind passes off conclusions drawn from the study of a small part of humanity as general conclusions. There are the contradictions among the various adherents of this view as to what the ideals of humanity consist in. Leaving all that aside, the strangeness, not to say the stupidity, of this view lies in this. Every human being faces the question “what am I,” or “why do I live,” or “what should I do.” To answer it, he must first solve the question: “what is the life of the whole of humanity, which he does not know, and of which he knows one tiny part over one tiny period of time.”

In order to understand what he is, a man must first understand what all this mysterious humanity is, made up of people just like himself, who do not understand themselves.

I must confess that there was a time when I believed this. That was the time when I had my own cherished ideals, which justified my whims, and I tried to invent a theory that would let me regard my whims as a law of humanity. But as soon as the question of life rose up in my soul in all its clarity, this answer instantly scattered into dust. And I understood that in the experimental sciences there are real sciences, and half-sciences that try to give answers to questions beyond their competence. I understood that in this sphere too there is a whole range of the most widespread branches of knowledge that try to answer questions beyond their competence. The half-sciences of this sphere, the juridical, social and historical sciences, try to solve man’s questions by appearing to solve, each in its own way, the question of the life of all humanity.

In the sphere of experimental knowledge, a man who sincerely asks how he is to live cannot be satisfied with the answer: study, in infinite space, the changes of infinite particles, infinite in time and complexity, and then you will understand your life. In just the same way, a sincere man cannot be satisfied with the answer: study the life of all humanity, whose beginning and end we cannot know and of which we do not know even a small part, and then you will understand your life. And just as with the experimental half-sciences, these half-sciences too are the more full of obscurities,

RUSSIAN

противоречий, чем далее они уклоняются от своих задач. Задача опытной науки есть причинная последовательность материальных явлений. Стоит опытной науке ввести вопрос о конечной причине, и получается чепуха. Задача умозрительной науки есть сознание беспричинной сущности жизни.

Стоит ввести исследование причинных явлений, как явления социальные, исторические, и получается чепуха.

5.16 Опытная наука тогда только дает положительное знание и являет величие человеческого ума, когда она не вводит в свои исследования конечной причины. И наоборот, умозрительная наука — тогда только наука и являет величие человеческого ума, когда она устраняет совершенно вопросы о последовательности причинных явлений и рассматривает человека только по отношению к конечной причине. Такова в этой области наука, составляющая полюс этой полусферы, — метафизика, или умозрительная философия. Наука эта ясно ставит вопрос: что такое я и весь мир? и зачем я и зачем весь мир? И с тех пор как она есть, она отвечает всегда одинаково.

Идеями ли, субстанцией ли, духом ли, волею ли называет философ сущность жизни, находящуюся во мне и во всем существующем, философ говорит одно, что эта сущность есть и что я есть та же сущность; но зачем она, он не знает, и не отвечает, если он точный мыслитель. Я спрашиваю: Зачем быть этой сущности? Что выйдет из того, что она есть и будет?.. И философия не только не отвечает, а сама только это и спрашивает. И если она — истинная философия, то вся ее работа только в том и состоит, чтоб ясно поставить этот вопрос.

И если она твердо держится своей задачи, то она и не может отвечать иначе на вопрос: «что такое я и весь мир?» — «всё и ничто»; а на вопрос: «зачем существует мир и зачем существую я?» — «не знаю».

5.17 Так что, как я ни верти теми умозрительными ответами философии, я никак не получу ничего похожего на ответ, — и не потому, что, как в области ясной, опытной, ответ относится не до моего вопроса, а потому, что тут, хотя вся работа умственная

ENGLISH

imprecisions, stupidities and contradictions, the further they stray from their proper tasks. The task of experimental science is the causal sequence of material phenomena. Let experimental science bring in the question of a final cause, and the result is nonsense. The task of speculative science is the awareness of the causeless essence of life.

Let it bring in the investigation of causal phenomena, such as social and historical phenomena, and the result is nonsense.

Experimental science gives positive knowledge and displays the greatness of the human mind only when it does not bring a final cause into its investigations. And conversely, speculative science is a science and displays the greatness of the human mind only when it sets aside entirely the questions of the sequence of causal phenomena and considers man solely in relation to the final cause. Such, in this sphere, is the science that forms the pole of this hemisphere: metaphysics, or speculative philosophy. This science poses the question clearly: what am I, and what is the whole world? And why am I, and why is the whole world? And for as long as it has existed, it has always answered in the same way.

The philosopher may call the essence of life that is in me and in everything that exists ideas, or substance, or spirit, or will. Whatever he calls it, he says one thing: that this essence exists and that *I* am that same essence. But why it exists he does not know, and he does not answer, if he is a precise thinker. I ask: Why should this essence exist? What will come of the fact that it is and will be?... And philosophy not only does not answer; it only asks this very thing itself. And if it is true philosophy, then all its work consists solely in posing this question clearly.

And if it holds firmly to its task, it cannot answer the question “what am I and the whole world?” in any other way than “all and nothing.” And to the question “why does the world exist and why do I exist?” it can only answer “I do not know.”

So however I turn these speculative answers of philosophy this way and that, I can get nothing resembling an answer—and not because, as in the clear, experimental sphere, the answer does not bear on my question, but because here, although

RUSSIAN	ENGLISH
направлена именно на мой вопрос, ответа нет, и вместо ответа получается тот же вопрос, только в усложненной форме.	all the intellectual work is aimed precisely at my question, there is no answer, and instead of an answer one gets the same question, only in a more complicated form.

Chapter VI

Socrates, Schopenhauer, Solomon and the Buddha give one answer: life is vanity and evil.

	RUSSIAN	ENGLISH
6.1	В поисках за ответами на вопрос жизни я испытал совершенно то же чувство, которое испытывает заблудившийся в лесу человек.	In searching for answers to the question of life I experienced exactly the same feeling that a man lost in a forest experiences.
6.2	Вышел на поляну, влез на дерево и увидал ясно беспредельные пространства, но увидал, что дома там нет и не может быть; пошел в чащу, во мрак, и увидал мрак, и тоже нет и нет дома.	He came out into a clearing, climbed a tree and saw clearly boundless spaces, but saw that there was no house there and could be none. He went into the thicket, into the darkness, and saw darkness, and again there was no house, still no house.
6.3	Так я блуждал в этом лесу знаний человеческих между просветами знаний математических и опытных, открывавших мне ясные горизонты, но такие, по направлению которых не могло быть дома, и между мраком умозрительных знаний, в которых я погружался тем в больший мрак, чем дальше я подвигался, и убедился, наконец, в том, что выхода нет и не может быть.	So I wandered in this forest of human knowledge. On one side were the clearings of mathematical and experimental knowledge, which opened up clear horizons to me, but horizons in whose direction there could be no house. On the other was the darkness of speculative knowledge, into which I sank the deeper the further I went. And I became convinced at last that there was no way out and could be none.
6.4	Отдаваясь светлой стороне знаний, я понимал, что я только отвожу себе глаза от вопроса. Как ни заманчивы, ясны были горизонты, открывавшиеся мне, как ни заманчиво было погружаться в бесконечность этих знаний, я понимал уже, что они, эти знания, тем более ясны, чем менее они мне нужны, чем менее отвечают на вопрос.	When I gave myself up to the bright side of knowledge, I understood that I was only averting my eyes from the question. The horizons opening up before me were alluring and clear, and it was alluring to plunge into the infinity of this knowledge. However alluring they were, I already understood that this knowledge was the clearer the less I needed it, the less it answered the question.
6.5	Ну, я знаю, — говорил я себе, — всё то, что так упорно желает знать наука, а ответа на вопрос о смысле моей жизни на этом пути нет. В умозрительной же области я понимал, что, несмотря на то, или именно потому, что цель знания была прямо направлена на ответ моему вопросу, ответа нет иного, как тот который я сам дал себе: Какой смысл моей жизни? — Никакого. — Или: Что выйдет из моей жизни? — Ничего. — Или: Зачем существует всё то, что существует, и зачем я существую? — Затем, что существует.	All right, so I know, I would say to myself, everything that science so stubbornly wants to know, but along this path there is no answer to the question of the meaning of my life. In the speculative sphere, on the other hand, the aim of knowledge was directed straight at answering my question. And I understood that despite this, or precisely because of it, there is no answer other than the one I had given myself. What is the meaning of my life?—None.—Or: What will come of my life?—Nothing.—Or: Why does everything that exists exist, and why do I exist?—Because it exists.
6.6		

RUSSIAN

Спрашивая у одной стороны человеческих знаний, я получал бесчисленное количество точных ответов о том, о чем я не спрашивал: о химическом составе звезд, о движении солнца к созвездию Геркулеса, о происхождении видов и человека, о формах бесконечно малых атомов, о колебании бесконечно малых невесомых частиц эфира; но ответ в этой области знаний на мой вопрос: в чем смысл моей жизни? — был один: ты — то, что ты называешь твоей жизнью, ты — временное, случайное сцепление частиц. Взаимное воздействие, изменение этих частиц производит в тебе то, что ты называешь твоею жизнью. Сцепление это продержится некоторое время; потом взаимодействие этих частиц прекратится — и прекратится то, что ты называешь жизнью, прекратятся и все твои вопросы. Ты — случайно слепившийся комочек чего-то. Комочек преет.

Прение это комочек называет своею жизнью. Комочек расскочится — и кончится прение и все вопросы. Так отвечает ясная сторона знаний и ничего другого не может сказать, если она только строго следует своим основам.

6.7 При таком ответе оказывается, что ответ отвечает не на вопрос. Мне нужно знать смысл моей жизни, а то, что она есть частица бесконечного, не только не придает ей смысла, но уничтожает всякий возможный смысл.

6.8 Те же неясные сделки, которые делает эта сторона опытного, точного знания с умозрением, при которых говорится, что смысл жизни состоит в развитии и содействии этому развитию, по неточности и неясности своей не могут считаться ответами.

6.9 Другая сторона знания, умозрительная, когда она строго держится своих основ, прямо отвечая на вопрос, везде и во все века отвечает и отвечала одно и то же: мир есть что-то бесконечное и непонятное. Жизнь человеческая есть непостижимая часть этого непостижимого «всего». Опять я исключаю все те сделки между умозрительными и опытными знаниями, которые составляют весь балласт полунаук, так называемых юридических, политических, исторических. В эти науки опять так же неправильно вводятся понятия развития, совершенствования с тою только разницей, что там —

ENGLISH

When I questioned one side of human knowledge, I received countless precise answers about things I had not asked. They told me about the chemical composition of the stars, the movement of the sun toward the constellation Hercules, the origin of species and of man. They told me about the forms of infinitely small atoms and the vibration of infinitely small, weightless particles of ether. But this field of knowledge had only one answer to my question, what is the meaning of my life? You, that which you call your life, are a temporary, chance cohesion of particles. The mutual action and change of these particles produce in you what you call your life. This cohesion will last for a certain time; then the interaction of these particles will cease, and what you call life will cease, and all your questions will cease too. You are a little lump of something that has stuck together by chance. The little lump ferments.

The little lump calls this fermenting its life. The little lump will burst apart, and the fermenting will end, and so will all the questions. That is how the clear side of knowledge answers, and it can say nothing else, if only it strictly follows its own principles.

With such an answer it turns out that the answer does not answer the question. I need to know the meaning of my life, but the fact that it is a particle of the infinite not only gives it no meaning but destroys any possible meaning.

This side of experimental, precise knowledge makes vague compromises with speculation, in which it is said that the meaning of life consists in development and in contributing to this development. They are so imprecise and vague that they cannot count as answers.

The other side of knowledge, the speculative, answers the question directly when it holds strictly to its principles. And everywhere and in every age it answers, and has answered, one and the same thing: the world is something infinite and incomprehensible. Human life is an unfathomable part of this unfathomable “all.” Again I leave out all those compromises between speculative and experimental knowledge that make up the whole ballast of the half-sciences, the so-called juridical, political and historical sciences. Into these sci-

	RUSSIAN	ENGLISH
	развитие всего, а здесь — жизни людей. Неправильность одна и та же: развитие, совершенствование в бесконечном не может иметь ни цели, ни направления и по отношению к моему вопросу ничего не отвечает.	ences, again, the concepts of development and perfection are just as wrongly introduced. The only difference is that there it is the development of everything, and here it is the development of human life. The error is one and the same: development and perfection in the infinite can have neither aim nor direction, and they give no answer at all to my question.

THE ANSWER OF THE WISE

Socrates, Schopenhauer and Solomon are quoted at length: death is better than life.

	RUSSIAN	ENGLISH
6.10	Там же, где умозрительное знание точно, именно в истинной философии, не в той, которую Шопенгауэр называл профессорской философией, служащей только к тому, чтобы распределить все существующие явления по новым философским графам и назвать их новыми именами, — там, где философ не упускает из вида существенный вопрос, ответ, всегда один и тот же, — ответ, данный Сократом, Шопенгауэром, Соломоном, Буддой.	But there is a place where speculative knowledge is precise. That place is true philosophy, not what Schopenhauer called professorial philosophy, which serves only to sort all existing phenomena into new philosophical columns and give them new names. There, where the philosopher does not lose sight of the essential question, the answer is always one and the same: the answer given by Socrates, Schopenhauer, Solomon, the Buddha.[1]
6.11	«Мы приблизимся к истине только настолько, насколько мы удалимся от жизни, — говорит Сократ, готовясь к смерти. — К чему мы, любящие истину, стремимся в жизни? — К тому, чтоб освободиться от тела и от всего зла, вытекающего из жизни тела. Если так, то как же нам не радоваться, когда смерть приходит к нам?»	“We shall come close to the truth only insofar as we move away from life,” says Socrates as he prepares for death. “What do we, who love the truth, strive for in life?—To free ourselves from the body and from all the evil that flows from the life of the body. If that is so, how can we not rejoice when death comes to us?”[2]
6.12	«Мудрец всю жизнь ищет смерть, и потому смерть не страшна ему».	“The wise man seeks death all his life, and therefore death is not terrible to him.”
6.13	«Познавши внутреннюю сущность мира как волю, — говорит Шопенгауэр, — и во всех явлениях, от бессознательного стремления темных сил природы до полной сознанием деятельности человека, признавши только предметность этой воли, мы никак не избежим того следствия, что вместе с свободным отрицанием, самоуничтожением воли исчезнут и все те явления, то постоянное стремление и влечение без цели и отдыха на всех ступенях предметности, в котором и через которое состоит мир, исчезнет разнообразие последовательных форм, исчезнут вместе с формой все ее явления с своими	“Having come to know the inner essence of the world as will,” says Schopenhauer, “we recognize in all phenomena only the objectification of this will, from the unconscious striving of the dark forces of nature to the fully conscious activity of man. Having recognized this, we can by no means escape the consequence: together with the free denial, the self-annihilation of the will, all those phenomena too will vanish. That constant striving and urge, without aim or rest, at all the levels of objectification, in which and through which the world consists, will vanish. The diversity of suc-

1 Arthur Schopenhauer (1788–1860), German philosopher of pessimism, whose *The World as Will and Representation* Tolstoy read with enthusiasm in 1869. He mocked the “professorial philosophy” of the universities.
2 Socrates (469–399 BC), the Athenian philosopher; Tolstoy paraphrases Plato’s *Phaedo*, which tells of Socrates’ last day before his execution.

RUSSIAN

общими формами, пространством и временем, а наконец и последняя основная его форма — субъект и объект. Нет воли, нет представления, нет и мира. Перед нами, конечно, остается только ничто.

Но то, что противится этому переходу в ничтожество, наша природа есть ведь только эта самая воля к существованию (Wille zum Leben), составляющая нас самих, как и наш мир. Что мы так страшимся ничтожества, или, что то же, так хотим жить — означает только, что мы сами не что иное, как это хотение жизни, и ничего не знаем, кроме него. Поэтому то, что останется по совершенном уничтожении воли для нас, которые еще полны волей, есть, конечно, ничто; но и, наоборот, для тех, в которых воля обратилась и отреклась от себя, для них этот наш столь реальный мир, со всеми его солнцами и млечными путями, *есть ничто».*

6.14 «Суета сует, — говорит Соломон, — суета сует — всё суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Род преходит и род приходит, а земля пребывает вовеки. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться; и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после. Я, Екклезиаст, был царем над израилем в Иерусалиме. И предал я сердце мое тому, чтоб исследовать и испытать мудростию всё, что делается под небом: это тяжелое занятие дал бог сынам человеческим, чтоб они упражнялись в нем.

Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё суета и томление духа... Говорил я в сердце моем так: вот я возвеличился, приобрел мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом, и сердце мое видело много мудрости и знания. И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; узнал, что и это — томление духа. Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания — умножает скорбь.

ENGLISH

cessive forms will vanish. Together with the form, all its phenomena will vanish, with their general forms, space and time, and finally its last fundamental form as well—subject and object. No will, no representation, no world. Before us, of course, there remains only nothing.

But what resists this passage into nothingness, our nature, is after all only this very will to existence (Wille zum Leben [the will to live]), which constitutes ourselves as it constitutes our world. That we so dread nothingness, or, what is the same thing, so want to live, means only that we ourselves are nothing other than this willing of life, and know nothing but it. Therefore what remains after the complete annihilation of the will is, for us who are still full of will, of course nothing. But conversely, for those in whom the will has turned and renounced itself, this world of ours, so real, with all its suns and milky ways, *is nothing*."

"Vanity of vanities," says Solomon, "vanity of vanities—all is vanity! What profit has a man from all his labor at which he toils under the sun? One generation passes away and another generation comes, but the earth abides forever. What has been is what will be, and what has been done is what will be done, and there is nothing new under the sun. There is something of which people say, 'Look, this is new'; but it already was, in the ages that were before us. There is no memory of former things; and of what is to come there will be no memory among those who come after. I, Ecclesiastes, was king over Israel in Jerusalem. And I gave my heart to seek out and to search by wisdom all that is done under heaven: this is the heavy task that God has given to the sons of men to be exercised in it.[3]

I have seen all the works that are done under the sun, and behold, all is vanity and weariness of spirit... I spoke in my heart, saying: behold, I have become great, and have gained more wisdom than all who were over Jerusalem before me, and my heart has seen much wisdom and knowledge. And I gave my heart to know wisdom, and to know madness and folly; I learned that this too is weariness of spirit. For in much wisdom is much grief,

3 Ecclesiastes was traditionally ascribed to King Solomon of Israel (10th century BC); Tolstoy quotes passages from chapters 1, 2 and 9 in his own Russian wording.

RUSSIAN

6.15 «Сказал я в сердце моем: дай испытаю я тебя веселием и наслаждусь добром; но и это — суета. О смехе сказал я: глупость, а о веселии: что оно делает? Вздумал я в сердце своем услаждать вином тело мое и, между тем как сердце мое руководилось мудростью, придержаться и глупости, доколе не увижу, что хорошо для сынов человеческих, что должны были бы они делать под небом в немногие дни своей жизни. Я предпринял большие дела: построил себе домы, насадил себе виноградники.

Устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовитые дерева; сделал себе водоемы для орошения из них рощей, произращающих деревья; приобрел себе слуг и служанок, и домочадцы были у меня; также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; собрал себе серебра, и золота, и драгоценностей от царей и областей; завел у себя певцов и певиц и услаждения сынов человеческих — разные музыкальные орудия. И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; и мудрость моя пребывала со мною. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу моему никакого веселия.

И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их, и вот всё — суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем. И оглянулся я, чтобы взглянуть на мудрость, и безумие, и глупость. Но узнал я, что одна участь постигает их всех. И сказал я в сердце своем: и меня постигнет та же участь, как и глупого, — к чему же я сделался очень мудрым? И сказал я в сердце моем, что и это — суета. Потому что мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни всё будет забыто, и, увы, мудрый умирает наравне с глупым!

И возненавидел я жизнь, потому что противны мне стали дела, которые делаются под солнцем, ибо всё — суета и томление духа. И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня. Ибо что будет иметь человек от всего труда своего и заботы сердца своего, что трудится он под солнцем? Потому что все дни его — скорби, и его

ENGLISH

and he who increases knowledge increases sorrow.

“I said in my heart: come, I will test you with mirth, and I will enjoy what is good; but this too is vanity. Of laughter I said: it is folly; and of mirth: what does it accomplish? I resolved in my heart to gladden my body with wine, and, while my heart was still guided by wisdom, to keep hold of folly too, until I should see what is good for the sons of men, what they ought to do under heaven in the few days of their life. I undertook great works: I built myself houses, I planted myself vineyards.

I made myself gardens and groves and planted all kinds of fruit trees in them; I made myself pools of water to water the groves where the trees grew. I acquired menservants and maidservants, and I had a household of my own; I also had more herds and flocks than all who were before me in Jerusalem. I gathered for myself silver and gold and treasures from kings and provinces; I got myself singers, men and women, and the delights of the sons of men, all kinds of musical instruments. And I became great and rich, more than all who were before me in Jerusalem; and my wisdom remained with me. Whatever my eyes desired I did not refuse them; I did not withhold any joy from my heart.

And I looked back on all the works that my hands had done, and on the labor I had toiled at in doing them, and behold, all is vanity and weariness of spirit, and there is no profit in them under the sun. And I turned to look at wisdom, and madness, and folly. But I learned that one fate befalls them all. And I said in my heart: the same fate will befall me as befalls the fool—why then have I become so very wise? And I said in my heart that this too is vanity. For the wise man will not be remembered forever, any more than the fool; in the days to come everything will be forgotten, and alas, the wise man dies just like the fool!

And I hated life, because the works that are done under the sun became loathsome to me, for all is vanity and weariness of spirit. And I hated all my labor at which I had toiled under the sun, because I must leave it to the man who will come after me. For what does a man have from all his labor and from the striving of his heart, with which he toils under the sun? For all his days are sorrows, and

	RUSSIAN	ENGLISH
	труды — беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя. И это — суета. Не во власти человека и то благо, чтоб есть и пить и услаждать душу свою от труда своего…	his labors are vexation; even at night his heart knows no rest. And this too is vanity. Not even this good is in man's power: to eat and drink and give his soul delight from his labor…
6.16	«Всему и всем — одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злому, чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику; как клянущемуся, так и боящемуся клятвы. Это-то и худо во всем, что делается под солнцем, что одна участь всем, и сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их; а после того они отходят к умершим. Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву.	"To all and to everyone the same: one fate for the righteous and the wicked, for the good and the evil, for the clean and the unclean, for the one who offers sacrifice and the one who does not; for the virtuous as for the sinner; for the one who swears as for the one who fears an oath. This is just what is evil in all that is done under the sun, that there is one fate for all, and the heart of the sons of men is full of evil, and madness is in their heart, in their life; and after that they go to the dead. Whoever is among the living still has hope, for even a living dog is better than a dead lion.
	Живые знают, что умрут, а мертвые не знают ничего, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению; и любовь их, и ненависть их, и ревность их уже исчезли, и нет им более чести вовеки ни в чем, что делается под солнцем».	The living know that they will die, but the dead know nothing, and there is no more reward for them, for even the memory of them is given over to oblivion; and their love, and their hatred, and their jealousy have already vanished, and they have no more honor for ever in anything that is done under the sun."
6.17	Так говорит Соломон или тот, кто писал эти слова.	So says Solomon, or whoever wrote these words.
6.18	А вот что говорит индийская мудрость:	And this is what the wisdom of India says:

THE LEGEND OF SHAKYAMUNI

The young prince sees old age, sickness and death, and resolves to free himself from life.

	RUSSIAN	ENGLISH
6.19	Сакиа-Муни, молодой счастливый царевич, от которого скрыты были болезни, старость, смерть, едет на гулянье и видит страшного старика, беззубого и слюнявого. Царевич, от которого до сих пор скрыта была старость, удивляется и выспрашивает возницу, что это такое и отчего этот человек пришел в такое жалкое, отвратительное, безобразное состояние? И когда он узнает, что это общая участь всех людей, что ему, молодому царевичу, неизбежно предстоит то же самое, он не может уже ехать гулять и приказывает вернуться, чтоб обдумать это. И он запирается один и обдумывает. И, вероятно, придумывает себе какое-нибудь утешение, потому что опять веселый и счастливый выезжает на гулянье. Но в этот раз ему встречается больной. Он видит изможденного, посиневшего, трясущегося человека, с помутившимися глазами.	Shakyamuni, a young, happy prince from whom sickness, old age and death had been hidden, drives out for pleasure and sees a terrible old man, toothless and slobbering. The prince, from whom old age had until then been hidden, is astonished and questions his driver: what is this, and why has this man come to such a pitiful, repulsive, hideous state? And when he learns that this is the common lot of all people, that the same thing inevitably awaits him, the young prince, he can no longer go on with his drive and orders them to turn back, so that he can think it over. And he shuts himself up alone and thinks it over. And probably he devises some consolation for himself, because he again drives out for pleasure, cheerful and happy. But this time he meets a sick man. He sees an emaciated, livid, trembling man with clouded eyes.[4]
	Царевич, от которого скрыты были болезни, останавливается и спрашивает, что это такое. И когда он узнает, что это — болезнь, которой подвержены все люди, и что он сам, здоровый и счастливый царевич, завтра может заболеть так же, он опять не имеет духа веселиться, приказывает вернуться и опять ищет успокоения и, вероятно, находит его, потому что в третий раз едет гулять; но в третий раз он видит еще новое зрелище; он видит, что несут что-то. — «Что это?» Мертвый человек. — «Что значит мертвый?» — спрашивает царевич. Ему говорят, что сделаться мертвым значит сделаться тем, чем сделался этот человек. — Царевич подходит к мертвому, открывает и смотрит на него. — «Что же будет с ним дальше?» спрашивает царевич. Ему говорят, что его закопают в землю.	The prince, from whom sickness had been hidden, stops and asks what this is. And when he learns that this is sickness, to which all people are subject, and that he himself, a healthy and happy prince, may fall ill in the same way tomorrow, again he has no heart for merriment, orders them to turn back and again seeks peace, and probably finds it, because a third time he drives out for pleasure; but the third time he sees yet another new sight: he sees that something is being carried. —"What is that?" A dead man.—"What does 'dead' mean?" asks the prince. He is told that to become dead means to become what this man has become. —The prince goes up to the dead man, uncovers him and looks at him.—"And what will happen to him next?" asks the prince. He is told that he will be buried in the ground.
	— «Зачем?» — Затем, что он уже наверно не будет больше никогда живой, а только будет от него смрад и черви. — «И это удел всех людей? И со мною то же будет? Меня закопают, и от меня будет смрад, и меня съедят черви?» — Да. — «Назад! Я не еду гулять, и никогда не поеду больше».	—"Why?"—Because he will surely never again be alive, and there will be nothing from him but stench and worms.—"And is this the lot of all people? And will the same happen to me? Will they bury me, and will there be a stench from me, and will the worms eat me?"—Yes.—"Back! I am not going out for pleasure, and I will never go again."

4 Shakyamuni ("sage of the Shakyas") is a title of Siddhartha Gautama, the Buddha (5th century BC); Tolstoy retells the legend of his "four sights."

	RUSSIAN	ENGLISH
6.20	И Сакиа-Муни не мог найти утешения в жизни, и он решил, что жизнь — величайшее зло, и все силы души употребил на то, чтоб освободиться от нее и освободить других. И освободить так, чтоб и после смерти жизнь не возобновлялась как-нибудь, чтоб уничтожить жизнь совсем, в корне. Это говорит вся индийская мудрость.	And Shakyamuni could find no consolation in life, and he decided that life is the greatest evil, and he devoted all the strength of his soul to freeing himself from it and freeing others. And freeing them in such a way that even after death life would not somehow be renewed—so as to destroy life altogether, at the root. This is what all the wisdom of India says.
6.21	Так вот те прямые ответы, которые дает мудрость человеческая, когда она отвечает на вопрос жизни.	So these are the direct answers that human wisdom gives when it answers the question of life.
6.22	«Жизнь тела есть зло и ложь. И потому уничтожение этой жизни тела есть благо, и мы должны желать его», говорит Сократ.	“The life of the body is evil and a lie. And therefore the destruction of this life of the body is a good, and we must desire it,” says Socrates.
6.23	«Жизнь есть то, чего не должно бы быть, — зло, и переход в ничто есть единственное благо жизни», говорит Шопенгауэр.	“Life is what ought not to be—an evil, and the passage into nothingness is the only good of life,” says Schopenhauer.
6.24	«Всё в мире — и глупость и мудрость, и богатство и нищета, и веселье и горе — всё суета и пустяки. Человек умрет, и ничего не останется. И это глупо», говорит Соломон.	“Everything in the world—folly and wisdom, wealth and poverty, merriment and sorrow—all is vanity and trifles. A man will die, and nothing will remain. And this is stupid,” says Solomon.
6.25	«Жить с сознанием неизбежности страданий, ослабления, старости и смерти нельзя — надо освободить себя от жизни, от всякой возможности жизни», говорит Будда.	“It is impossible to live with the awareness that suffering, decrepitude, old age and death are inevitable—one must free oneself from life, from every possibility of life,” says the Buddha.
6.26	И то, что сказали эти сильные умы, говорили, думали и чувствовали миллионы миллионов людей, подобных им. И думаю и чувствую и я.	And what these powerful minds said has been said, thought and felt by millions upon millions of people like them. And I too think it and feel it.
6.27	Так что блуждание мое в знаниях не только не вывело меня из моего отчаяния, но только усилило его. Одно знание не отвечало на вопросы жизни, другое же знание ответило, прямо подтверждая мое отчаяние и указывая, что то, к чему я пришел, не есть плод моего заблуждения, болезненного состояния ума, — напротив, оно подтвердило мне то, что я думал верно и сошелся с выводами сильнейших умов человечества.	So my wandering among the branches of knowledge not only failed to lead me out of my despair but only deepened it. One kind of knowledge did not answer the questions of life; the other kind did answer, directly confirming my despair and showing that what I had arrived at was not the fruit of my own error, of a morbid state of mind—on the contrary, it confirmed to me that I had been thinking correctly and that I had come to agree with the conclusions of the most powerful minds of humanity.
6.28	Обманывать себя нечего. Всё — суета. Счастлив, кто не родился, смерть лучше жизни; надо избавиться от нее.	There is no point deceiving myself. All is vanity. Happy is he who was never born; death is better than life; one must be rid of it.

Chapter VII

The four ways out for people of his circle: ignorance, pleasure, strength (suicide) and weakness.

	RUSSIAN	ENGLISH
7.1	Не найдя разъяснения в знании, я стал искать этого разъяснения в жизни, надеясь в людях, окружающих меня, найти его, и я стал наблюдать людей — таких же, как я, как они живут вокруг меня и как они относятся к этому вопросу, приведшему меня к отчаянию.	Having found no explanation in knowledge, I began to seek this explanation in life, hoping to find it in the people around me, and I began to observe people—people like myself—how they live around me and how they relate to this question that had brought me to despair.
7.2	И вот что я нашел у людей, находящихся в одном со мною положении по образованию и образу жизни.	And this is what I found among people in the same position as myself in education and way of life.

FOUR WAYS OUT

People of his circle escape through ignorance, Epicureanism, strength or weakness; he lives in weakness.

	RUSSIAN	ENGLISH
7.3	Я нашел, что для людей моего круга есть четыре выхода из того ужасного положения, в котором мы все находимся.	I found that for people of my circle there are four ways out of the terrible position in which we all find ourselves.
7.4	Первый выход есть выход неведения. Он состоит в том, чтобы не знать, не понимать того, что жизнь есть зло и бессмыслица. Люди этого разряда — большею частью женщины, или очень молодые, или очень тупые люди — еще не поняли того вопроса жизни, который представился Шопенгауэру, Соломону, Будде. Они не видят ни дракона, ожидающего их, ни мышей, подтачивающих кусты, за которые они держатся, и лижут капли меду. Но они лижут эти капли меда только до времени: что-нибудь обратит их внимание на дракона и мышей, и — конец их лизанью. От них мне нечему научиться, нельзя перестать знать того, что знаешь.	The first way out is the way out of ignorance. It consists in not knowing, not understanding that life is an evil and an absurdity. People of this sort —mostly women, or the very young, or very dull people—have not yet understood the question of life that presented itself to Schopenhauer, Solomon and the Buddha. They see neither the dragon that awaits them nor the mice gnawing at the bushes they cling to, and they lick the drops of honey. But they lick these drops of honey only for a time: something will turn their attention to the dragon and the mice, and that will be the end of their licking. From them I have nothing to learn; one cannot stop knowing what one knows.
7.5	Второй выход — это выход эпикурейства. Он состоит в том, чтобы, зная безнадежность жизни, пользоваться покамест теми благами, какие есть, не смотреть ни на дракона, ни на мышей, а лизать мед самым лучшим образом, особенно если его на кусте попалось много. Соломон выражает этот выход так:	The second way out is the way out of Epicureanism. It consists in knowing the hopelessness of life and meanwhile making use of whatever good things there are, looking neither at the dragon nor at the mice, but licking the honey in the best possible way, especially if there happens to be a lot of it on the bush. Solomon expresses this way out thus:

	RUSSIAN	ENGLISH
7.6	«И похвалил я веселье, потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться: это сопровождает его в трудах во дни жизни его, которые дал ему бог под солнцем.	"And I commended merriment, because there is nothing better for a man under the sun than to eat, to drink and to be merry: this stays with him in his labors through the days of his life which God has given him under the sun.
7.7	«Итак, иди ешь с веселием хлеб твой и пей в радости сердца вино твое… Наслаждайся жизнью с *женщиною*, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, во все суетные дни твои, потому что это — доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем… Всё, что может рука твоя по силам делать, делай, потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости».	"So go, eat your bread with merriment and drink your wine with a joyful heart… Enjoy life with the *woman* you love all the days of your life of vanity, all your days of vanity, for this is your portion in life and in the labors you labor at under the sun… Whatever your hand finds the strength to do, do it, for in the grave, where you are going, there is neither work, nor thought, nor knowledge, nor wisdom."
7.8	Этого второго вывода придерживается большинство людей нашего круга. Условия, в которых они находятся, делают то, что благ у них больше, чем зол, а нравственная тупость дает им возможность забывать, что выгода их положения случайна, что всем нельзя иметь 1000 женщин и дворцов, как Соломон, что на каждого человека с 1000 жен есть 1000 людей без жен, и на каждый дворец есть 1000 людей, в поте лица строящих его, и что та случайность, которая нынче сделала меня Соломоном, завтра может сделать меня рабом Соломона. Тупость же воображения этих людей дает им возможность забывать про то, что не дало покоя Будде — неизбежность болезни, старости и смерти, которая не нынче-завтра разрушит все эти удовольствия.	The majority of people of our circle hold to this second conclusion. Their circumstances are such that they have more good things than bad, and their moral dullness allows them to forget that the advantage of their position is a matter of chance, that not everyone can have a thousand women and palaces like Solomon, that for every man with a thousand wives there are a thousand men without wives, and for every palace a thousand people building it in the sweat of their brow, and that the chance which today has made me a Solomon may tomorrow make me Solomon's slave. And the dullness of these people's imagination allows them to forget what gave the Buddha no peace—the inevitability of sickness, old age and death, which any day now will destroy all these pleasures.
	То, что некоторые из этих людей утверждают, что тупость их мысли и воображения есть философия, которую они называют позитивной, не выделяет их, на мой взгляд, из разряда тех, которые, не видя вопроса, лижут мед. И этим людям я не мог подражать: не имея их тупости воображения, я не мог ее искусственно произвести в себе. Я не мог, как не может всякий живой человек, оторвать глаз от мышей и дракона, когда он раз увидал их.	That some of these people claim that the dullness of their thought and imagination is a philosophy, which they call positive, does not, in my view, set them apart from the sort who lick the honey without seeing the question. And I could not imitate these people either: not having their dullness of imagination, I could not produce it in myself artificially. I could not, as no living man can, tear my eyes away from the mice and the dragon once I had seen them.
7.9	Третий выход есть выход силы и энергии. Он состоит в том, чтобы, поняв, что жизнь есть зло и бессмыслица, уничтожить ее. Так поступают редкие сильные и последовательные люди. Поняв всю глупость шутки, какая над ними сыграна, и поняв, что блага умерших паче благ живых и что лучше	The third way out is the way out of strength and energy. It consists in destroying life once one has understood that life is an evil and an absurdity. That is what the rare strong and consistent people do. Having understood all the stupidity of the joke that has been played on them, and having under-

RUSSIAN

всего не быть, так и поступают и кончают сразу эту глупую шутку, благо есть средства: петля на шею, вода, нож, чтоб им проткнуть сердце, поезды на железных дорогах. И людей из нашего круга, поступающих так, становится всё больше и больше. И поступают люди так большею частью в самый лучший период жизни, когда силы души находятся в самом расцвете, а унижающих человеческий разум привычек еще усвоено мало. Я видел, что это самый достойный выход, и хотел поступить так.

7.10 Четвертый выход есть выход слабости. Он состоит в том, чтобы, понимая зло и бессмысленность жизни, продолжать тянуть ее, зная вперед, что ничего из нее выйти не может. Люди этого разбора знают, что смерть лучше жизни, но, не имея сил поступить разумно — поскорее кончить обман и убить себя, чего-то как будто ждут. Это есть выход слабости, ибо если я знаю лучшее и оно в моей власти, почему не отдаться лучшему?.. Я находился в этом разряде.

7.11 Так люди моего разбора четырьмя путями спасаются от ужасного противоречия. Сколько я ни напрягал своего умственного внимания, кроме этих четырех выходов я не видал еще иного. Один выход: не понимать того, что жизнь есть бессмыслица, суета и зло и что лучше не жить. Я не мог не знать этого и, когда раз узнал, не мог закрыть на это глаза. Другой выход — пользоваться жизнью такою, какая есть, не думая о будущем. И этого не мог сделать. Я, как Сакиа-Муни, не мог ехать на охоту, когда знал, что есть старость, страдания, смерть. Воображение у меня было слишком живо. Кроме того, я не мог радоваться минутной случайности, кинувшей на мгновение наслаждение на мою долю. Третий выход: поняв, что жизнь есть зло и глупость, прекратить, убить себя.

Я понял это, но почему-то всё еще не убивал себя. Четвертый выход — жить в положении Соломона, Шопенгауэра — знать, что жизнь есть глупая, сыгранная надо мною шутка, и все-таки жить, умываться, одеваться, обедать, говорить и даже книжки писать. Это было для меня отвратительно, мучительно, но я оставался в этом положении.

ENGLISH

stood that the good of the dead is greater than the good of the living and that it is best of all not to be, they act accordingly and end this stupid joke at once, since there are means: a noose round the neck, water, a knife to pierce the heart, the trains on the railways. And there are more and more people of our circle who do this. And people do it mostly in the very best period of life, when the powers of the soul are in full flower and few of the habits that degrade human reason have yet been acquired. I saw that this was the most worthy way out, and I wanted to take it.

The fourth way out is the way out of weakness. It consists in understanding the evil and meaninglessness of life and still going on dragging it out, knowing in advance that nothing can come of it. People of this sort know that death is better than life, but, lacking the strength to act rationally—to end the deception quickly and kill themselves—they seem to be waiting for something. This is the way out of weakness, for if I know what is better and it is in my power, why not give myself up to what is better?... I was in this category.

So people of my sort save themselves from the terrible contradiction in four ways. However hard I strained my mental attention, I saw no other way out besides these four. One way out: not to understand that life is an absurdity, vanity and evil and that it is better not to live. I could not help knowing this, and once I had come to know it, I could not shut my eyes to it. Another way out—to make use of life as it is, without thinking about the future. And this too I could not do. Like Shakyamuni, I could not go hunting when I knew that there is old age, suffering, death. My imagination was too vivid. Besides, I could not rejoice in the momentary chance that had tossed pleasure to my lot for an instant. The third way out: having understood that life is an evil and a stupidity, to put an end to it, to kill myself.

I understood this, but for some reason I still did not kill myself. The fourth way out—to live in the position of Solomon and Schopenhauer: to know that life is a stupid joke played on me, and still to live, wash, dress, dine, talk and even write books. This was repugnant and agonizing to me, but I remained in this position.

A DOUBT ABOUT REASON

Reason, the fruit of life, denies life, while the simple millions go on living as if life had meaning.

	RUSSIAN	ENGLISH
7.12	Теперь я вижу, что если я не убил себя, то причиной тому было смутное сознание несправедливости моих мыслей. Как ни убедителен и несомненен казался мне ход моей мысли и мыслей мудрых, приведших нас к признанию бессмыслицы жизни, во мне оставалось неясное сомнение в истинности исходной точки моего рассуждения.	Now I see that if I did not kill myself, the cause was a dim awareness that my thoughts were wrong. However convincing and indubitable it seemed to me, the course of my own thought and of the thoughts of the wise that had brought us to admit the absurdity of life, there remained in me a vague doubt about the truth of the starting point of my reasoning.
7.13	Оно было такое: Я, мой разум — признали, что жизнь неразумна. Если нет высшего разума (а его нет, и ничто доказать его не может), то разум есть творец жизни для меня. Не было бы разума, не было бы для меня и жизни. Как же этот разум отрицает жизнь, а он сам творец жизни? Или, с другой стороны: если бы не было жизни, не было бы и моего разума, — стало быть, разум есть сын жизни. Жизнь есть всё. Разум есть плод жизни, и разум этот отрицает самую жизнь. Я чувствовал, что тут что-то неладно.	It was this: I, my reason, have recognized that life is irrational. If there is no higher reason (and there is none, and nothing can prove there is), then reason is the creator of life for me. If there were no reason, there would be no life for me either. How then can this reason deny life, when it is itself the creator of life? Or, from the other side: if there were no life, there would be no reason of mine either—so reason is the son of life. Life is everything. Reason is the fruit of life, and this reason denies life itself. I felt that something here was wrong.
7.14	Жизнь есть бессмысленное зло, это несомненно, — говорил я себе. — Но я жил, живу еще, и жило и живет всё человечество. Как же так? Зачем же оно живет, когда может не жить? Что ж, я один с Шопенгауэром так умен, что понял бессмысленность и зло жизни?	Life is a meaningless evil, there is no doubt of that, I told myself. But I have lived, I still live, and all humanity has lived and lives. How can that be? Why does it live, when it could choose not to live? What, am I alone, with Schopenhauer, so clever that I have understood the meaninglessness and evil of life?
7.15	Рассуждение о суете жизни не так хитро, и его делают давно и все самые простые люди, а жили и живут. Что ж, они-то все живут и никогда и не думают сомневаться в разумности жизни?	The argument about the vanity of life is not so very subtle, and it has been made long since, by everyone, even the simplest people, and yet they have lived and live. What, do they all live and never even think of doubting that life is rational?
7.16	Мое знание, подтвержденное мудростью мудрецов, открыло мне, что всё на свете — органическое и неорганическое — всё необыкновенно умно устроено, только мое одно положение глупо. А эти дураки — огромные массы простых людей — ничего не знают насчет того, как всё органическое и неорганическое устроено на свете, а живут, и им кажется, что жизнь их очень разумно устроена!	My knowledge, confirmed by the wisdom of the sages, has revealed to me that everything in the world—organic and inorganic—everything is extraordinarily cleverly arranged, and only my own position is stupid. And these fools—the huge masses of simple people—know nothing about how everything organic and inorganic in the world is arranged, and yet they live, and it seems to them that their life is very rationally arranged!
7.17		

	RUSSIAN	ENGLISH
	И мне приходило в голову: а что как я чего-нибудь еще не знаю? Ведь точно так поступает незнание. Незнание ведь всегда это самое говорит. Когда оно не знает чего-нибудь, оно говорит, что глупо то, чего оно не знает. В самом деле выходит так, что есть человечество целое, которое жило и живет, как будто понимая смысл своей жизни, ибо, не понимая его, оно не могло бы жить, а я говорю, что вся эта жизнь бессмыслица, и не могу жить.	And it occurred to me: but what if there is something I still do not know? That, after all, is exactly how ignorance behaves. Ignorance always says just this. When it does not know something, it says that what it does not know is stupid. In fact it turns out that there is a whole humanity that has lived and lives as if it understood the meaning of its life, for without understanding it, it could not live; and I say that all this life is an absurdity, and I cannot live.
7.18	Никто не мешает нам с Шопенгауэром отрицать жизнь. Но тогда убей себя — и не будешь рассуждать. Не нравится тебе жизнь, убей себя. А живешь, не можешь понять смысла жизни, так прекрати ее, а не вертись в этой жизни, рассказывая и расписывая, что ты не понимаешь жизни. Пришел в веселую компанию, всем очень хорошо, все знают, что они делают, а тебе скучно и противно, так уйди.	No one stops Schopenhauer and me from denying life. But in that case kill yourself—and you won't be reasoning. You don't like life—kill yourself. But if you live and cannot understand the meaning of life, then end it, instead of twisting and turning in this life, telling everyone and writing at length about how you don't understand life. You have come into a cheerful company, everyone is having a fine time, everyone knows what they are doing, and you are bored and disgusted—so leave.
7.19	Ведь в самом деле, что же такое, мы, убежденные в необходимости самоубийства и не решающиеся совершить его, как не самые слабые, непоследовательные и, говоря попросту, глупые люди, носящиеся с своею глупостью, как дурак с писаной торбой?	Really, what are we, who are convinced that suicide is necessary and cannot bring ourselves to commit it, if not the weakest, most inconsistent and, to put it plainly, stupid people, making a fuss of our stupidity like a fool with a painted sack?[1]
7.20	Ведь наша мудрость, как ни несомненно верна она, не дала нам знания смысла нашей жизни. Всё же человечество, делающее жизнь, миллионы — не сомневаются в смысле жизни.	For our wisdom, however indubitably true it may be, has not given us knowledge of the meaning of our life. Yet all humanity, which makes life, the millions—do not doubt the meaning of life.
7.21	В самом деле, с тех давних, давних пор, как есть жизнь, о которой я что-нибудь да знаю, жили люди, зная то рассуждение о тщете жизни, которое мне показало ее бессмыслицу, и все-таки жили, придавая ей какой-то смысл. С тех пор как началась какая-нибудь жизнь людей, у них уже был этот смысл жизни, и они вели эту жизнь, дошедшую до меня. Всё, что есть во мне и около меня, всё это — плод их знания жизни. Те самые орудия мысли, которыми я обсуждаю эту жизнь и осуждаю ее, всё это не мной, а ими сделано. Сам я родился, воспитался, вырос благодаря им. Они выкопали железо, научили рубить лес, приручили коров, лошадей, научили сеять, научили жить вместе, урядили нашу жизнь; они научили меня думать, говорить.	Indeed, from the distant, distant times since there has been life of which I know anything at all, people have lived knowing that argument about the futility of life which showed me its absurdity, and still they lived, giving it some meaning. Ever since any human life began, they already had this meaning of life, and they led this life, which has come down to me. Everything that is in me and around me, all of it is the fruit of their knowledge of life. The very tools of thought with which I weigh this life and condemn it—all of that was made not by me but by them. I myself was born, brought up and grew up thanks to them. They dug out iron, taught us to cut timber, tamed cows and horses, taught us to sow, taught us to live together,

1 A Russian proverb: "to fuss like a fool with a painted sack" means to make much of something worthless.

RUSSIAN

И я-то, их произведение, ими вскормленный, вспоенный, ими наученный, их мыслями и словами думающий, доказал им, что они — бессмыслица! «Тут что-то не так, — говорил я себе. — Где-нибудь я ошибся». Но в чем была ошибка, я никак не мог найти.

ENGLISH

ordered our life; they taught me to think and to speak.

And I, their product, fed and nurtured by them, taught by them, thinking with their thoughts and their words, have proved to them that they are an absurdity! “Something is not right here,” I told myself. “Somewhere I have made a mistake.” But where the mistake lay, I could not find at all.

Chapter VIII

Perhaps he has misunderstood: he turns from his own circle to the millions who live and find a meaning in life.

	RUSSIAN	ENGLISH
8.1	Все эти сомнения, которые теперь я в состоянии высказать более или менее связно, тогда я не мог бы высказать. Тогда я только чувствовал, что, как ни логически неизбежны были мои, подтверждаемые величайшими мыслителями, выводы о тщете жизни, в них было что-то неладно. В самом ли рассуждении, в постановке ли вопроса, я не знал; я чувствовал только, что убедительность разумная была совершенная, но что ее было мало. Все эти доводы не могли убедить меня так, чтоб я сделал то, что вытекало из моих рассуждений, т. е. чтоб я убил себя. И я бы сказал неправду, если бы сказал, что я разумом пришел к тому, к чему я пришел, и не убил себя.	All these doubts, which I can now express more or less coherently, I could not have expressed then. Then I only felt that, however logically inevitable my conclusions about the futility of life, confirmed as they were by the greatest thinkers, there was something wrong with them. Whether in the reasoning itself or in the way the question was posed, I did not know; I felt only that the rational persuasiveness was complete, but that it was not enough. None of these arguments could convince me to the point of doing what followed from my reasoning, that is, killing myself. And I would be telling an untruth if I said that it was by reason that I arrived where I arrived and did not kill myself.
	Разум работал, но работало и еще что-то другое, что я не могу назвать иначе, как сознанием жизни. Работала еще та сила, которая заставляла меня обращать внимание на то, а не на это, и эта-то сила и вывела меня из моего отчаянного положения и совершенно иначе направила разум. Эта сила заставила меня обратить внимание на то, что я с сотнями подобных мне людей не есть всё человечество, что жизни человечества я еще не знаю.	Reason was at work, but something else was at work too, something I cannot call anything other than a consciousness of life. There was also at work that force which made me turn my attention to this and not to that, and it was this force that led me out of my desperate position and directed reason in an entirely different way. This force made me notice that I, with hundreds of people like me, am not all of humanity, that I do not yet know the life of humanity.

THE BILLIONS WHO LIVE

He turns from his narrow circle to the masses of working people, whose irrational knowledge is faith.

	RUSSIAN	ENGLISH
8.2	Оглядывая тесный кружок сверстных мне людей, я видел только людей, не понимавших вопроса, понимавших и заглушавших вопрос пьянством жизни, понявших и прекращавших жизнь и понявших и по слабости доживавших отчаянную жизнь. И я не видал иных. Мне казалось, что тот тесный кружок ученых, богатых и досужих людей, к которому я принадлежал, составляет всё	Looking round the narrow little circle of people of my own age, I saw only people who did not understand the question; people who understood it and drowned it in the intoxication of life; people who understood it and ended their lives; and people who understood it and, out of weakness, lived out a life of despair. And I saw no others. It seemed to me that the narrow circle of learned, rich and leisured people to which I belonged made up all of hu-

RUSSIAN

человечество, а что те миллиарды живших и живых, это — *так*, какие-то скоты — не люди.

8.3 Как ни странно, ни неимоверно-непонятно кажется мне теперь то, как мог я, рассуждая про жизнь, просмотреть окружавшую меня со всех сторон жизнь человечества, как я мог до такой степени смешно заблуждаться, чтобы думать, что жизнь моя, Соломонов и Шопенгауэров есть настоящая, нормальная жизнь, а жизнь миллиардов есть не стоящее внимания обстоятельство, как ни странно это мне теперь, я вижу, что это было так.

В заблуждении гордости своего ума мне так казалось несомненным, что мы с Соломоном и Шопенгауэром поставили вопрос так верно и истинно, что другого ничего быть не может, так несомненно казалось, что все эти миллиарды принадлежат к тем, которые еще не дошли до постижения всей глубины вопроса, что я искал смысла своей жизни и ни разу не подумал: «да какой же смысл придают и придавали своей жизни все миллиарды, жившие и живущие на свете?»

8.4 Я долго жил в этом сумасшествии, особенно свойственном, не на словах, но на деле, нам — самым либеральным и ученым людям. Но благодаря ли моей какой-то странной физической любви к настоящему рабочему народу, заставившей меня понять его и увидать, что он не так глуп, как мы думаем, или благодаря искренности моего убеждения в том, что я ничего не могу знать, как то, что самое лучшее, что я могу сделать — это повеситься, я чуял, что если я хочу жить и понимать смысл жизни, то искать этого смысла жизни мне надо не у тех, которые потеряли смысл жизни и хотят убить себя, а у тех миллиардов отживших и живых людей, которые делают жизнь и на себе несут свою и нашу жизнь.

И я оглянулся на огромные массы отживших и живущих простых, не ученых и не богатых людей и увидал совершенно другое. Я увидал, что все эти миллиарды живших и живущих людей, все, за редкими исключениями, не подходят к моему делению, что признать их непонимающими вопроса я не могу, потому что они сами ставят его и с необыкновенной ясностью отвечают на него. Признать их эпикурейцами тоже не могу, потому что жизнь их слагается больше из лишений и страданий,

ENGLISH

manity, and that those billions who have lived and are living were *nothing*—some sort of cattle, not people.

However strange, however incredibly incomprehensible it seems to me now that, reasoning about life, I could overlook the life of humanity that surrounded me on all sides, that I could be so ridiculously mistaken as to think that my life, the life of the Solomons and Schopenhauers, is the real, normal life, while the life of billions is a circumstance not worth attention—however strange this is to me now, I see that it was so.

In the delusion of my intellectual pride it seemed so indubitable to me that Solomon and Schopenhauer and I had posed the question so correctly and truly that nothing else was possible, it seemed so indubitable that all these billions belonged to those who had not yet grasped the full depth of the question, that I sought the meaning of my life and never once thought: “But what meaning do all the billions who have lived and are living in the world give to their life, and what meaning have they given it?”

For a long time I lived in this madness, which is peculiar—not in words but in deeds—to us, the most liberal and learned people. But whether thanks to some strange physical love of mine for the real working people, which made me understand them and see that they are not as stupid as we think, or thanks to the sincerity of my conviction that I can know nothing except that the very best thing I can do is to hang myself, I sensed that if I wanted to live and understand the meaning of life, I must seek this meaning of life not among those who have lost the meaning of life and want to kill themselves, but among those billions of the dead and the living who make life and carry on their own shoulders their life and ours.

And I looked round at the huge masses of simple people, dead and living, neither learned nor rich, and I saw something entirely different. I saw that all these billions of people who have lived and are living, all of them, with rare exceptions, do not fit into my classification; that I cannot regard them as not understanding the question, because they pose it themselves and answer it with extraordinary clarity. Nor can I regard them as Epicureans, because their life is made up more of privation

RUSSIAN

чем наслаждений; признать же их неразумно доживающими бессмысленную жизнь могу еще меньше, так как всякий акт их жизни и самая смерть объясняются ими. Убивать же себя они считают величайшим злом. Оказывалось, что у всего человечества есть какое-то не признаваемое и презираемое мною знание смысла жизни.

Выходило то, что знание разумное не дает смысла жизни, исключает жизнь; смысл же, придаваемый жизни миллиардами людей, всем человечеством, зиждется на каком-то презренном, ложном знании.

8.5 Разумное знание в лице ученых и мудрых отрицает смысл жизни, а огромные массы людей, всё человечество — признают этот смысл в неразумном знании. И это неразумное знание есть вера, та самая, которую я не мог не откинуть. Это бог 1 и 3, это творение в 6 дней, дьяволы и ангелы и всё то, чего я не могу принять, пока я не сошел с ума.

8.6 Положение мое было ужасно. Я знал, что я ничего не найду на пути разумного знания, кроме отрицания жизни, а там в вере — ничего, кроме отрицания разума, которое еще невозможнее, чем отрицание жизни. По разумному знанию выходило так, что жизнь есть зло, и люди знают это, от людей зависит не жить, а они жили и живут, и сам я жил, хотя и знал уже давно то, что жизнь бессмысленна и есть зло. По вере выходило, что для того, чтобы понять смысл жизни, я должен отречься от разума, того самого, для которого нужен смысл.

ENGLISH

and suffering than of pleasure; still less can I regard them as irrationally living out a meaningless life, since they can explain every act of their life, and death itself. And killing oneself they consider the greatest evil. It turned out that all humanity has some knowledge of the meaning of life which I did not recognize and despised.

The upshot was that rational knowledge does not give meaning to life, it excludes life; whereas the meaning given to life by billions of people, by all humanity, rests on some despised, false knowledge.

Rational knowledge, in the persons of the learned and the wise, denies the meaning of life, while the huge masses of people, all humanity, recognize this meaning in irrational knowledge. And this irrational knowledge is faith, the very faith I could not help casting off. It is God who is 1 and 3, the creation in 6 days, devils and angels and everything I cannot accept as long as I have not lost my mind.[1]

My position was terrible. I knew that on the path of rational knowledge I would find nothing but the denial of life, and there, in faith, nothing but the denial of reason, which is still more impossible than the denial of life. According to rational knowledge it followed that life is an evil, and people know it, and it is up to people not to live, yet they have lived and live, and I myself lived, though I had long known that life is meaningless and is an evil. According to faith it followed that in order to understand the meaning of life I must renounce reason—the very thing for which meaning is needed.

1 “God who is 1 and 3”: the doctrine of the Trinity, one God in three persons.

Chapter IX

Rational knowledge leads to nothing; faith, irrational knowledge, is what gives the finite an infinite meaning. Faith is the force of life.

	RUSSIAN	ENGLISH
9.1	Выходило противоречие, из которого было только два выхода: или то, что я называл разумным, не было так разумно, как я думал; или то, что мне казалось неразумно, не было так неразумно, как я думал. И я стал проверять ход рассуждений моего разумного знания.	Here was a contradiction from which there were only two ways out: either what I called rational was not as rational as I thought, or what seemed to me irrational was not as irrational as I thought. And I began to check the course of reasoning of my rational knowledge.
9.2	Проверяя ход рассуждений разумного знания, я нашел его совершенно правильным. Вывод о том, что жизнь есть ничто, был неизбежен; но я увидал ошибку. Ошибка была в том, что я мыслил несоответственно поставленному мною вопросу. Вопрос был тот: зачем мне жить, т. е. что выйдет настоящего, не уничтожающегося из моей призрачной, уничтожающейся жизни, какой смысл имеет мое конечное существование в этом бесконечном мире? И чтоб ответить на этот вопрос, я изучал жизнь.	Checking the course of reasoning of rational knowledge, I found it entirely correct. The conclusion that life is nothing was inevitable; but I saw the mistake. The mistake was that my thinking did not correspond to the question I had posed. The question was this: why should I live—that is, what real, imperishable thing will come of my illusory, perishable life, what meaning has my finite existence in this infinite world? And to answer this question, I studied life.
9.3	Решения всех возможных вопросов жизни, очевидно, не могли удовлетворять меня, потому что мой вопрос, как он ни прост кажется сначала, включает в себя требование объяснения конечного бесконечным и наоборот.	The solutions to all possible questions of life obviously could not satisfy me, because my question, however simple it seems at first, includes the demand that the finite be explained by the infinite and vice versa.
9.4	Я спрашивал: какое вневременное, внепричинное, внепространственное значение моей жизни? — А отвечал я на вопрос: какое временное, причинное и пространственное значение моей жизни? Вышло то, что после долгого труда мысли я ответил: никакого.	I asked: what timeless, causeless, spaceless significance has my life?—And the question I answered was: what significance in time, in cause and in space has my life? The result was that after long labor of thought I answered: none.
9.5	В рассуждениях моих я постоянно приравнивал, да и не мог поступить иначе, конечное к конечному и бесконечное к бесконечному, а потому у меня и выходило, что и должно было выходить: сила есть сила, вещество есть вещество, воля есть воля, бесконечность есть бесконечность, ничто есть ничто, и дальше ничего не могло выйти.	In my reasoning I constantly equated—and indeed could not have done otherwise—the finite with the finite and the infinite with the infinite, and so I got what I was bound to get: force is force, matter is matter, will is will, infinity is infinity, nothing is nothing, and nothing further could come of it.
9.6	Было что-то подобное тому, что бывает в математике, когда, думая решать уравнение, решаешь тожество. Ход размышления правилен, но в	It was something like what happens in mathematics when, thinking you are solving an equation, you are solving an identity. The course of reason-

RUSSIAN

результате получается ответ: а = а, или х = х, или 0 = 0. То же самое случилось и с моим рассуждением по отношению к вопросу о значении моей жизни. Ответы, даваемые всей наукой на этот вопрос, — только тожества.

9.7 И действительно, строго разумное знание, то знание, которое, как это сделал Декарт, начинает с полного сомнения во всем, откидывает всякое допущенное на веру знание и строит всё вновь на законах разума и опыта, — и не может дать иного ответа на вопрос жизни, как тот самый, который я и получил, — ответ неопределенный. Мне только показалось сначала, что знание дало положительный ответ — ответ Шопенгауэра: жизнь не имеет смысла, она есть зло. Но, разобрав дело, я понял, что ответ не положительный, что мое чувство только выразило его так. Ответ же строго выраженный, как он выражен и у браминов, и у Соломона, и у Шопенгауэра, есть только ответ неопределенный, или тожество: 0 = 0, жизнь, представляющаяся мне ничем, есть ничто.

Так что знание философское ничего не отрицает, а только отвечает, что вопрос этот не может быть решен им, что для него решение остается неопределенным.

9.8 Поняв это, я понял, что и нельзя было искать в разумном знании ответа на мой вопрос и что ответ, даваемый разумным знанием, есть только указание на то, что ответ может быть получен только при иной постановке вопроса, только тогда, когда в рассуждение будет введен вопрос отношения конечного к бесконечному. Я понял и то, что, как ни неразумны и уродливы ответы, даваемые верою, они имеют то преимущество, что вводят в каждый ответ отношение конечного к бесконечному, без которого не может быть ответа. Как я ни поставлю вопрос: как мне жить? ответ: по закону божию. Что выйдет настоящего из моей жизни? — Вечные мучения или вечное блаженство. — Какой смысл, не уничтожаемый смертью? — Соединение с бесконечным богом, рай.

9.9 Так что, кроме разумного знания, которое мне прежде представлялось единственным, я был неизбежно приведен к признанию того, что у всего живущего человечества есть еще какое-то другое

ENGLISH

ing is correct, but the result is the answer: a = a, or x = x, or 0 = 0. The same thing happened with my reasoning about the question of the significance of my life. The answers that all of science gives to this question are only identities.

And indeed, strictly rational knowledge—the knowledge which, as Descartes did, begins with complete doubt about everything, casts off all knowledge accepted on faith and builds everything anew on the laws of reason and experience—cannot give any other answer to the question of life than the very one I received: an indeterminate answer. It only seemed to me at first that knowledge had given a positive answer—Schopenhauer's answer: life has no meaning, it is an evil. But on examining the matter I understood that the answer is not positive, that it was only my feeling that expressed it so. The answer strictly expressed, as it is expressed by the Brahmins, and by Solomon, and by Schopenhauer, is only an indeterminate answer, or an identity: 0 = 0; life, which appears to me as nothing, is nothing.

So philosophical knowledge denies nothing; it only answers that this question cannot be solved by it, that for it the solution remains indeterminate.

Having understood this, I understood that it was no use seeking an answer to my question in rational knowledge, and that the answer given by rational knowledge is only an indication that an answer can be obtained only if the question is posed differently, only when the question of the relation of the finite to the infinite is brought into the reasoning. I understood too that, however irrational and monstrous the answers given by faith, they have the advantage of bringing into every answer the relation of the finite to the infinite, without which there can be no answer. However I put the question—how am I to live?—the answer is: by the law of God. What real thing will come of my life?—Eternal torment or eternal bliss.—What meaning is there that is not destroyed by death?—Union with the infinite God, paradise.

So, besides rational knowledge, which had formerly seemed to me the only kind, I was inevitably led to recognize that all living humanity has another kind of knowledge as well, an irrational

RUSSIAN

знание, неразумное — вера, дающая возможность жить. Вся неразумность веры оставалась для меня та же, как и прежде, но я не мог не признать того, что она одна дает человечеству ответы на вопросы жизни и, вследствие того, возможность жить.

9.10 Разумное знание привело меня к признанию того, что жизнь бессмысленна, жизнь моя остановилась, и я хотел уничтожить себя. Оглянувшись на людей, на всё человечество, я увидал, что люди живут и утверждают, что знают смысл жизни. На себя оглянулся: я жил, пока знал смысл жизни. Как другим людям, так и мне смысл жизни и возможность жизни давала вера.

9.11 Оглянувшись дальше на людей других стран, на современных мне и на отживших, я увидал одно и то же. Где жизнь, там вера, с тех пор, как есть человечество, дает возможность жить, и главные черты веры везде и всегда одни и те же.

ENGLISH

one—faith, which makes it possible to live. All the irrationality of faith remained the same for me as before, but I could not help recognizing that it alone gives humanity answers to the questions of life and, in consequence, the possibility of living.

Rational knowledge led me to recognize that life is meaningless; my life came to a stop, and I wanted to destroy myself. Looking round at people, at all humanity, I saw that people live and assert that they know the meaning of life. I looked back at myself: I had lived as long as I knew the meaning of life. For me, as for other people, it was faith that gave the meaning of life and the possibility of life.

Looking further, at people of other countries, at my contemporaries and at those long gone, I saw one and the same thing. Where there is life, there faith, ever since humanity has existed, has made it possible to live, and the main features of faith are everywhere and always one and the same.

FAITH IS THE FORCE OF LIFE

Every faith gives finite existence an infinite meaning; without faith it is impossible to live.

RUSSIAN

9.12 Какие бы и кому бы ни давала ответы какая бы то ни была вера, всякий ответ веры конечному существованию человека придает смысл бесконечного, — смысл, не уничтожаемый страданиями, лишениями и смертью. Значит — в одной вере можно найти смысл и возможность жизни. И я понял, что вера в самом существенном своем значении не есть только «обличение вещей невидимых» и т. д., не есть откровение (это есть только описание одного из признаков веры), не есть только отношение человека к богу (надо определить веру, а потом бога, а не через бога определять веру), не есть только согласие с тем, что сказали человеку, как чаще всего понимается вера, — вера есть знание смысла человеческой жизни, вследствие которого человек не уничтожает себя, а живет. Вера есть сила жизни.

Если человек живет, то он во что-нибудь да верит. Если б он не верил, что для чего-нибудь надо жить, то он бы не жил. Если он не видит и не понимает призрачности конечного, он верит в это конечное;

ENGLISH

Whatever answers any faith may give, and to whomever it gives them, every answer of faith gives to man's finite existence the meaning of the infinite—a meaning not destroyed by suffering, privation and death. So it is in faith alone that the meaning and the possibility of life can be found. And I understood that faith, in its most essential significance, is not only "the evidence of things not seen" and so on; it is not revelation (that is only a description of one of the signs of faith); it is not only the relation of man to God (one must first define faith and then God, not define faith through God); it is not only agreement with what a man has been told, as faith is most often understood—faith is the knowledge of the meaning of human life, by virtue of which man does not destroy himself but lives. Faith is the force of life.[1]

If a man lives, then he believes in something. If he did not believe that there was something to live for, he would not live. If he does not see and understand the illusoriness of the finite, he believes in the finite; if he understands the illusoriness of

1 "The evidence of things not seen": Hebrews 11:1, the New Testament's definition of faith.

	RUSSIAN	ENGLISH
	если он понимает призрачность конечного, он должен верить в бесконечное. Без веры нельзя жить.	the finite, he must believe in the infinite. Without faith it is impossible to live.
9.13	И я вспомнил весь ход своей внутренней работы и ужаснулся. Теперь мне было ясно, что для того, чтобы человек мог жить, ему нужно или не видеть бесконечного, или иметь такое объяснение смысла жизни, при котором конечное приравнивалось бы бесконечному. Такое объяснение у меня было, но оно мне было не нужно, пока я верил в конечное, и я стал разумом проверять его. И перед светом разума всё прежнее объяснение разлетелось прахом. Но пришло время, когда я перестал верить в конечное. И тогда я стал на разумных основаниях строить из того, что я знал, такое объяснение, которое дало бы смысл жизни; но ничего не построилось.	And I recalled the whole course of my inner work and was horrified. It was clear to me now that for a man to be able to live, he must either not see the infinite or have an explanation of the meaning of life in which the finite would be equated with the infinite. I had had such an explanation, but I did not need it as long as I believed in the finite, and I began to test it by reason. And before the light of reason the whole former explanation scattered into dust. But a time came when I stopped believing in the finite. And then I began to build, on rational foundations, out of what I knew, an explanation that would give meaning to life; but nothing would build.
	Вместе с лучшими умами человечества я пришел к тому, что 0 = 0, и очень удивился, что получил такое решение, тогда как ничего иного и не могло выйти.	Together with the best minds of humanity I arrived at 0 = 0, and was very surprised to have obtained such a solution, when nothing else could have come of it.
9.14	Что я делал, когда я искал ответа в знаниях опытных? — Я хотел узнать, зачем я живу, и для этого изучал всё то, что вне меня. Ясно, что я мог узнать многое, но ничего из того, что мне нужно.	What was I doing when I looked for an answer in experimental knowledge?—I wanted to find out why I live, and to that end I studied everything that is outside me. Clearly, I could learn a great deal, but nothing of what I needed.
9.15	Что я делал, когда я искал ответа в знаниях философских? Я изучал мысли тех существ, которые находились в том же самом положении, как и я, которые не имели ответа на вопрос: зачем я живу. Ясно, что я ничего и не мог узнать иного, как то, что я сам знал, что ничего знать нельзя.	What was I doing when I looked for an answer in philosophical knowledge? I was studying the thoughts of beings who were in exactly the same position as I was, who had no answer to the question: why do I live? Clearly, I could learn nothing other than what I knew myself: that nothing can be known.
9.16	Что такое я? — часть бесконечного. Ведь уже в этих двух словах лежит вся задача. Неужели этот вопрос только со вчерашнего дня сделало себе человечество? И неужели никто до меня не сделал себе этого вопроса — вопроса такого простого, просящегося на язык каждому умному дитяти?	What am I?—A part of the infinite. Surely the whole problem already lies in these two words. Can it be that humanity has only been asking itself this question since yesterday? And can it be that no one before me ever asked himself this question —a question so simple, one that rises to the lips of every intelligent child?
9.17	Ведь этот вопрос был поставлен с тех пор, как люди есть; и с тех пор, как люди есть, понято, что для решения этого вопроса одинаково недостаточно приравнивать конечное к конечному и бесконечное к бесконечному, и с тех пор как люди есть, отысканы отношения конечного к бесконечному и выражены.	Surely this question has been asked for as long as there have been people; and for as long as there have been people it has been understood that, to resolve it, it is equally insufficient to equate the finite with the finite and the infinite with the infinite; and for as long as there have been people, the

RUSSIAN

ENGLISH

relations of the finite to the infinite have been sought out and expressed.

9.18 Все эти понятия, при которых приравнивается конечное к бесконечному и получается смысл жизни, понятия бога, свободы, добра, мы подвергаем логическому исследованию. И эти понятия не выдерживают критики разума.

All these concepts in which the finite is equated with the infinite and a meaning of life is obtained —the concepts of God, of freedom, of the good—we subject to logical investigation. And these concepts do not stand up to the criticism of reason.

9.19 Если бы не было так ужасно, было бы смешно, с какой гордостью и самодовольством мы, как дети, разбираем часы, вынимаем пружину, делаем из нее игрушку и потом удивляемся, что часы перестают идти.

If it were not so terrible, it would be funny—the pride and self-satisfaction with which we, like children, take a watch apart, pull out the spring, make a toy of it, and are then surprised that the watch stops going.

9.20 Нужно и дорого разрешение противоречия конечного с бесконечным и ответ на вопрос жизни такой, при котором возможна жизнь. И это единственное разрешение, которое мы находим везде, всегда и у всех народов, — разрешение, вынесенное из времени, в котором теряется для нас жизнь людей, разрешение столь трудное, что мы ничего подобного сделать не можем,— это-то разрешение мы легкомысленно разрушаем с тем, чтобы поставить опять тот вопрос, который присущ всякому и на который у нас нет ответа.

What is needed, and precious, is a resolution of the contradiction between the finite and the infinite, and an answer to the question of life such that life becomes possible. And this one resolution, which we find everywhere, always and among all peoples—a resolution brought down from times in which the life of mankind is lost to our sight, a resolution so difficult that we could do nothing like it —this very resolution we frivolously destroy, in order to raise once again the question that is inherent in everyone and to which we have no answer.

9.21 Понятия бесконечного бога, божественности души, связи дел людских с богом, понятия нравственного добра и зла — суть понятия, выработанные в скрывающейся от наших глаз исторической дали жизни человечества, суть те понятия, без которых не было бы жизни и меня самого, а я, откинув всю эту работу всего человечества, хочу всё сам один сделать по-новому и по-своему.

The concepts of an infinite God, of the divinity of the soul, of the bond between human affairs and God, the concepts of moral good and evil—these are concepts worked out in the historical distance of humanity's life, hidden from our eyes; they are the concepts without which there would be no life, and no me either; and I, casting aside all this work of all humanity, want to do everything over again by myself, alone, in a new way and in my own way.

9.22 Я не так думал тогда, но зародыши этих мыслей уже были во мне. Я понимал, 1) что мое положение с Шопенгауэром и Соломоном, несмотря на нашу мудрость, глупо: мы понимаем, что жизнь есть зло, и все-таки живем. Это явно глупо, потому что, если жизнь глупа, — а я так люблю всё разумное, — то надо уничтожить жизнь, и некому будет отрицать ее. 2) Я понимал, что все наши рассуждения вертятся в заколдованном круге, как колесо, не цепляющееся за шестерню. Сколько бы и как бы хорошо мы ни рассуждали, мы не можем получить ответа на вопрос, и всегда будет 0 = 0, и что потому путь наш, вероятно, ошибочен.

I did not think this way then, but the seeds of these thoughts were already in me. I understood, (1) that the position I shared with Schopenhauer and Solomon was, for all our wisdom, stupid: we understand that life is evil, and yet we go on living. This is plainly stupid, because if life is stupid —and I am so fond of everything reasonable—then life must be destroyed, and there will be no one left to deny it. (2) I understood that all our reasoning goes round in a vicious circle, like a wheel that does not engage the gear. However much and however well we reason, we cannot get an answer to

RUSSIAN	ENGLISH
	the question; it will always be 0 = 0; and therefore our path is probably wrong.
3) Я начинал понимать, что в ответах, даваемых верою, хранится глубочайшая мудрость человечества, и что я не имел права отрицать их на основании разума, и что, главное, ответы эти одни отвечают на вопрос жизни.	(3) I was beginning to understand that the answers given by faith hold the deepest wisdom of humanity, that I had no right to deny them on the grounds of reason, and that, above all, these answers alone answer the question of life.

Chapter X

The faith of educated believers repels him; the faith of poor working people does not.

	RUSSIAN	ENGLISH
10.1	Я понимал это, но от этого мне было не легче.	I understood this, but it did not make things any easier for me.
10.2	Я готов был принять теперь всякую веру, только бы она не требовала от меня прямого отрицания разума, которое было бы ложью. И я изучал и буддизм, и магометанство по книгам, и более всего христианство и по книгам, и по живым людям, окружавшим меня.	I was ready now to accept any faith at all, so long as it did not demand of me a direct denial of reason, which would have been a lie. And I studied Buddhism and Islam from books, and most of all Christianity, both from books and from the living people around me.
10.3	Я, естественно, обратился прежде всего к верующим людям моего круга, к людям ученым, к православным богословам, к монахам-старцам, к православным богословам нового оттенка и даже к так называемым новым христианам, исповедующим спасение верою в искупление. И я ухватывался за этих верующих и допрашивал их о том, как они верят и в чем видят смысл жизни.	Naturally, I turned first of all to the believers of my own circle: to learned men, to Orthodox theologians, to monastic elders, to Orthodox theologians of the new school, and even to the so-called New Christians, who profess salvation through faith in the redemption. And I seized on these believers and pressed them with questions about how they believed and what they saw as the meaning of life.[1]
10.4	Несмотря на то, что я делал всевозможные уступки, избегал всяких споров, я не мог принять веры этих людей, — я видел, что то, что выдавали они за веру, было не объяснение, а затемнение смысла жизни, и что сами они утверждали свою веру не для того, чтоб ответить на тот вопрос жизни, который привел меня к вере, а для каких-то других, чуждых мне целей.	Although I made every possible concession and avoided all arguments, I could not accept the faith of these people. I saw that what they passed off as faith was not an explanation of the meaning of life but an obscuring of it, and that they themselves affirmed their faith not in order to answer the question of life that had brought me to faith, but for some other ends, alien to me.
10.5	Помню мучительное чувство ужаса возвращения к прежнему отчаянию после надежды, которое я испытывал много и много раз в сношениях с этими людьми. Чем больше, подробнее они излагали мне свои вероучения, тем яснее я видел их заблуждение и потерю моей надежды найти в их вере объяснение смысла жизни.	I remember the agonizing feeling of horror at falling back into my old despair after hope—a feeling I experienced many, many times in my dealings with these people. The more fully and in the more detail they set out their doctrines to me, the more clearly I saw their error, and the loss of my hope of finding in their faith an explanation of the meaning of life.
10.6	Не то, что в изложении своего вероучения они примешивали к всегда бывшим мне близкими	It was not that, in setting out their doctrine, they mixed a great many unnecessary and unreason-

1 The "New Christians" were followers of the evangelical preaching of Lord Radstock and V. A. Pashkov, which spread through St. Petersburg high society in the 1870s.

RUSSIAN

христианским истинам еще много ненужных и неразумных вещей, — не это оттолкнуло меня; но меня оттолкнуло то, что жизнь этих людей была та же, как и моя, с тою только разницей, что она не соответствовала тем самым началам, которые они излагали в своем вероучении. Я ясно чувствовал, что они обманывают себя и что у них, так же как у меня, нет другого смысла жизни, как того, чтобы жить, пока живется, и брать все, что может взять рука. Я видел это по тому, что если б у них был тот смысл, при котором уничтожается страх лишений, страданий и смерти, то они бы не боялись их.

А они, эти верующие нашего круга, точно так же, как и я, жили в избытке, старались увеличить или сохранить его, боялись лишений, страданий, смерти, и так же, как я и все мы, неверующие, жили, удовлетворяя похотям, жили так же дурно, если не хуже, чем неверующие.

10.7 Никакие рассуждения не могли убедить меня в истинности их веры. Только действия такие, которые бы показывали, что у них есть смысл жизни такой, при котором страшные мне нищета, болезнь, смерть не страшны им, могли бы убедить меня. А таких действий я не видел между этими разнообразными верующими нашего круга. Я видал такие действия, напротив, между людьми нашего круга самыми неверующими, но никогда между так называемыми верующими нашего круга.

10.8 И я понял, что вера этих людей — не та вера, которой я искал, что их вера не есть вера, а только одно из эпикурейских утешений в жизни. Я понял, что эта вера годится, может быть, хоть не для утешения, а для некоторого рассеяния раскаивающемуся Соломону на смертном одре, но она не может годиться для огромного большинства человечества, которое призвано не потешаться, пользуясь трудами других, а творить жизнь. Для того чтобы всё человечество могло жить, для того чтоб оно продолжало жизнь, придавая ей смысл, у них, у этих миллиардов, должно быть другое, настоящее знание веры.

Ведь не то, что мы с Соломоном и Шопенгауэром не убили себя, не это убедило меня в существовании веры, а то, что жили эти миллиарды и живут и нас с Соломонами вынесли на своих волнах жизни.

ENGLISH

able things in with the Christian truths that had always been close to me—it was not this that repelled me. What repelled me was that the lives of these people were the same as mine, with only this difference: that their lives did not correspond to the very principles they set out in their doctrine. I clearly felt that they were deceiving themselves, and that they, just like me, had no other meaning of life than to live while life lasts and to take everything a hand can take. I saw this from the fact that, if they had had a meaning in which the fear of privation, suffering and death is destroyed, they would not have feared them.

But they, these believers of our circle, lived exactly as I did, in plenty; they tried to increase it or keep it; they feared privation, suffering, death; and, just like me and all of us unbelievers, they lived to satisfy their lusts—lived just as badly as the unbelievers, if not worse.

No reasoning could convince me of the truth of their faith. Only actions showing that they had a meaning of life in which the poverty, illness and death that terrified me held no terror for them could have convinced me. And such actions I did not see among these various believers of our circle. On the contrary, I did see such actions among the most unbelieving people of our circle, but never among the so-called believers of our circle.

And I understood that the faith of these people was not the faith I was seeking, that their faith was not faith at all but only one of the Epicurean consolations of life. I understood that this faith might do—if not to console, then at least to distract a little—for a repentant Solomon on his deathbed, but that it could not do for the vast majority of humanity, which is called not to amuse itself on the labor of others but to create life. For all humanity to be able to live, for it to go on living while giving life a meaning, they—these billions—must have another, a true knowledge of faith.

After all, it was not the fact that Solomon, Schopenhauer and I had not killed ourselves that convinced me of the existence of faith; it was that these billions had lived and are living, and have carried us and our Solomons along on the waves of their life.

THE FAITH OF WORKING PEOPLE

Among pilgrims, monks and peasants he finds a faith their whole life confirms, and comes to love them.

	RUSSIAN	ENGLISH
10.9	И я стал сближаться с верующими из бедных, простых, неученых людей, с странниками, монахами, раскольниками, мужиками. Вероучение этих людей из народа было тоже христианское, как вероучение мнимоверующих из нашего круга. К истинам христианским примешано было тоже очень много суеверий, но разница была в том, что суеверия верующих нашего круга были совсем ненужны им, не вязались с их жизнью, были только своего рода эпикурейскою потехой; суеверия же верующих из трудового народа были до такой степени связаны с их жизнью, что нельзя было себе представить их жизни без этих суеверий, — они были необходимым условием этой жизни. Вся жизнь верующих нашего круга была противоречием их вере, а вся жизнь людей верующих и трудящихся была подтверждением того смысла жизни, который давало знание веры.	And I began to draw close to believers among the poor, simple, unlearned people: to pilgrims, monks, Old Believers, peasants. The doctrine held by these common people was also Christian, like the doctrine of the supposed believers of our circle. With them, too, a great deal of superstition was mixed in with the Christian truths; but the difference was that the superstitions of the believers of our circle were quite unnecessary to them, did not fit in with their lives, and were only a kind of Epicurean amusement, whereas the superstitions of the believers among the working people were so bound up with their lives that one could not imagine their lives without these superstitions—they were a necessary condition of that life. The whole life of the believers of our circle contradicted their faith, while the whole life of the believing, working people confirmed the meaning of life that the knowledge of faith gave.[2]
	И я стал вглядываться в жизнь и верования этих людей, и чем больше я вглядывался, тем больше убеждался, что у них есть настоящая вера, что вера их необходима для них и одна дает им смысл и возможность жизни. В противуположность того, что я видел в нашем кругу, где возможна жизнь без веры и где из тысячи едва ли один признает себя верующим, в их среде едва ли один неверующий на тысячи. В противуположность того, что я видел в нашем кругу, где вся жизнь проходит в праздности, потехах и недовольстве жизнью, я видел, что вся жизнь этих людей проходила в тяжелом труде, и они были менее недовольны жизнью, чем богатые.	And I began to look closely at the life and beliefs of these people, and the more closely I looked, the more convinced I became that they had a true faith, that their faith was necessary to them and alone gave them a meaning and the possibility of life. In contrast to what I saw in our circle, where life without faith is possible and where hardly one in a thousand acknowledges himself a believer, among them there is hardly one unbeliever in thousands. In contrast to what I saw in our circle, where all of life passes in idleness, amusements and dissatisfaction with life, I saw that the whole life of these people passed in heavy labor, and that they were less dissatisfied with life than the rich.
	В противуположность тому, что люди нашего круга противились и негодовали на судьбу за лишения и страдания, эти люди принимали болезни и горести без всякого недоумения, противления, а с спокойною и твердою уверенностью в том, что всё это должно быть и не может быть иначе, что всё это — добро. В противуположность тому, что чем мы умнее, тем менее понимаем смысл жизни и видим какую-то злую насмешку в том, что мы страдаем и умираем, эти люди живут, страдают и приближаются к смерти	In contrast to the way the people of our circle resisted fate and railed against it for their privations and sufferings, these people accepted illness and sorrow without any bewilderment or resistance, with a calm and firm conviction that all this must be and cannot be otherwise, that all this is good. In contrast to the fact that the cleverer we are, the less we understand the meaning of life, and we see some cruel mockery in the fact that we suffer and die, these people live, suffer and approach death

2 Old Believers (raskolniki, “schismatics”) broke with the Russian Orthodox Church over the liturgical reforms of the 1650s–60s.

RUSSIAN

с спокойствием, чаще же всего с радостью. В противуположность тому, что спокойная смерть, смерть без ужаса и отчаяния, есть самое редкое исключение в нашем круге, смерть неспокойная, непокорная и нерадостная есть самое редкое исключение среди народа.

И таких людей, лишенных всего того, что для нас с Соломоном есть единственное благо жизни, и испытывающих при этом величайшее счастье, — многое множество. Я оглянулся шире вокруг себя. Я вгляделся в жизнь прошедших и современных огромных масс людей. И я видел таких, понявших смысл жизни, умеющих жить и умирать, не двух, трех, десять, а сотни, тысячи, миллионы. И все они, бесконечно различные по своему нраву, уму, образованию, положению, все одинаково и совершенно противуположно моему неведению знали смысл жизни и смерти, спокойно трудились, переносили лишения и страдания, жили и умирали, видя в этом не суету, а добро.

10.10 И я полюбил этих людей. Чем больше я вникал в их жизнь живых людей и жизнь таких же умерших людей, про которых читал и слышал, тем больше я любил их, и тем легче мне самому становилось жить. Я жил так года два, и со мной случился переворот, который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. Все наши действия, рассуждения, наука, искусства — всё это предстало мне как баловство. Я понял, что искать смысла в этом нельзя. Действия же трудящегося народа, творящего жизнь, представились мне единым настоящим делом. И я понял, что смысл, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принял его.

ENGLISH

calmly, and most often with joy. In contrast to the fact that a peaceful death, a death without horror and despair, is the rarest exception in our circle, a death that is not peaceful, not submissive and not joyful is the rarest exception among the common people.

And people like this—deprived of everything that for Solomon and me is the only good in life, and experiencing the greatest happiness all the same—are a multitude beyond counting. I looked more widely around me. I looked closely at the lives of the vast masses of people, past and present. And I saw such people, who had understood the meaning of life, who knew how to live and to die—not two, three, ten, but hundreds, thousands, millions. And all of them, infinitely diverse in temperament, intellect, education and position, all alike, and in complete contrast to my ignorance, knew the meaning of life and death, worked calmly, bore privation and suffering, lived and died, seeing in this not vanity but good.

And I came to love these people. The more I entered into the lives of these living people, and of others like them, now dead, whom I had read and heard about, the more I loved them, and the easier it became for me to live myself. I lived like this for about two years, and a revolution took place in me that had long been preparing in me, and the seeds of which had always been in me. What happened to me was that the life of our circle—the rich, the learned—not only became repugnant to me but lost all meaning. All our actions, our reasonings, our science, our arts—all of it appeared to me as self-indulgence. I understood that it was impossible to look for meaning in this. The actions of the working people, who create life, appeared to me as the one real work. And I understood that the meaning given to this life is the truth, and I accepted it.

Chapter XI

The error lay not in his thinking but in his life: the life of a parasite cannot have a meaning.

RUSSIAN

11.1 И вспомнив то, как те же самые верования отталкивали меня и казались бессмысленными, когда их исповедывали люди, жившие противно этим верованиям, и как эти же самые верования привлекли меня и показались мне разумными, когда я видел, что люди живут ими, — я понял, почему я тогда откинул эти верования и почему нашел их бессмысленными, а теперь принял их и нашел полными смысла. Я понял, что я заблудился и как я заблудился. Я заблудился не столько оттого, что неправильно мыслил, сколько оттого, что я жил дурно. Я понял, что истину закрыло от меня не столько заблуждение моей мысли, сколько самая жизнь моя в тех исключительных условиях эпикурейства, удовлетворения похотям, в которых я провел ее.

Я понял, что мой вопрос о том, что есть моя жизнь, и ответ: зло, — был совершенно правилен. Неправильно было только то, что ответ, относящийся только ко мне, я отнес к жизни вообще: я спросил себя, что такое моя жизнь, и получил ответ: зло и бессмыслица. И точно, моя жизнь — жизнь потворства похоти — была бессмысленна и зла, и потому ответ: «жизнь зла и бессмысленна» — относился только к моей жизни, а не к жизни людской вообще. Я понял ту истину, впоследствии найденную мною в Евангелии, что люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий худые дела, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его.

Я понял, что для того, чтобы понять смысл жизни, надо прежде всего, чтобы жизнь была не бессмысленна и зла, а потом уже — разум для того, чтобы понять ее. Я понял, почему я так долго ходил около такой очевидной истины, и что если думать и говорить о жизни человечества, то надо говорить и думать о жизни человечества, а не о жизни нескольких паразитов жизни. Истина эта была всегда

ENGLISH

And remembering how these same beliefs had repelled me and seemed meaningless when they were professed by people who lived contrary to them, and how these same beliefs had attracted me and seemed reasonable when I saw that people lived by them—I understood why I had then cast these beliefs aside and found them meaningless, and why I now accepted them and found them full of meaning. I understood that I had gone astray, and how I had gone astray. I had gone astray not so much because I thought wrongly as because I lived badly. I understood that what had hidden the truth from me was not so much the error of my thinking as my life itself, spent in the exceptional conditions of Epicureanism, of satisfying my lusts.

I understood that my question—what is my life?—and the answer, "evil," had been entirely correct. The only thing that was incorrect was that I had applied an answer that concerned me alone to life in general: I asked myself what my life was, and got the answer: evil and absurdity. And indeed my life—a life of indulging lust—was meaningless and evil, and so the answer "life is evil and meaningless" applied only to my life, and not to human life in general. I understood the truth I later found in the Gospel: that people loved the darkness more than the light, because their deeds were evil. For everyone who does evil hates the light and does not come to the light, so that his deeds will not be exposed.[1]

I understood that in order to understand the meaning of life, what is needed first of all is that life should not be meaningless and evil, and only then reason, to understand it. I understood why I had circled for so long around so obvious a truth, and that if one is to think and speak about the life of humanity, one must speak and think about the life of humanity, and not about the life of a few

1 John 3:19–20.

	RUSSIAN	ENGLISH
	истина, как 2 × 2 = 4, но я не признавал ее, потому что, признав 2 × 2 = 4, я бы должен был признать то, что я нехорош. А чувствовать себя хорошим для меня было важнее и обязательнее, чем 2 × 2 = 4. Я полюбил хороших людей, возненавидел себя, и я признал истину.	parasites of life. This truth had always been the truth, like 2 × 2 = 4, but I had not acknowledged it, because, having acknowledged 2 × 2 = 4, I would have had to acknowledge that I was not good. And to feel myself good was more important and more binding for me than 2 × 2 = 4. I came to love good people, I came to hate myself, and I acknowledged the truth.
	Теперь мне всё ясно стало.	Now everything became clear to me.
11.2	Что, если бы палач, проводящий жизнь в пытках и отсечении голов, или мертвый пьяница, или сумасшедший, засевший на всю жизнь в темную комнату, огадивший эту свою комнату и воображающий, что он погибнет, если выйдет из нее, — что, если б они спросили себя: что такое жизнь? Очевидно, они не могли бы получить на вопрос: что такое жизнь,— другого ответа, как тот, что жизнь есть величайшее зло; и ответ сумасшедшего был бы совершенно правилен, но для него только. Что, как я такой же сумасшедший? Что, как мы все, богатые, ученые люди, такие же сумасшедшие?	What if an executioner who spends his life torturing and cutting off heads, or a hopeless drunk, or a madman who has shut himself up for life in a dark room, fouled that room of his, and imagines he will perish if he leaves it—what if they asked themselves: what is life? Obviously they could get no other answer to the question “what is life?” than that life is the greatest evil; and the madman’s answer would be entirely correct, but for him alone. What if I am just such a madman? What if all of us, rich and learned people, are just such madmen?
11.3	И я понял, что мы действительно такие сумасшедшие. Я-то уж наверное был такой сумасшедший. И в самом деле, птица существует так, что она должна летать, собирать пищу, строить гнезда, и когда я вижу, что птица делает это, я радуюсь ее радостью. Коза, заяц, волк существуют так, что они должны кормиться, множиться, кормить свои семьи, и когда они делают это, у меня есть твердое сознание, что они счастливы и жизнь их разумна. Что же должен делать человек? Он должен точно так же добывать жизнь, как и животные, но с тою только разницей, что он погибнет, добывая ее один, — ему надо добывать ее не для себя, а для всех. И когда он делает это, у меня есть твердое сознание, что он счастлив и жизнь его разумна.	And I understood that we really are such madmen. I, at any rate, certainly was such a madman. And indeed, a bird exists in such a way that it must fly, gather food, build nests, and when I see a bird doing this, I rejoice in its joy. A goat, a hare, a wolf exist in such a way that they must feed, multiply, feed their families, and when they do this, I have a firm awareness that they are happy and that their life is reasonable. What, then, must a man do? He must win life just as the animals do, with only this difference: that he will perish if he wins it alone—he must win it not for himself but for all. And when he does this, I have a firm awareness that he is happy and that his life is reasonable.
	Что же я делал во всю мою тридцатилетнюю сознательную жизнь? — Я не только не добывал жизни для всех, я и для себя не добывал ее. Я жил паразитом и, спросив себя, зачем я живу, получил ответ: ни зачем. Если смысл человеческой жизни в том, чтобы добывать ее, то как же я, тридцать лет занимавшийся тем, чтобы не добывать жизнь, а губить ее в себе и других, мог получить другой ответ, как не тот, что жизнь моя есть бессмыслица и зло? Она и была бессмыслица и зло.	And what was I doing throughout the thirty years of my conscious life?—Not only did I not win life for all, I did not win it even for myself. I lived as a parasite and, asking myself why I live, got the answer: for nothing. If the meaning of human life lies in winning it, then how could I, who had spent thirty years not winning life but destroying it in myself and in others, get any other answer than that my life was absurdity and evil? And it was absurdity and evil.
11.4	Жизнь мира совершается по чьей-то воле, — кто-то этою жизнью всего мира и нашими жизнями делает	The life of the world goes on by someone’s will—someone is doing some work of his own with the

	RUSSIAN	ENGLISH
	свое какое-то дело. Чтоб иметь надежду понять смысл этой воли, надо прежде всего исполнять ее — делать то, чего от нас хотят. А если я не буду делать того, чего хотят от меня, то и не пойму никогда и того, чего хотят от меня, а уж тем менее — чего хотят от всех нас и от всего мира.	life of the whole world and with our lives. To have any hope of understanding the meaning of this will, one must first of all fulfill it—do what is wanted of us. And if I do not do what is wanted of me, I will never understand what is wanted of me either, and still less what is wanted of all of us and of the whole world.

THE BEGGAR AT THE PUMP

A parable: only the one who does the master's work comes to understand the establishment.

	RUSSIAN	ENGLISH
11.5	Если голого, голодного нищего взяли с перекрестка, привели в крытое место прекрасного заведения, накормили, напоили и заставили двигать вверх и вниз какую-то палку, то очевидно, что прежде, чем разбирать, зачем его взяли, зачем двигать палкой, разумно ли устройство всего заведения, нищему прежде всего нужно двигать палкой. Если он будет двигать палкой, тогда он поймет, что палка эта движет насос, что насос накачивает воду, что вода идет по грядкам; тогда его выведут из крытого колодца и поставят на другое дело, и он будет собирать плоды и войдет в радость господина своего и, переходя от низшего дела к высшему, всё дальше и дальше понимая устройство всего заведения и участвуя в нем, никогда и не подумает спрашивать, зачем он здесь, и уж никак не станет упрекать хозяина.	If a naked, hungry beggar were taken from the crossroads, brought into a covered place in a splendid establishment, given food and drink, and made to move some stick up and down, then obviously, before trying to work out why he had been taken, why he should move the stick, whether the whole establishment was reasonably arranged—the beggar must first of all move the stick. If he moves the stick, then he will understand that the stick drives a pump, that the pump draws up water, that the water runs along the garden beds; then he will be taken out of the covered well and put to other work, and he will gather fruit and enter into the joy of his lord, and, passing from lower work to higher, understanding the arrangement of the whole establishment further and further and taking part in it, he will never even think of asking why he is here, and will certainly never reproach the master.[2]
11.6	Так и не упрекают хозяина те, которые делают его волю, люди простые, рабочие, неученые, те, которых мы считаем скотами; а мы вот, мудрецы, есть едим всё хозяйское, а делать не делаем того, чего от нас хочет хозяин, и вместо того, чтобы делать, сели в кружок и рассуждаем: «Зачем это двигать палкой? Ведь это глупо». Вот и додумались. Додумались до того, что хозяин глуп или его нет, а мы умны, только чувствуем, что никуда не годимся, и надо нам как-нибудь самим от себя избавиться.	And so those who do his will do not reproach the master—the simple, working, unlearned people, whom we regard as cattle; while we, the wise ones, eat everything of the master's, all right, but do not do what the master wants of us, and instead of doing it we have sat down in a circle and are arguing: "Why move this stick? It's stupid, after all." And so we have reasoned our way to something. We have reasoned our way to the conclusion that the master is stupid or does not exist, while we are clever—only we feel that we are good for nothing, and that we must somehow get rid of ourselves.

2 "Enter into the joy of his lord" echoes the parable of the talents (Matthew 25:21, 23).

Chapter XII

A year of searching for God ends in the woods in early spring: to know God and to live are one and the same.

RUSSIAN

ENGLISH

12.1 Сознание ошибки разумного знания помогло мне освободиться от соблазна праздного умствования. Убеждение в том, что знание истины можно найти только жизнью, побудило меня усомниться в правильности моей жизни; но спасло меня только то, что я успел вырваться из своей исключительности и увидать жизнь настоящую простого рабочего народа и понять, что это только есть настоящая жизнь. Я понял, что если я хочу понять жизнь и смысл ее, мне надо жить не жизнью паразита, а настоящей жизнью и, приняв тот смысл, который придает ей настоящее человечество, слившись с этой жизнью, проверить его.

The awareness of the error of rational knowledge helped me free myself from the temptation of idle theorizing. The conviction that knowledge of the truth can be found only by living led me to doubt whether my own life was right; but what saved me was only that I managed to break out of my exceptional position and to see the real life of the simple working people, and to understand that this alone is real life. I understood that if I want to understand life and its meaning, I must live not the life of a parasite but a real life, and, accepting the meaning that real humanity gives to it, merging with that life, test that meaning.

12.2 В это же время со мною случилось следующее. Во всё продолжение этого года, когда я почти всякую минуту спрашивал себя: не кончить ли петлей или пулей, — во всё это время, рядом с теми ходами мыслей и наблюдений, о которых я говорил, сердце мое томилось мучительным чувством. Чувство это я не могу назвать иначе, как исканием бога.

At this same time the following happened to me. Throughout that whole year, when almost every minute I was asking myself whether I should not end it with a noose or a bullet—all that time, alongside the trains of thought and observation I have spoken of, my heart was oppressed by an agonizing feeling. I can call this feeling nothing other than seeking God.

12.3 Я говорю, что это искание бога было не рассуждение, но чувство, потому что это искание вытекало не из моего хода мыслей, — оно было даже прямо противоположно им, — но оно вытекало из сердца. Это было чувство страха, сиротливости, одиночества среди всего чужого и надежды на чью-то помощь.

I say that this seeking God was not reasoning but a feeling, because this seeking did not flow from my train of thought—it was even directly opposed to my thoughts—but flowed from the heart. It was a feeling of fear, of being orphaned, of loneliness amid everything alien, and of hope for someone's help.

12.4 Несмотря на то, что я вполне был убежден в невозможности доказательства бытия божия (Кант доказал мне, и я вполне понял его, что доказать этого нельзя), я все-таки искал бога, надеялся на то, что я найду его, и обращался по старой привычке с мольбой к тому, чего я искал и не находил. То я проверял в уме доводы Канта и Шопенгауэра о невозможности доказательства бытия божия, то я начинал опровергать их. Причина, говорил я себе, не есть такая же категория мышления, как пространство и время. Если я есмь, то есть на то причина, и

Although I was fully convinced that the existence of God cannot be proved (Kant had shown me, and I fully understood him, that it cannot be proved), I nevertheless sought God, hoped that I would find him, and out of old habit turned in prayer to what I was seeking and could not find. Now I would go over in my mind the arguments of Kant and Schopenhauer about the impossibility of proving the existence of God, now I would begin to refute them. Cause, I told myself, is not a category of thought in the same way as space and time. If I

RUSSIAN

причина причин. И эта причина всего есть то, что называют богом; и я останавливался на этой мысли и старался всем существом сознать присутствие этой причины.

И как только я сознавал, что есть сила, во власти которой я нахожусь, так тотчас же я чувствовал возможность жизни. Но я спрашивал себя: «Что же такое эта причина, эта сила? Как мне думать о ней, как мне относиться к тому, что я называю богом?» И только знакомые мне ответы приходили мне в голову: «Он — творец, промыслитель». Ответы эти не удовлетворяли меня, и я чувствовал, что пропадает во мне то, что мне нужно для жизни. Я приходил в ужас и начинал молиться тому, которого я искал, о том, чтоб он помог мне. И чем больше я молился, тем очевиднее мне было, что он не слышит меня и что нет никого такого, к которому бы можно было обращаться.

И с отчаянием в сердце о том, что нет и нет бога, я говорил: «Господи, помилуй, спаси меня! Господи, научи меня, бог мой!» Но никто не миловал меня, и я чувствовал, что жизнь моя останавливается.

12.5 Но опять и опять с разных других сторон я приходил к тому же признанию того, что не мог же я без всякого повода, причины и смысла явиться на свет, что не могу я быть таким выпавшим из гнезда птенцом, каким я себя чувствовал. Пускай я, выпавший птенец, лежу на спине, пищу в высокой траве, но я пищу оттого, что знаю, что меня в себе выносила мать, высиживала, грела, кормила, любила. Где она, эта мать? Если забросили меня, то кто же забросил? Не могу я скрыть от себя, что любя родил меня кто-то. Кто же этот кто-то? — Опять бог.

12.6 «Он знает и видит мои искания, отчаяние, борьбу. Он есть», говорил я себе. И стоило мне на мгновение признать это, как тотчас же жизнь поднималась во мне, и я чувствовал и возможность и радость бытия. Но опять от признания существования бога я переходил к отыскиванию отношения к нему, и опять мне представлялся тот бог, наш творец, в трех лицах, приславший сына — искупителя. И опять этот отдельный от мира, от меня бог, как льдина, таял,

ENGLISH

am, then there is a cause of it, and a cause of causes. And this cause of everything is what is called God; and I would dwell on this thought and try with my whole being to become aware of the presence of this cause.[1]

And as soon as I became aware that there is a power in whose hands I am, I immediately felt that life was possible. But I asked myself: “What, then, is this cause, this power? How am I to think of it, how am I to relate to what I call God?” And only the answers I already knew came into my head: “He is the Creator and Provider.” These answers did not satisfy me, and I felt that what I needed in order to live was vanishing in me. I was horrified and began to pray to the one I was seeking, that he might help me. And the more I prayed, the more obvious it was to me that he did not hear me and that there was no one at all to whom one could turn.

And with despair in my heart that there was no God, no God at all, I said: “Lord, have mercy, save me! Lord, teach me, my God!” But no one had mercy on me, and I felt that my life was coming to a stop.

But again and again, from various other directions, I came back to the same acknowledgment: that I surely could not have come into the world without any occasion, cause or meaning; that I cannot be the fledgling fallen from the nest that I felt myself to be. Let it be that I, a fallen fledgling, lie on my back cheeping in the tall grass; but I cheep because I know that a mother carried me inside her, hatched me, warmed me, fed me, loved me. Where is she, this mother? If I have been abandoned, then who abandoned me? I cannot hide from myself that someone gave birth to me out of love. Who, then, is this someone?—God again.

“He knows and sees my searching, my despair, my struggle. He exists,” I told myself. And I had only to acknowledge this for a moment, and at once life rose up in me, and I felt both the possibility and the joy of being. But again I passed from acknowledging the existence of God to seeking my relation to him, and again there appeared before me that God, our Creator, in three persons, who sent his Son, the Redeemer. And again this God, separ-

1 Immanuel Kant (1724–1804) argued in the *Critique of Pure Reason* that the existence of God cannot be proved by theoretical reason.

	RUSSIAN	ENGLISH
	таял на моих глазах, и опять ничего не оставалось, и опять иссыхал источник жизни, я приходил в отчаяние и чувствовал, что мне нечего сделать другого, как убить себя. И, что было хуже всего, я чувствовал, что и этого я не могу сделать.	ate from the world, from me, melted like an ice floe, melted before my eyes, and again nothing remained, and again the spring of life dried up; I fell into despair and felt that there was nothing else for me to do but kill myself. And, worst of all, I felt that I could not do even that.
12.7	Не два, не три раза, а десятки, сотни раз приходил я в эти положения — то радости и оживления, то опять отчаяния и сознания невозможности жизни.	Not two, not three times, but tens, hundreds of times I came to these states—now of joy and revival, now again of despair and the awareness that life was impossible.

IN THE FOREST IN EARLY SPRING

Alone in the forest he sees that he lives only when he seeks God: God is life.

	RUSSIAN	ENGLISH
12.8	Помню, это было раннею весной, я один был в лесу, прислушиваясь к звукам леса. Я прислушивался и думал всё об одном, как я постоянно думал всё об одном и том же эти последние три года. Я опять искал бога.	I remember it was early spring; I was alone in the forest, listening to the sounds of the forest. I listened and thought always about one thing, as I had constantly thought about one and the same thing these last three years. I was seeking God again.
12.9	«Хорошо, нет никакого бога, — говорил я себе, — нет такого, который бы был не мое представление, но действительность такая же, как вся моя жизнь; нет такого. И ничто, никакие чудеса не могут доказать такого, потому что чудеса будут мое представление, да еще неразумное».	“Very well, there is no God,” I said to myself, “none who would be not my own imagining but a reality, as real as my whole life; there is no such one. And nothing, no miracles, can prove such a one, because miracles would be my own imagining—and an unreasonable one at that.”
12.10	«Но понятие мое о боге, о том, которого я ищу? — спросил я себя. — Понятие-то это откуда взялось?» И опять при этой мысли во мне поднялись радостные волны жизни. Всё вокруг меня ожило, получило смысл. Но радость моя продолжалась недолго. Ум продолжал свою работу. «Понятие бога — не бог, — сказал я себе. — Понятие есть то, что происходит во мне, понятие о боге есть то, что я могу возбудить и могу не возбудить в себе. Это не то, чего я ищу. Я ищу того, без чего бы не могла быть жизнь». И опять всё стало умирать вокруг меня и во мне, и мне опять захотелось убить себя.	“But my concept of God, of the one I am seeking?” I asked myself. “Where did that concept come from?” And again at this thought joyful waves of life rose up in me. Everything around me came alive, took on meaning. But my joy did not last long. My mind went on with its work. “The concept of God is not God,” I told myself. “A concept is something that happens within me; the concept of God is something I can arouse in myself or not arouse. That is not what I am seeking. I am seeking that without which there could be no life.” And again everything began to die around me and in me, and again I wanted to kill myself.
12.11	Но тут я оглянулся на самого себя, на то, что происходило во мне; и я вспомнил все эти сотни раз происходившие во мне умирания и оживления. Я вспомнил, что я жил только тогда, когда верил в бога. Как было прежде, так и теперь, сказал я себе: стоит мне знать о боге, и я живу; стоит забыть, не верить в него, и я умираю. Что же такое эти оживления и	But then I looked at myself, at what was happening in me; and I remembered all those dyings and revivals that had taken place in me hundreds of times. I remembered that I had lived only when I believed in God. As it was before, so it is now, I told myself: I have only to know about God, and I live; I have only to forget, to not believe in him,

RUSSIAN

умирания? Ведь я не живу, когда теряю веру в существование бога, ведь я бы уж давно убил себя, если б у меня не было смутной надежды найти его. Ведь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую его и ищу его. Так чего же я ищу еще? — вскрикнул во мне голос.— Так вот он.

Он — то, без чего нельзя жить. Знать бога и жить — одно и то же. Бог есть жизнь.

12.12 «Живи, отыскивая бога, и тогда не будет жизни без бога». И сильнее чем когда-нибудь всё осветилось во мне и вокруг меня, и свет этот уже не покидал меня.

12.13 И я спасся от самоубийства. Когда и как совершился во мне этот переворот, я не мог бы сказать. Как незаметно, постепенно уничтожалась во мне сила жизни, и я пришел к невозможности жить, к остановке жизни, к потребности самоубийства, так же постепенно, незаметно возвратилась ко мне эта сила жизни. И странно, что та сила жизни, которая возвратилась ко мне, была не новая, а самая старая, — та самая, которая влекла меня на первых порах моей жизни. Я вернулся во всем к самому прежнему, детскому и юношескому. Я вернулся к вере в ту волю, которая произвела меня и чего-то хочет от меня; я вернулся к тому, что главная и единственная цель моей жизни есть то, чтобы быть лучше, т. е.

жить согласнее с этой волей; я вернулся к тому, что выражение этой воли я могу найти в том, что в скрывающейся от меня дали выработало для руководства своего всё человечество, т. е. я вернулся к вере в бога, в нравственное совершенствование и в предание, передававшее смысл жизни. Только та и была разница, что тогда всё это было принято бессознательно, теперь же я знал, что без этого я не могу жить.

ENGLISH

and I die. What, then, are these revivals and dyings? Surely I do not live when I lose faith in the existence of God; surely I would long since have killed myself if I had not had a vague hope of finding him. Surely I live, truly live, only when I feel him and seek him. So what more am I seeking?—a voice cried out within me.—So here he is.

He is that without which one cannot live. To know God and to live are one and the same. God is life.

"Live seeking God, and then there will be no life without God." And more strongly than ever before everything lit up within me and around me, and that light never left me again.

And I was saved from suicide. When and how this revolution took place in me I could not say. Just as imperceptibly and gradually as the force of life had been destroyed in me, and I had come to the impossibility of living, to the arrest of life, to the need for suicide—so, just as gradually and imperceptibly, this force of life returned to me. And it is strange that the force of life that returned to me was not new but the very oldest—the very same force that had drawn me on in the earliest days of my life. I returned in everything to what was earliest, to childhood and youth. I returned to faith in the will that produced me and wants something of me; I returned to the idea that the chief and only aim of my life is to be better, that is,

to live more in accordance with this will; I returned to the idea that I can find the expression of this will in what all humanity, in a distance hidden from me, has worked out for its own guidance —that is, I returned to faith in God, in moral self-perfection, and in the tradition that handed down the meaning of life. The only difference was that then all this had been accepted unconsciously, while now I knew that without it I cannot live.

THE BOAT AND THE CURRENT

A parable of rowing with the crowd downstream toward the rapids, then back toward the shore.

RUSSIAN

12.14 Со мной случилось как будто вот что: Я не помню, когда меня посадили в лодку, оттолкнули от какого-то неизвестного мне берега, указали направление к другому берегу, дали в неопытные руки весла и оставили одного. Я работал, как умел, веслами и плыл; но чем дальше я выплывал на середину, тем

ENGLISH

It was as though this had happened to me: I do not remember when I was put into a boat, pushed off from some shore unknown to me, shown the direction toward the other shore, given oars into my inexperienced hands, and left alone. I worked the

RUSSIAN

быстрее становилось течение, относившее меня прочь от цели, и тем чаще и чаще мне встречались пловцы, такие же, как я, уносимые течением. Были одинокие пловцы, продолжавшие грести; были пловцы, побросавшие весла; были большие лодки огромные корабли, полные народом; одни бились с течением, другие отдавались ему. И чем дальше я плыл, тем больше, глядя на направление вниз, по потоку всех плывущих, я забывал данное мне направление.

На самой середине потока, в тесноте лодок и кораблей, несущихся вниз, я уже совсем потерял направление и бросил весла. Со всех сторон с весельем и ликованием вокруг меня неслись на парусах и на веслах пловцы вниз по течению, уверяя меня и друг друга, что и не может быть другого направления. И я поверил им и поплыл с ними. И меня далеко отнесло, так далеко, что я услыхал шум порогов, в которых я должен был разбиться, и увидал лодки, разбившиеся в них. И я опомнился. Долго я не мог понять, что со мной случилось. Я видел перед собой одну погибель, к которой я бежал и которой боялся, нигде не видел спасения и не знал, что мне делать.

Но, оглянувшись назад, я увидел бесчисленные лодки, которые, не переставая, упорно перебивали течение, вспомнил о береге, о веслах и направлении и стал выгребаться назад вверх по течению и к берегу.

12.15 Берег — это был бог, направление — это было предание, весла — это была данная мне свобода выгрестись к берегу — соединиться с богом. Итак, сила жизни возобновилась во мне, и я опять начал жить.

ENGLISH

oars as best I could and moved on; but the farther I rowed out toward the middle, the swifter the current became, carrying me away from my goal, and the more and more often I came upon other voyagers like me, being carried along by the current. There were solitary voyagers who kept on rowing; there were voyagers who had thrown down their oars; there were big boats, huge ships full of people; some struggled against the current, others gave themselves up to it. And the farther I went, the more—looking at the direction downstream in which all of them were moving—I forgot the direction I had been given.

In the very middle of the stream, amid the crush of boats and ships rushing downstream, I lost my direction altogether and threw down my oars. On all sides around me, with merriment and rejoicing, voyagers under sail and oar were rushing downstream, assuring me and one another that there could be no other direction. And I believed them and went along with them. And I was carried far—so far that I heard the roar of the rapids where I was bound to be dashed to pieces, and saw boats that had been wrecked in them. And I came to my senses. For a long time I could not understand what had happened to me. Before me I saw only destruction, which I was rushing toward and which I feared; nowhere did I see salvation, and I did not know what to do.

But, looking back, I saw countless boats that were ceaselessly, stubbornly breasting the current; I remembered the shore, the oars and the direction, and began to row back, upstream and toward the shore.

The shore—that was God; the direction—that was tradition; the oars—that was the freedom given me to row my way to the shore, to unite with God. And so the force of life was renewed in me, and I began to live again.

Chapter XIII

He renounces the life of his class and joins the faith of the people, rites and all.

	RUSSIAN	ENGLISH
13.1	Я отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живем, лишают нас возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей. Простой трудовой народ вокруг меня был русский народ, и я обратился к нему и к тому смыслу, который он придает жизни. Смысл этот, если можно его выразить, был следующий. Всякий человек произошел на этот свет по воле бога. И бог так сотворил человека, что всякий человек может погубить свою душу или спасти ее.	I renounced the life of our circle, having recognized that it was not life but only a semblance of life, that the conditions of excess in which we live deprive us of any possibility of understanding life, and that in order to understand life I must understand the life not of the exceptions, not of us, the parasites of life, but the life of the simple working people, the people who make life, and the meaning they give to it. The simple working people around me were the Russian people, and I turned to them and to the meaning they give to life. That meaning, if it can be put into words, was as follows. Every man has come into this world by the will of God. And God has so made man that every man can destroy his soul or save it.
	Задача человека в жизни — спасти свою душу; чтобы спасти свою душу, нужно жить по-божьи, а чтобы жить по-божьи, нужно отрекаться от всех утех жизни, трудиться, смиряться, терпеть и быть милостивым. Смысл этот народ черпает из всего вероучения, переданного и передаваемого ему пастырями и преданием, живущим в народе, и выражающимся в легендах, пословицах, рассказах. Смысл этот был мне ясен и близок моему сердцу. Но с этим смыслом народной веры неразрывно связано у нашего не раскольничьего народа, среди которого я жил, много такого, что отталкивало меня и представлялось необъяснимым: таинства, церковные службы, посты, поклонение мощам и иконам. Отделить одно от другого народ не может, не мог и я.	Man's task in life is to save his soul; to save his soul, one must live as God wills, and to live as God wills, one must renounce all the pleasures of life, work, humble oneself, endure and be merciful. The people draw this meaning from the whole of the doctrine handed down to them, and still being handed down, by their pastors and by the tradition that lives among the people and expresses itself in legends, proverbs and stories. This meaning was clear to me and close to my heart. But bound up inseparably with this meaning of the people's faith, among the common people around me, who were not Old Believers, there was much that repelled me and seemed inexplicable to me: the sacraments, the church services, the fasts, the veneration of relics and icons. The people cannot separate the one from the other, and neither could I.
	Как ни странно мне было многое из того, что входило в веру народа, я принял всё, ходил к службам, становился утром и вечером на молитву, постился, говел, и первое время разум мой не противился ничему. То самое, что прежде казалось мне невозможным, теперь не возбуждало во мне противления.	However strange much of what made up the people's faith was to me, I accepted all of it: I went to the services, stood at prayer morning and evening, fasted, prepared myself for communion, and at first my reason resisted nothing. The very things that had once seemed impossible to me now aroused no resistance in me.
13.2		

RUSSIAN

Отношение мое к вере теперь и тогда было совершенно различное. Прежде сама жизнь казалась мне исполненной смысла, и вера представлялась произвольным утверждением каких-то совершенно ненужных мне неразумных и не связанных с жизнью положений. Я спросил себя тогда, какой смысл имеют эти положения, и, убедившись, что они не имеют его, откинул их. Теперь же, напротив, я твердо знал, что жизнь моя не имеет и не может иметь никакого смысла, и положения веры не только не представлялись мне ненужными, но я несомненным опытом был приведен к убеждению, что только эти положения веры дают смысл жизни. Прежде я смотрел на них как на совершенно ненужную тарабарскую грамоту, теперь же, если я не понимал их, то знал, что в них смысл, и говорил себе, что надо учиться понимать их.

13.3 Я делал следующее рассуждение. Я говорил себе: знание веры вытекает, как и всё человечество с его разумом, из таинственного начала. Это начало есть бог, начало и тела человеческого, и его разума. Как преемственно *от* бога дошло до меня мое тело, так дошли до меня мой разум и мое постигновение жизни, и потому все те ступени развития этого постигновения жизни не могут быть ложны. Всё то, во что истинно верят люди, должно быть истина; она может быть различно выражаема, но ложью она не может быть, и потому если она мне представляется ложью, то это значит только то, что я не понимаю ее. Кроме того, я говорил себе: сущность всякой веры состоит в том, что она придает жизни такой смысл, который не уничтожается смертью.

Естественно, что для того, чтобы вера могла отвечать на вопрос умирающего в роскоши царя, замученного работой старика-раба, несмышленого ребенка, мудрого старца, полоумной старухи, молодой счастливой женщины, мятущегося страстями юноши, всех людей при самых разнообразных условиях жизни и образования, — естественно, если есть один ответ, отвечающий на вечный один вопрос жизни: «зачем я живу, что выйдет из моей жизни?» — то ответ этот, хотя единый по существу своему, должен быть бесконечно разнообразен в своих проявлениях; и чем единее, чем истиннее, глубже этот ответ, тем, естественно, страннее и уродливее он должен являться в своих попытках выражения, сообразно образованию и положению каждого.

ENGLISH

My relation to faith was now entirely different from what it had been then. Before, life itself had seemed to me full of meaning, and faith had seemed an arbitrary assertion of certain propositions that were utterly unnecessary to me, irrational and unconnected with life. I had asked myself then what meaning these propositions had, and, having satisfied myself that they had none, I had thrown them away. Now, on the contrary, I knew firmly that my life has no meaning and can have none, and the propositions of faith not only did not seem unnecessary to me—I had been led by undeniable experience to the conviction that only these propositions of faith give meaning to life. Before, I had looked on them as so much useless gibberish; now, if I did not understand them, I knew that there was meaning in them, and I told myself that I must learn to understand them.

I reasoned as follows. I said to myself: the knowledge of faith flows, like all humanity with its reason, from a mysterious origin. That origin is God, the origin both of the human body and of human reason. Just as my body has come down to me in succession *from* God, so have my reason and my comprehension of life, and therefore none of the stages in the development of this comprehension of life can be false. Everything that people truly believe must be truth; it may be expressed in different ways, but it cannot be a lie, and so if it seems to me a lie, that means only that I do not understand it. Besides, I said to myself: the essence of every faith lies in its giving life a meaning that death does not destroy.

Naturally, for faith to be able to answer the question of a king dying amid luxury, of an old slave worn out by work, of an uncomprehending child, of a wise old man, of a half-witted old woman, of a happy young woman, of a young man tossed about by his passions, of all people in the most varied conditions of life and education—naturally, if there is one answer that answers the one eternal question of life, “Why do I live, what will come of my life?”, then that answer, though one in its essence, must be infinitely varied in its manifestations; and the more unified, the truer and deeper this answer is, the stranger and more grotesque, naturally, it must appear in its attempts at expression, according to the education and station of each person.

RUSSIAN

Но рассуждения эти, оправдывающие для меня странность обрядовой стороны веры, были все-таки недостаточны для того, чтобы я сам, в том единственном для меня деле жизни, в вере, позволил бы себе делать поступки, в которых бы я сомневался. Я желал всеми силами души быть в состоянии слиться с народом, исполняя обрядовую сторону его веры; но я не мог этого сделать. Я чувствовал, что я лгал бы перед собой, насмеялся бы над тем, что для меня свято, если бы я делал это. Но тут мне на помощь явились новые, наши русские богословские сочинения.

ENGLISH

But these arguments, which justified for me the strangeness of the ritual side of faith, were still not enough for me to allow myself, in what was for me the one business of life, in faith, to do things I had doubts about. I wished with all the strength of my soul to be able to merge with the people by carrying out the ritual side of their faith; but I could not do it. I felt that if I did, I would be lying to myself and mocking what was sacred to me. But here new works came to my aid—our own Russian works of theology.

THE INFALLIBLE CHURCH

Theologians teach that truth is given to the Church united in love, and he accepts all its rites.

RUSSIAN

13.4 По объяснению этих богословов основной догмат веры есть непогрешимая церковь. Из признания этого догмата вытекает, как необходимое последствие, истинность всего исповедуемого церковью. Церковь, как собрание верующих, соединенных любовью и потому имеющих истинное знание, сделалась основой моей веры. Я говорил себе, что божеская истина не может быть доступна одному человеку, она открывается только всей совокупности людей, соединенных любовью. Для того чтобы постигнуть истину, надо не разделяться; а для того чтобы не разделяться, надо любить и примиряться с тем, с чем несогласен. Истина откроется любви, и потому, если ты не подчиняешься обрядам церкви, ты нарушаешь любовь; а нарушая любовь, ты лишаешься возможности познать истину. Я не видал тогда софизма, находящегося в этом рассуждении.

Я не видал тогда того, что единение в любви может дать величайшую любовь, но никак не богословскую истину, выраженную определенными словами в Никейском символе, не видал и того, что любовь никак не может сделать известное выражение истины обязательным для единения. Я не видал тогда ошибки этого рассуждения и благодаря ему получил возможность принять и исполнять все обряды православной церкви, не понимая большую часть их. Я старался тогда всеми силами души избегать всяких рассуждений, противоречий и пытался объяснить, сколько возможно разумно, те положения церковные, с которыми я сталкивался.

ENGLISH

As these theologians explain it, the fundamental dogma of faith is the infallible Church. From the acceptance of this dogma follows, as a necessary consequence, the truth of everything the Church professes. The Church, as the assembly of believers united by love and therefore possessing true knowledge, became the foundation of my faith. I told myself that divine truth cannot be accessible to one person alone; it reveals itself only to the whole body of people united by love. To attain the truth, one must not be divided; and in order not to be divided, one must love and make peace with what one disagrees with. Truth will reveal itself to love, and therefore, if you do not submit to the rites of the Church, you violate love; and in violating love, you deprive yourself of the possibility of knowing the truth. I did not see then the sophistry contained in this reasoning.

I did not see then that unity in love may give the greatest love, but by no means theological truth expressed in definite words in the Nicene Creed; nor did I see that love can by no means make a particular expression of truth obligatory for unity. I did not see then the error of this reasoning, and thanks to it I was able to accept and perform all the rites of the Orthodox Church without understanding most of them. I tried then with all the strength of my soul to avoid all reasoning and contradiction, and tried to explain, as rationally as I could, those tenets of the Church that I came up against.

13.5

RUSSIAN

Исполняя обряды церкви, я смирял свой разум и подчинял себя тому преданию, которое имело всё человечество. Я соединялся с предками моими, с любимыми мною — отцом, матерью, дедами, бабками. Они и все прежние верили и жили, и меня произвели. Я соединялся и со всеми миллионами уважаемых мною людей из народа. Кроме того, самые действия эти не имели в себе ничего дурного (дурным я считал потворство похотям). Вставая рано к церковной службе, я знал, что делал хорошо уже только потому, что для смирения своей гордости ума, для сближения с моими предками и современниками, для того, чтобы, во имя искания смысла жизни, я жертвовал своим телесным спокойствием. То же было при говении, при ежедневном чтении молитв с поклонами, то же при соблюдении всех постов.

Как ни ничтожны были эти жертвы, это были жертвы во имя хорошего. Я говел, постился, соблюдал временные молитвы дома и в церкви. В слушании служб церковных я вникал в каждое слово и придавал им смысл, когда мог. В обедне самые важные слова для меня были: «возлюбим друг друга да единомыслием...» Дальнейшие слова: «исповедуем отца и сына и святого духа» — я пропускал, потому что не мог понять их.

ENGLISH

In performing the rites of the Church, I humbled my reason and submitted to the tradition that all humanity had held. I united myself with my ancestors, with those I loved—my father, my mother, my grandfathers and grandmothers. They and all those before them had believed and lived, and had brought me into being. I united myself, too, with all the millions of the common people whom I respected. Besides, these acts in themselves had nothing bad in them (what I considered bad was the indulgence of lust). Getting up early for a church service, I knew that I was doing well, if only because, to humble the pride of my mind, to draw closer to my ancestors and contemporaries, for the sake of seeking the meaning of life, I was sacrificing my bodily comfort. It was the same when I prepared for communion, the same with the daily reading of prayers with prostrations, the same with keeping all the fasts.

However trifling these sacrifices were, they were sacrifices in the name of the good. I prepared for communion, fasted, kept the prayers of the appointed hours at home and in church. Listening to the church services, I attended to every word and gave the words meaning when I could. In the liturgy the most important words for me were: “Let us love one another, that with one mind...” The words that followed, “we may confess the Father and the Son and the Holy Spirit,” I passed over, because I could not understand them.

Chapter XIV

Fasts, services and communion; what he can accept and what he cannot.

	RUSSIAN	ENGLISH
14.1	Мне так необходимо было тогда верить, чтобы жить, что я бессознательно скрывал от себя противоречия и неясности вероучения. Но это осмысливание обрядов имело предел. Если ектения всё яснее и яснее становилась для меня в главных своих словах, если я объяснял себе кое-как слова: «пресвятую владычицу нашу богородицу и всех святых помянувше, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу богу предадим», — если я объяснял частое повторение молитв о царе и его родных тем, что они более подлежат искушению, чем другие, и потому более требуют молитв, то молитвы о покорении под нози врага и супостата, если я их объяснял тем, что враг есть зло, — молитвы эти и другие, как херувимская и всё таинство проскомидии или «взбранной воеводе» и т.	I needed so badly then to believe, in order to live, that I unconsciously hid from myself the contradictions and obscurities of the doctrine. But this making sense of the rites had its limit. If the litany became clearer and clearer to me in its chief words, if I explained to myself somehow the words "Remembering our most holy Lady, the Mother of God, and all the saints, let us commend ourselves and one another and all our life to Christ our God"; if I explained the frequent repetition of prayers for the tsar and his family by saying that they are more exposed to temptation than others and so stand more in need of prayer; then the prayers for subduing every foe and adversary beneath his feet, even if I explained them by saying that the foe is evil—these prayers and others, such as the Cherubic Hymn and the whole sacrament of the proskomedia, or "To thee, our champion leader," and so on—[1]
	п., почти две трети всех служб или вовсе не имели объяснений, или я чувствовал, что я, подводя им объяснения, лгу и тем совсем разрушаю свое отношение к богу, теряя совершенно всякую возможность веры.	almost two-thirds of all the services either had no explanation at all, or I felt that in fitting explanations to them I was lying and thereby destroying my relation to God altogether, losing utterly any possibility of faith.
14.2	То же я испытывал при праздновании главных праздников. Помнить день субботний, т. е. посвятить один день на обращение к богу, мне было понятно. Но главный праздник был воспоминание о событии воскресения, действительность которого я не мог себе представить и понять. И этим именем воскресенья назывался еженедельно празднуемый день. И в эти дни совершалось таинство евхаристии, которое было мне совершенно непонятно. Остальные все двенадцать праздников, кроме Рождества, были воспоминания о чудесах, о том, о чем я старался не думать, чтобы не отрицать: Вознесенье, Пятидесятница, Богоявленье, Покров и т. д. При праздновании этих праздников, чувствуя, что	I felt the same in celebrating the chief feasts. To remember the Sabbath day, that is, to devote one day to turning to God, made sense to me. But the chief feast was the commemoration of the resurrection, an event whose reality I could neither imagine nor understand. And the day celebrated every week bore this same name of resurrection. And on these days the sacrament of the Eucharist was celebrated, which was completely incomprehensible to me. All the rest of the twelve feasts, except Christmas, commemorated miracles, things I tried not to think about so as not to deny them: the Ascension, Pentecost, the Epiphany, the Protec-

1 The Cherubic Hymn is sung at the liturgy, and the proskomedia is the preparation of the bread and wine before it. "To thee, our champion leader" opens the Akathist hymn to the Mother of God.

	RUSSIAN	ENGLISH
	приписывается важность тому самому, что для меня составляет самую обратную важность, я или придумывал успокоивавшие меня объяснения, или закрывал глаза, чтобы не видать того, что соблазняет меня.	tion of the Virgin and so on. In celebrating these feasts, feeling that importance was being given to the very thing that for me had quite the reverse importance, I either invented explanations to soothe myself or shut my eyes so as not to see what offended me.[2]
14.3	Сильнее всего это происходило со мною при участии в самых обычных таинствах, считаемых самыми важными: крещении и причастии. Тут не только я сталкивался с не то что непонятными, но вполне понятными действиями: действия эти казались мне соблазнительными, и я был поставляем в дилемму— или лгать, или отбросить.	This happened to me most strongly when I took part in the most ordinary sacraments, the ones considered the most important: baptism and communion. Here I came up against actions that were not incomprehensible but perfectly comprehensible: these actions seemed offensive to me, and I was put in a dilemma—either to lie or to reject them.

COMMUNION

At his first communion in years he must affirm the bread and wine are the true body and blood.

	RUSSIAN	ENGLISH
14.4	Никогда не забуду мучительного чувства, испытанного мною в тот день, когда я причащался в первый раз после многих лет. Службы, исповедь, правила — всё это было мне понятно и производило во мне радостное сознание того, что смысл жизни открывается мне. Самое причастие я объяснял себе как действие, совершаемое в воспоминание Христа и означающее очищение от греха и полное восприятие учения Христа. Если это объяснение и было искусственно, то я не замечал его искусственности. Мне так радостно было, унижаясь и смиряясь перед духовником, простым робким священником, выворачивать всю грязь своей души, каясь в своих пороках, так радостно было сливаться мыслями с стремлениями отцов, писавших молитвы правил, так радостно было единение со всеми веровавшими и верующими, что я и не чувствовал искусственности моего объяснения.	I shall never forget the painful feeling I experienced on the day I took communion for the first time after many years. The services, confession, the prescribed prayers—all this I could understand, and it gave me a joyful awareness that the meaning of life was being revealed to me. Communion itself I explained to myself as an act performed in remembrance of Christ and signifying cleansing from sin and the full acceptance of Christ's teaching. If this explanation was artificial, I did not notice its artificiality. It was such a joy to me, abasing and humbling myself before my confessor, a simple, timid priest, to turn out all the filth of my soul, repenting of my vices; such a joy to merge in thought with the aspirations of the Fathers who wrote the prescribed prayers; such a joy to be at one with all who had believed and who believe, that I did not even feel the artificiality of my explanation.
	Но когда я подошел к царским дверям и священник заставил меня повторить то, что я верю, что то, что я буду глотать, есть истинное тело и кровь, меня резнуло по сердцу; это мало что фальшивая нота, это жестокое требование кого-то такого, который, очевидно, никогда и не знал, что такое вера.	But when I came up to the Royal Doors and the priest made me repeat that I believe that what I was about to swallow was the true body and blood, it cut me to the heart; this was not merely a false note, it was a cruel demand from someone who had evidently never even known what faith is.[3]

2 In Russian, Sunday is voskresenie, "resurrection."
3 The Royal Doors are the central doors of the iconostasis, before which communion is given.

RUSSIAN

ENGLISH

14.5 Но я теперь позволяю себе говорить, что это было жестокое требование, тогда же я и не подумал этого, мне только было невыразимо больно. Я уже не был в том положении, в каком я был в молодости, думая, что всё в жизни ясно; я пришел ведь к вере потому, что помимо веры я ничего, наверное ничего, не нашел, кроме погибели, поэтому откидывать эту веру нельзя было, и я покорился. И я нашел в своей душе чувство, которое помогло мне перенести это. Это было чувство самоунижения и смирения. Я смирился, проглотил эту кровь и тело без кощунственного чувства, с желанием поверить, но удар уже был нанесен. И зная вперед, что ожидает меня, я уже не мог идти в другой раз.

But it is only now that I allow myself to say it was a cruel demand; at the time I did not even think it, I only felt an inexpressible pain. I was no longer in the position I had been in as a young man, thinking that everything in life was clear; I had come to faith, after all, because apart from faith I had found nothing, absolutely nothing, but destruction, and so it was impossible to throw this faith away, and I submitted. And I found in my soul a feeling that helped me bear it. It was a feeling of self-abasement and humility. I humbled myself, swallowed this blood and body without any feeling of blasphemy, wishing to believe, but the blow had been struck. And knowing in advance what awaited me, I could not go a second time.

14.6 Я продолжал точно так же исполнять обряды церкви и всё еще верил, что в том вероучении, которому я следовал, была истина, и со мною происходило то, что теперь мне ясно, но тогда казалось странным.

I went on performing the rites of the Church in exactly the same way and still believed that there was truth in the doctrine I was following, and something was happening to me that is clear to me now but seemed strange then.

14.7 Слушал я разговор безграмотного мужика странника о боге, о вере, о жизни, о спасении, и знание веры открылось мне. Сближался я с народом, слушая его суждения о жизни, о вере, и я всё больше и больше понимал истину. То же было со мной при чтении Четьи-Минеи и Прологов; это стало любимым моим чтением. Исключая чудеса, смотря на них как на фабулу, выражающую мысль, чтение это открывало мне смысл жизни. Там были жития Макария Великого, Иоасафа царевича (история Будды), там были слова Иоанна Златоуста, слова о путнике в колодце, о монахе, нашедшем золото, о Петре мытаре; там история мучеников, всех заявлявших одно, что смерть не исключает жизни; там истории о спасшихся безграмотных, глупых и не знающих ничего об учениях церкви.

I would listen to an illiterate peasant pilgrim talking about God, about faith, about life, about salvation, and the knowledge of faith would open up to me. I drew close to the people, listening to what they thought about life and faith, and I understood the truth more and more. The same happened to me when I read the Chetyi-Minei and the Prologues; these became my favorite reading. Leaving aside the miracles, regarding them as a plot that expresses an idea, this reading revealed to me the meaning of life. There were the lives of Macarius the Great and of the Tsarevich Josaphat (the story of the Buddha); there were the sermons of John Chrysostom, the tales of the traveler in the well, of the monk who found gold, of Peter the publican; there was the history of the martyrs, all declaring one thing, that death does not exclude life; there were the stories of people who were saved though they were illiterate, foolish and knew nothing of the teachings of the Church.[4]

14.8 Но стоило мне сойтись с учеными верующими или взять их книги, как какое-то сомнение в себе, недовольство, озлобление спора возникали во мне, и

But I had only to come together with learned believers or pick up their books, and a kind of self-doubt, dissatisfaction, the bitterness of argument would rise in me, and I felt that the more I went

4 The Chetyi-Minei and the Prologues are Russian Orthodox collections of saints' lives and edifying tales arranged by the days of the Church year. Macarius the Great (4th century AD) was an Egyptian desert father.

RUSSIAN	ENGLISH
я чувствовал, что я, чем больше вникаю в их речи, тем больше отдаляюсь от истины и иду к пропасти.	into what they said, the further I moved from the truth and the nearer I came to the precipice.

Chapter XV

The Church's hostility to other faiths and its blessing of war and executions drive him away from it.

	RUSSIAN	ENGLISH
15.1	Сколько раз я завидовал мужикам за их безграмотность и неученость. Из тех положений веры, из которых для меня выходили явные бессмыслицы, для них не выходило ничего ложного; они могли принимать их и могли верить в истину, в ту истину, в которую и я верил. Только для меня, несчастного, ясно было, что истина тончайшими нитями переплетена с ложью и что я не могу принять ее в таком виде.	How often I envied the peasants their illiteracy and lack of learning. From those tenets of faith that for me yielded obvious absurdities, nothing false followed for them; they could accept them and could believe in the truth, the same truth in which I too believed. Only for me, unhappy man, was it clear that truth was interwoven with falsehood by the finest threads and that I could not accept it in that form.
15.2	Так я жил года три, и первое время, когда я, как оглашенный, только понемногу приобщался к истине, только руководимый чутьем шел туда, где мне казалось светлее, эти столкновения менее поражали меня. Когда я не понимал чего-нибудь, я говорил себе: «я виноват, я дурен». Но чем больше я стал проникаться теми истинами, которым я учился, чем более они становились основой жизни, тем тяжелее, разительнее стали эти столкновения и, тем резче становилась та черта, которая есть между тем, чего я не понимаю, потому что не умею понимать, и тем, чего нельзя понять иначе, как солгав перед самим собою.	So I lived for about three years, and at first, when I, like a catechumen, was only little by little being admitted to the truth, when I was only following my instinct toward where it seemed lighter to me, these collisions struck me less. When I did not understand something, I said to myself: "It is my fault, I am bad." But the more I became imbued with the truths I was learning, the more they became the foundation of my life, the more painful and glaring these collisions became, and the sharper became the line that lies between what I do not understand because I am unable to understand it and what cannot be understood except by lying to myself.
15.3	Несмотря на эти сомнения и страдания, я еще держался православия. Но явились вопросы жизни, которые надо было разрешить, и тут разрешение этих вопросов церковью — противное самым основам той веры, которою я жил, — окончательно заставило меня отречься от возможности общения с православием. Вопросы эти были, во-первых, отношение церкви православной к другим церквам — к католичеству и к так называемым раскольникам. В это время, вследствие моего интереса к вере, я сближался с верующими разных исповеданий: католиками, протестантами, старообрядцами, молоканами и др. И много я встречал из них людей нравственно высоких и истинно верующих. Я желал быть братом этих людей. И что же?	

RUSSIAN

ENGLISH

Despite these doubts and sufferings, I still held to Orthodoxy. But questions of life arose that had to be resolved, and here the Church's resolution of these questions—contrary to the very foundations of the faith by which I lived—finally made me renounce the possibility of communion with Orthodoxy. These questions were, first, the relation of the Orthodox Church to other churches—to Catholicism and to the so-called schismatics. At that time, because of my interest in faith, I was coming into contact with believers of various confessions: Catholics, Protestants, Old Believers, Molokans and others. And I met many people among them who were morally elevated and truly believing. I wished to be a brother to these people. And what came of it?[1]

— То учение, которое обещало мне соединить всех единою верою и любовью, это самое учение в лице своих лучших представителей сказало мне, что это всё люди, находящиеся во лжи, что то, что дает им силу жизни, есть искушение дьявола, и что мы одни в обладании единой возможной истины.

—The very teaching that had promised to unite everyone in one faith and love, this very teaching, in the persons of its best representatives, told me that all these people were living in falsehood, that what gave them the force of life was a temptation of the devil, and that we alone possessed the only possible truth.

И я увидал, что всех, не исповедующих одинаково с ними веру, православные считают еретиками, точь-в-точь так же, как католики и другие считают православие еретичеством; я увидал, что ко всем, не исповедующим внешними символами и словами свою веру так же, как православие, — православие, хотя и пытается скрыть это, относится враждебно, как оно и должно быть, во-первых, потому, что утверждение о том, что ты во лжи, а я в истине, есть самое жестокое слово, которое может сказать один человек другому, и, во-вторых, потому, что человек, любящий детей и братьев своих, не может не относиться враждебно к людям, желающим обратить его детей и братьев в веру ложную. И враждебность эта усиливается по мере большего знания вероучения.

And I saw that the Orthodox consider all who do not profess the faith as they do to be heretics, exactly as Catholics and others consider Orthodoxy a heresy; I saw that toward all who do not profess their faith with the same outward symbols and words as Orthodoxy, Orthodoxy, though it tries to hide it, is hostile, as indeed it must be: first, because the assertion that you are in falsehood and I am in the truth is the cruelest thing one person can say to another, and second, because a man who loves his children and brothers cannot help being hostile to people who want to convert his children and brothers to a false faith. And this hostility grows the more one knows of doctrine.

И мне, полагавшему истину в единении любви, невольно бросилось в глаза то, что самое вероучение разрушает то, что оно должно произвести.

And to me, who placed truth in unity in love, it was inescapably striking that doctrine itself destroys what it ought to produce.

15.4 Соблазн этот до такой степени очевиден, до такой степени нам, образованным людям, живавшим в странах, где исповедуются разные веры, и видавшим то презрительное, самоуверенное, непоколебимое отрицание, с которым относится католик к

This stumbling block is so obvious—so obvious to us educated people, who have lived in countries where different faiths are professed and have seen the contemptuous, self-assured, unshakable rejection with which the Catholic treats the Orthodox

1 The Molokans are a Russian sect of "spiritual Christians" who reject the sacraments, icons and the clergy.

RUSSIAN

православному и протестанту, православный к католику и протестанту, и протестант к обоим, и такое же отношение старообрядца, пашковца, шекера и всех вер, что самая очевидность соблазна в первое время озадачивает. Говоришь себе: да не может же быть, чтобы это было так просто, и все-таки люди не видали бы того, что если два утверждения друг друга отрицают, то ни в том, ни в другом нет той единой истины, какою должна быть вера. Что-нибудь тут есть.

Есть какое-нибудь объяснение, — я и думал, что есть, и отыскивал это объяснение, и читал всё, что мог, по этому предмету, и советовался со всеми, с кем мог. И не получал никакого объяснения, кроме того же самого, по которому сумские гусары считают, что первый полк в мире Сумский гусарский, а желтые уланы считают, что первый полк в мире — это желтые уланы. Духовные лица всех разных исповеданий, лучшие представители из них, ничего не сказали мне, как только то, что они верят, что они в истине, а те в заблуждении, и что всё, что они могут, это молиться о них. Я ездил к архимандритам, архиереям, старцам, схимникам и спрашивал, и никто никакой попытки не сделал объяснить мне этот соблазн.

Один только из них разъяснил мне всё, но разъяснил так, что я уж больше ни у кого не спрашивал.

15.5 Я говорил о том, что для всякого неверующего, обращающегося к вере (а подлежит этому обращению всё наше молодое поколение), этот вопрос представляется первым: почему истина не в лютеранстве, не в католицизме, а в православии? Его учат в гимназии, и ему нельзя не знать, как этого не знает мужик, что протестант, католик так же точно утверждают единую истинность своей веры. Исторические доказательства, подгибаемые каждым исповеданием в свою сторону, недостаточны. Нельзя ли, — говорил я, — выше понимать учение, так, чтобы с высоты учения исчезали бы различия, как они исчезают для истинно верующего? Нельзя ли идти дальше по тому пути, по которому мы идем с старообрядцами? Они утверждали, что крест, аллилуия и хождение вокруг алтаря у нас другие.

ENGLISH

and the Protestant, the Orthodox the Catholic and the Protestant, and the Protestant both, and the same attitude in the Old Believer, the Pashkovite, the Shaker and every faith—that at first the very obviousness of the stumbling block is baffling. You say to yourself: surely it cannot be so simple, and yet people have not seen that if two assertions negate each other, then neither one nor the other holds that single truth which faith must be. There must be something to it.[2]

There must be some explanation—and I did think there was, and I looked for this explanation, and read everything I could on the subject, and consulted everyone I could. And I received no explanation except the very same one by which the Sumy Hussars consider that the first regiment in the world is the Sumy Hussars, and the Yellow Uhlans consider that the first regiment in the world is the Yellow Uhlans. The clergy of all the different confessions, the best representatives among them, told me nothing except that they believed they were in the truth and the others in error, and that all they could do was pray for them. I went to archimandrites, bishops, elders, schema-monks, and asked, and no one made the slightest attempt to explain this stumbling block to me.

Only one of them explained everything to me—but he explained it in such a way that I never asked anyone again.

I said that for every unbeliever who turns to faith (and our whole younger generation faces that turn) this question comes first: why is the truth not in Lutheranism, not in Catholicism, but in Orthodoxy? He has been taught at school, and he cannot help knowing, as the peasant does not know, that the Protestant and the Catholic assert in exactly the same way that their own faith alone is true. Historical proofs, bent by each confession in its own direction, are not enough. Could we not, I said, understand the teaching on a higher level, so that from the heights of the teaching the differences would vanish, as they vanish for the true believer? Could we not go further along the path we have taken with the Old Believers? They maintained that our sign of the cross, our alleluia and our procession around the altar were different.

2 The Pashkovites are the “New Christians” of 10.3; the Shakers are an American Protestant sect.

RUSSIAN

Мы сказали: вы верите в Никейский символ, в семь таинств, и мы верим. Давайте же держаться этого, а в остальном делайте, как хотите. Мы соединились с ними тем, что поставили существенное в вере выше несущественного. Теперь с католиками нельзя ли сказать: вы верите в то-то и то-то, в главное, а по отношению к filioque и папе делайте, как хотите. Нельзя ли того же сказать и протестантам, соединившись с ними на главном? Собеседник мой согласился с моей мыслью, но сказал мне, что такие уступки произведут нарекания на духовную власть в том, что она отступает от веры предков, и произведут раскол, а призвание духовной власти — блюсти во всей чистоте грекороссийскую православную веру, переданную ей от предков.

15.6 И я всё понял. Я ищу веры, силы жизни, а они ищут наилучшего средства исполнения перед людьми известных человеческих обязанностей. И, исполняя эти человеческие дела, они и исполняют их по-человечески. Сколько бы ни говорили они о своем сожалении о заблудших братьях, о молитвах о них, возносимых у престола всевышнего, — для исполнения человеческих дел нужно насилие, и оно всегда прилагалось, прилагается и будет прилагаться. Если два исповедания считают себя в истине, а друг друга во лжи, то, желая привлечь братьев к истине, они будут проповедывать свое учение. А если ложное учение проповедуется неопытным сынам церкви, находящейся в истине, то церковь эта не может не сжечь книги, не удалить человека, соблазняющего сынов ее.

Что же делать с тем, горящим огнем ложной, по мнению православия, веры сектантом, который в самом важном деле жизни, в вере, соблазняет сынов церкви? Что же с ним делать, как не отрубить ему голову или не запереть его? При Алексее Михайловиче сжигали на костре, т. е. по времени прилагали высшую меру наказания; в наше время прилагают тоже высшую меру — запирают в одиночное заключение. И я обратил внимание на то, что делается во имя вероисповедания, и ужаснулся, и уже почти совсем отрекся от православия. Второе

ENGLISH

We said: you believe in the Nicene Creed and the seven sacraments, and so do we. Let us hold to that, and in the rest do as you please. We united with them by putting what is essential in faith above what is inessential. Now, could we not say to the Catholics: you believe in this and that, in the main thing, and as for the filioque and the pope, do as you please? Could we not say the same to the Protestants, uniting with them on the main thing? The man I was talking with agreed with my idea, but told me that such concessions would bring reproaches on the Church authorities for departing from the faith of their forefathers, and would produce a schism, whereas the calling of the Church authorities is to preserve in all its purity the Greco-Russian Orthodox faith handed down to them by their forefathers.[3]

And I understood everything. I am seeking faith, the force of life, and they are seeking the best means of fulfilling certain human obligations before people. And in doing these human things, they do them in a human way. However much they may speak of their sorrow over their erring brothers, of the prayers for them offered up before the throne of the Most High—doing human things requires violence, and violence has always been used, is being used and will be used. If two confessions each consider themselves in the truth and each other in falsehood, then, wishing to draw their brothers to the truth, they will preach their teaching. And if a false teaching is preached to the inexperienced sons of a church that is in the truth, that church cannot help burning the books and removing the man who leads its sons astray.

What is to be done with the sectarian who burns with the fire of a faith that is, in the view of Orthodoxy, false, and who, in the most important business of life, in faith, leads the sons of the Church astray? What is to be done with him but to cut off his head or lock him up? Under Tsar Alexis they burned people at the stake, that is, they applied the highest punishment of the time; in our day too they apply the highest punishment—they lock people up in solitary confinement. And I turned my attention to what is done in the name of religious confession, and I was horrified, and by now

3 The filioque ("and from the Son") is the Western addition to the Nicene Creed on the procession of the Holy Spirit, a chief point of dispute between the Catholic and Orthodox Churches.

	RUSSIAN	ENGLISH
	отношение церкви к жизненным вопросам было отношение ее к войне и казням.	I had almost entirely renounced Orthodoxy. The second relation of the Church to the questions of life was its relation to war and to executions.[4]

WAR AND EXECUTIONS

The Church prays for victory in war and its clergy approve the killing of young revolutionaries.

	RUSSIAN	ENGLISH
15.7	В это время случилась война в России. И русские стали во имя христианской любви убивать своих братьев. Не думать об этом нельзя было. Не видеть, что убийство есть зло, противное самым первым основам всякой веры, нельзя было. А вместе с тем в церквах молились об успехе нашего оружия, и учители веры признавали это убийство делом, вытекающим из веры. И не только эти убийства на войне, но во время тех смут, которые последовали за войной, я видел членов церкви, учителей ее, монахов, схимников, которые одобряли убийство заблудших беспомощных юношей. И я обратил внимание на всё то, что делается людьми, исповедующими христианство, и ужаснулся.	At that time there was a war in Russia. And Russians began, in the name of Christian love, to kill their brothers. It was impossible not to think about this. It was impossible not to see that killing is an evil, contrary to the very first foundations of any faith. And at the same time in the churches they prayed for the success of our arms, and the teachers of faith accepted this killing as a deed that follows from faith. And not only these killings in war: during the troubles that followed the war I saw members of the Church, its teachers, monks, schema-monks, who approved the killing of helpless young people who had gone astray. And I turned my attention to all that is done by people who profess Christianity, and I was horrified.[5]

4 Tsar Alexis Mikhailovich (reigned 1645–76), under whom the Church reforms that produced the Old Believer schism were carried out and dissenters were persecuted.

5 The Russo-Turkish War of 1877–78; the troubles that followed were the revolutionary terrorism of 1878–81 and the executions of revolutionaries.

Chapter XVI

Truth and falsehood are mixed in the teaching; he resolves to study theology to separate them. Postscript (1882): a dream.

	RUSSIAN	ENGLISH
16.1	И я перестал сомневаться, а убедился вполне, что в том знании веры, к которому я присоединился, не всё истина. Прежде я бы сказал, что всё вероучение ложно; но теперь нельзя было этого сказать. Весь народ имел знание истины, это было несомненно, потому что иначе он бы не жил. Кроме того, это знание истины уже мне было доступно, я уже жил им и чувствовал всю его правду; но в этом же знании была и ложь. И в этом я не мог сомневаться. И всё то, что прежде отталкивало меня, теперь живо предстало передо мною.	And I stopped doubting, and became fully convinced that not everything in the knowledge of faith that I had joined was truth. Before, I would have said that the whole doctrine was false; but now it was impossible to say that. The whole people had the knowledge of truth—this was beyond doubt, because otherwise they would not live. Besides, this knowledge of truth was already accessible to me; I was already living by it and felt the whole truth of it; but in this same knowledge there was falsehood too. And of this I could not doubt. And everything that had once repelled me now rose vividly before me.
	Хотя я и видел то, что во всем народе меньше было той примеси оттолкнувшей меня лжи, чем в представителях церкви, — я всё-таки видел, что и в верованиях народа ложь примешана была к истине.	Although I saw that in the people as a whole there was less of the admixture of falsehood that had repelled me than in the representatives of the Church, I still saw that in the beliefs of the people, too, falsehood was mixed with truth.
16.2	Но откуда взялась ложь и откуда взялась истина? И ложь, и истина переданы тем, что называют церковью. И ложь, и истина заключаются в предании, в так называемом священном предании и писании.	But where had the falsehood come from, and where had the truth come from? Both the falsehood and the truth had been handed down by what is called the Church. Both the falsehood and the truth are contained in tradition, in what is called Holy Tradition and Scripture.
16.3	И волей-неволей я приведен к изучению, исследованию этого писания и предания, — исследованию, которого я так боялся до сих пор.	And, like it or not, I am brought to the study, the investigation, of this Scripture and tradition—the investigation I had been so afraid of until now.
16.4	И я обратился к изучению того самого богословия, которое я когда-то с таким презрением откинул как ненужное. Тогда оно казалось мне рядом ненужных бессмыслиц, тогда со всех сторон окружали меня явления жизни, казавшиеся мне ясными и исполненными смысла; теперь же я бы и рад откинуть то, что не лезет в здоровую голову, но деваться некуда. На этом вероучении зиждется, или по крайней мере неразрывно связано с ним, то единое знание смысла жизни, которое открылось мне. Как ни кажется оно мне дико на мой старый	And I turned to the study of that very theology I had once thrown aside with such contempt as unnecessary. Then it had seemed to me a series of unnecessary absurdities; then I had been surrounded on all sides by the phenomena of life, which seemed to me clear and full of meaning; now I would gladly throw aside what will not go into a sound head, but there is no way around it. On this doctrine rests—or at least inseparably bound up with it is—the one knowledge of the meaning of life that has been revealed to me. However wild it

	RUSSIAN	ENGLISH
	твердый ум, это — одна надежда спасения. Надо осторожно, внимательно рассмотреть его, для того, чтобы понять его, даже и не то, что понять, как я понимаю положение науки. Я этого не ищу и не могу искать, зная особенность знания веры.	seems to my old, firm mind, it is the one hope of salvation. I must examine it carefully and attentively in order to understand it—and not even to understand it in the way I understand a proposition of science. That I do not seek and cannot seek, knowing the particular nature of the knowledge of faith.
	Я не буду искать объяснения всего. Я знаю, что объяснение всего должно скрываться, как начало всего, в бесконечности. Но я хочу понять так, чтобы быть приведенным к неизбежно-необъяснимому; я хочу, чтобы всё то, что необъяснимо, было таково не потому, что требования моего ума неправильны (они правильны, и вне их я ничего понять не могу), но потому, что я вижу пределы своего ума. Я хочу понять так, чтобы всякое необъяснимое положение представлялось мне как необходимость разума же, а не как обязательство поверить.	I will not seek an explanation of everything. I know that the explanation of everything must lie hidden, like the origin of everything, in the infinite. But I want to understand in such a way as to be brought to what is inevitably inexplicable; I want everything that is inexplicable to be so not because the demands of my mind are wrong (they are right, and outside them I can understand nothing), but because I see the limits of my mind. I want to understand in such a way that every inexplicable proposition presents itself to me as a necessity of reason itself, and not as an obligation to believe.
16.5	Что в учении есть истина, это мне несомненно; но несомненно и то, что в нем есть ложь, и я должен найти истину и ложь и отделить одно от другого. И вот я приступил к этому. Что я нашел в этом учении ложного, что я нашел истинного и к каким выводам я пришел, составляет следующие части сочинения, которое, если оно того стоит и нужно кому-нибудь, вероятно будет когда-нибудь и где-нибудь напечатано.	That there is truth in the teaching is beyond doubt for me; but it is beyond doubt, too, that there is falsehood in it, and I must find the truth and the falsehood and separate the one from the other. And so I set about it. What I found false in this teaching, what I found true, and what conclusions I came to make up the following parts of the work, which, if it is worth it and anyone needs it, will probably be printed someday, somewhere.

POSTSCRIPT: THE DREAM

Three years later he dreams he hangs over an abyss and is held up by looking upward.

	RUSSIAN	ENGLISH
16.6	Это было написано мною три года тому назад.	This was written by me three years ago.
16.7	Теперь, пересматривая эту печатаемую часть и возвращаясь к тому ходу мысли и к тем чувствам, которые были во мне, когда я переживал ее, я на днях увидал сон. Сон этот выразил для меня в сжатом образе всё то, что я пережил и описал, и потому думаю, что и для тех, которые поняли меня, описание этого сна освежит, уяснит и соберет в одно всё то, что так длинно рассказано на этих страницах. Вот этот сон: Вижу я, что лежу на постели. И мне ни хорошо, ни дурно, я лежу на спине.	Now, looking over this part that is being printed and returning to the train of thought and the feelings that were in me when I was living through it, I had a dream the other day. This dream expressed for me, in a condensed image, everything I had lived through and described, and so I think that for those who have understood me, too, a description of this dream will refresh, clarify and gather into one all that has been told at such length in these pages. Here is the dream: I see that I am lying on a bed. And I feel neither comfortable nor uncomfortable; I am lying on my back.

RUSSIAN

Но я начинаю думать о том, хорошо ли мне лежать; и что-то, мне кажется, неловко ногам: коротко ли, неровно ли, но неловко что-то; я пошевеливаю ногами и вместе с тем начинаю обдумывать, как и на чем я лежу, чего мне до тех пор не приходило в голову. И наблюдая свою постель, я вижу, что лежу на плетеных веревочных помочах, прикрепленных к бочинам кровати. Ступни мои лежат на одной такой помочи, голени — на другой, ногам неловко. Я почему-то знаю, что помочи эти можно передвигать. И движением ног отталкиваю крайнюю помочу под ногами. Мне кажется, что так будет покойнее. Но я оттолкнул ее слишком далеко, хочу захватить ее ногами, но с этим движеньем выскальзывает из-под голеней и другая помоча, и ноги мои свешиваются.

Я делаю движение всем телом, чтобы справиться, вполне уверенный, что я сейчас устроюсь; но с этим движением выскальзывают и перемещаются подо мной еще и другие помочи, и я вижу, что дело совсем портится: весь низ моего тела спускается и висит, ноги не достают до земли. Я держусь только верхом спины, и мне становится не только неловко, но отчего-то жутко. — Тут только я спрашиваю себя то, чего прежде мне и не приходило в голову. Я спрашиваю себя: где я и на чем я лежу? И начинаю оглядываться и прежде всего гляжу вниз, туда, куда свисло мое тело, и куда, я чувствую, что должен упасть сейчас. Я гляжу вниз и не верю своим глазам.

Не то что я на высоте, подобной высоте высочайшей башни или горы, а я на такой высоте, какую я не мог никогда вообразить себе.

16.8 Я не могу даже разобрать — вижу ли я что-нибудь там, внизу, в той бездонной пропасти, над которой я вишу и куда меня тянет. Сердце сжимается, и я испытываю ужас. Смотреть туда ужасно. Если я буду смотреть туда, я чувствую, что я сейчас соскользну с последних помочей и погибну. Я не смотрю, но не смотреть еще хуже, потому что я думаю о том, что будет со мной сейчас, когда я сорвусь с последних помочей. И я чувствую, что от ужаса я теряю последнюю державу и медленно скольжу по спине ниже и ниже. Еще мгновенье, и я оторвусь. И тогда приходит мне мысль: не может это быть правда. Это

ENGLISH

But I begin to wonder whether I am lying comfortably; and something, it seems to me, is awkward for my legs: whether it is too short or uneven, something is awkward; I move my legs a little and at the same time begin to consider how and on what I am lying, which until then had not entered my head. And examining my bed, I see that I am lying on woven rope straps fastened to the sides of the bedstead. My feet are lying on one such strap, my calves on another; my legs are uncomfortable. For some reason I know that these straps can be moved. And with a movement of my legs I push away the last strap under my feet. It seems to me it will be more comfortable that way. But I have pushed it too far; I want to catch it with my legs, but with this movement the other strap slips out from under my calves too, and my legs hang down.

I make a movement with my whole body to set things right, fully confident that I will settle myself in a moment; but with this movement still other straps slip and shift beneath me, and I see that things are going completely wrong: the whole lower part of my body slides down and hangs, my feet do not reach the ground. I am holding on only by the upper part of my back, and I begin to feel not just uncomfortable but, for some reason, frightened.—Only now do I ask myself what had never even entered my head before. I ask myself: where am I, and what am I lying on? And I begin to look around, and first of all I look down, to where my body has slipped and where, I feel, I must fall at any moment. I look down and cannot believe my eyes.

It is not that I am at a height like the height of the highest tower or mountain—I am at a height such as I could never have imagined.

I cannot even make out whether I see anything there, below, in that bottomless chasm over which I hang and into which I am being drawn. My heart contracts, and I feel horror. To look down there is horrible. If I look down there, I feel I will slip off the last straps at once and perish. I do not look, but not looking is still worse, because I think about what will happen to me in a moment, when I fall from the last straps. And I feel that from horror I am losing my last hold and slowly sliding along my back, lower and lower. Another mo-

RUSSIAN

сон. Проснись. Я пытаюсь проснуться и не могу. Что же делать, что же делать?

— спрашиваю я себя и взглядываю вверх. Вверху тоже бездна. Я смотрю в эту бездну неба и стараюсь забыть о бездне внизу, и, действительно, я забываю. Бесконечность внизу отталкивает и ужасает меня; бесконечность вверху притягивает и утверждает меня. Я так же вишу на последних, не выскочивших еще из-под меня помочах над пропастью; я знаю, что я вишу, но я смотрю только вверх, и страх мой проходит. Как это бывает во сне, какой-то голос говорит: «Заметь это, это оно!» и я гляжу всё дальше и дальше в бесконечность вверху и чувствую, что я успокаиваюсь, помню всё, что было, и вспоминаю, как это всё случилось: как я шевелил ногами, как я повис, как я ужаснулся и как спасся от ужаса тем, что стал глядеть вверх.

И я спрашиваю себя: ну, а теперь что же, я вишу всё так же? И я не столько оглядываюсь, сколько всем телом своим испытываю ту точку опоры, на которой я держусь. И вижу, что я уж не вишу и не падаю, а держусь крепко. Я спрашиваю себя, как я держусь, ощупываюсь, оглядываюсь и вижу, что подо мной, под серединой моего тела, одна помоча, и что, глядя вверх, я лежу на ней в самом устойчивом равновесии, что она одна и держала прежде. И тут, как это бывает во сне, мне представляется тот механизм, посредством которого я держусь, очень естественным, понятным и несомненным, несмотря на то, что наяву этот механизм не имеет никакого смысла. Я во сне даже удивляюсь, как я не понимал этого раньше.

Оказывается, что в головах у меня стоит столб, и твердость этого столба не подлежит никакому сомнению, несмотря на то, что стоять этому тонкому столбу не на чем. Потом от столба проведена петля как-то очень хитро и вместе просто, и если лежишь на этой петле серединой тела и смотришь вверх, то даже и вопроса не может быть о падении. Всё это мне было ясно, и я был рад и спокоен. И как будто кто-то мне говорит: смотри же, запомни. И я проснулся.

ENGLISH

ment, and I will drop. And then the thought comes to me: this cannot be true. It is a dream. Wake up. I try to wake up and cannot. What am I to do, what am I to do?

—I ask myself, and I glance upward. Above, too, is an abyss. I look into this abyss of the sky and try to forget the abyss below, and indeed I do forget. The infinity below repels and horrifies me; the infinity above draws me and steadies me. I am hanging just as before over the chasm, on the last straps that have not yet slipped out from under me; I know that I am hanging, but I look only upward, and my fear passes. As happens in dreams, a voice says: “Remember this—this is it!” and I look further and further into the infinity above and feel that I am growing calm; I remember everything that has happened, and I recall how it all came about: how I moved my legs, how I was left hanging, how I was horrified, and how I was saved from horror by beginning to look upward.

And I ask myself: well, and now what—am I still hanging the same way? And I do not so much look around as test with my whole body the point of support that holds me. And I see that I am no longer hanging or falling, but holding firm. I ask myself how I am holding on, feel myself, look around, and see that under me, under the middle of my body, there is one strap, and that, looking upward, I am lying on it in the most stable balance, and that it alone had been holding me before as well. And here, as happens in dreams, the mechanism that holds me seems to me quite natural, understandable and beyond doubt, although in waking life this mechanism makes no sense at all. In the dream I am even surprised that I had not understood this before.

It turns out that at my head stands a pillar, and the firmness of this pillar is beyond any doubt, although there is nothing for this slender pillar to stand on. Then from the pillar a loop runs, somehow very cleverly and at the same time simply, and if you lie on this loop with the middle of your body and look upward, there cannot even be any question of falling. All this was clear to me, and I was glad and at peace. And it is as if someone is saying to me: look now, remember this. And I woke up.